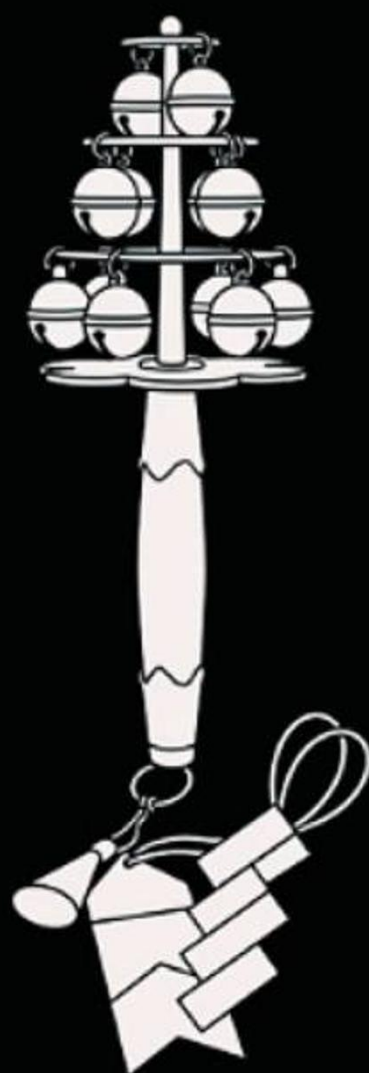




Там, где не цветёт слива
лучик

18+

твой лучик

Там, где не цветёт слива

«Автор»

2026

лучик т.

Там, где не цветёт слива / т. лучик — «Автор», 2026

Когда туман подползает к подножью горы Хисэй, он приносит с собой Сигами – первозданную пустоту, которая стремится обратить всё живое в ничто. Кристалл веками сдерживал скверну, но защита дала брешь, и остров погрузился во тьму. Спасти этот мир способен лишь сакральный танец Кагура. Под тихий звон ритуальных бубенцов Рёко ступает на призрачную тропу, ведущую в позолоченный дворец, который некогда её отверг. Спутником и хранителем становится Рэн – надменный кицунэ, чья истинная природа скована печатью. Жрица без магии крови и ёкай, пленённый в клетке собственного тела, – они станут либо спасением этого мира, либо последними, кого поглотит голодная бездна. Когда тени сплетутся в танце Кагура, когда ритуальные колокола запоют голосами забытых богов, Кристалл проснётся, но пробудит ли он свет...

© лучик т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Звон в пустоте	5
Глава 2. "Белый журавль"	10
Глава 3. Воронье гнездо	18
Глава 4. Печать хранителя гор	25
Глава 5. Тихая буковая роща	30
Глава 6. Карп у поверхности воды	36
Глава 7. Ядовитый цветок	43
Глава 8. Сладкая бобовая паста	50
Глава 9. Тень под алыми воротами	57
Глава 10. Убежище под дикой сливой	65
Глава 11. Свет, разогнавший тьму	69
Глава 12. Ущелье плачущих сосен	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

твой лучик

Там, где не цветёт слива

Глава 1. Звон в пустоте

Слива в этом году так и не зацвела.

Весна подходила к концу. Дни в храме Хисэй сливались воедино. С рассветом Рёко просыпалась от холода, пробиравшегося сквозь тонкие бумажные стены сёдзи. Её мир был соткан из тишины и ритуалов. Она подметала каменные плиты внутреннего двора, где мох цеплялся за трещины – память о былом величии этого места. Ухаживала за садом, меняла подношения на потускневшем алтаре: горсть риса, чаша чистой воды. Движения были точны и выверены, лишены суеты – это была не жизнь, а долгая служба призракам прошлого.

В храм Рёко привезли ещё младенцем, укутанную в дорогое кимоно, и храм стал её домом, а жрицы и каннуси [1] – семьёй.

Когда-то храм оглашался смехом жриц, звоном колокольчиков и пением молитв. Рёко помнила, как в детстве бегала по коридорам, вдыхая густой запах сандала, под строгим, но в то же время тёплым взглядом наставника. Каннуси Масато обучал написанию и чтению кандзи, ритуалам, понимать голоса духов. Новообретённые сёстры наставляли в вопросах дисциплины, как правильно делать омовения и очищать храм. Они растили Рёко в лоне традиций и таинственного общения с незримым миром.

Теперь лишь ветер шептал в кронах вековых кедров да скрипели под босыми ногами старые половицы. Рёко осталась одна. Её упрямство сохраняло этот храм подобно ладоням, удерживающим треснувшую чашу.

Всё изменилось, когда на смену наполненности пришла тишина.

Воздух постепенно становился тяжелее, в нём застыл горьковатый запах гниющей хвои и смерти. Сначала никто не понял, что река заболела. Рыба перестала клевать, а потом всплыла – мелкая, с мутными глазами, чешуя отслаивалась, будто её обварили кипятком. Старики говорили: «Нечистый год, пройдёт».

Поля тоже не радовали. Рис возжёл, но колосья стояли пустыми, овощи вырастали мелкими и горькими. Коровы давали молоко с привкусом железа, а потом и вовсе перестали – они лежали, глядя в одну точку, и, если их не забить сразу, они начинали бодать хозяев, не узнавая.

Самые отчаянные стали уходить в лес. Они возвращались с пустыми руками, находили лишь обломанные грибы и гнилые ягоды. А потом стали возвращаться не те, кто уходил. Внешне – те же люди, те же лица, та же одежда. Но они улыбались – той улыбкой, от которой у жён подкашивались ноги. «Там есть всё,» – повторяли они. «Там много еды. Тишина. И покой». Они постепенно сходили с ума, забывали родных, а затем начинали нападать на односельчан.

Что-то начало искажать землю, отравлять саму суть живых существ, цепляясь за их самые потаённые слабости, обиды или страхи, выворачивая наизнанку и подчиняя своей слепой, разрушительной ярости. В нижних деревнях эту напасть нарекли Сигами – смертоносным богом, управляющим волей из незримых разломов мира. Сигами не было обычной болезнью, которую можно смыть ритуальным омовением. Его природа была неизвестна, и это создание подбиралось к границам Хисэй.

Храм не просто опустел – его оставили в спешке, бежав от наползающего кошмара. Когда присутствие Сигами стало настолько гнетущим и неумолимым, что от него чернели священные ворота, каннуси понял: барьер больше не выдержит. Поток осквернения отравлял разум младших служительниц, им мерещились голоса в тумане, по ночам они пытались сорвать защитные обереги. Тогда старый наставник принял тяжёлое решение: он приказал всем жрицам и

послушникам спуститься в долину и уйти как можно дальше от леса. С ним осталась лишь Рёко – её чистая, непорочная вера была единственным, что могло подпитывать угасающее сердце храма. Масато до последнего вздоха стоял на страже алтаря, сдерживая тьму, а после его смерти эта неподъёмная ноша целиком легла на плечи воспитанницы.

И в один день, похожий на все остальные, Рёко ощутила едва уловимый, тревожный гул, исходящий из самой земли. Казалось, он исходит от всюду: из самих недр горы, на которой был воздвигнут храм, от камней и стволов. Это был тихий, протяжный стон. Земля болела.

У подножия каменной лестницы, прямо на границе храмовой земли, появился чёрный туман, который принял очертания тянущихся к святилищу когтистых лап. Рёко знала: защитные свитки истощены. Боги безмолвствовали. Сколько бы часов она ни проводила на коленях перед алтарём, в ответ раздавался лишь предсмертный стрёкот цикад. Бежать было некуда, да и бросить дом, ставший её частью, казалось предательством.

Тогда, повинувшись последней отчаянной надежде, жрица решила на то, к чему её готовили с самого детства. Облачившись в ритуальные одежды, она вышла на деревянный помост перед главным залом, правая рука сжимала рукоять кагура судзу [2]. Рёко сделала вдох, выпрямила спину и сделала первый шаг. Удар пяткой по дереву. Бубенцы отозвались чистым звоном, разрезая тишину. По контуру энгавы [3] пробежала слабая искра очищающего света.

Второй шаг, третий. Пространство вокруг натянулось подобно струне кото. Первые круги Кагура начали стягивать черноту в одну точку. Клубы дыма собрались в комок, начали бугриться, а потом остервенело устремились вверх по ступеням, пытаясь захлестнуть помост, окутать жрицу, сбить её дыхание, но столкнулись с барьером. В ушах завертелись шёпоты, призывавшие сдаться, бросить колокольчики, раствориться в покое темноты.

Рёко стиснула зубы. На четвёртом круге она с силой взмахнула рукой, готовая призвать небесный свет, который должен был выжечь скверну до самого основания. Бубенцы неистово зазвенели.

Ничего не произошло.

Очищающий свет не снизошёл, лишь слабое свечение коснулось осквернённой земли, но зловеющий туман никуда не делся. Танец Кагура, последнее оружие и великое наследие – не сработал. Сигами не отступило ни на шаг. Богиня окончательно отвернулась от этого места, оставив жрицу наедине с бессилием.

Жрица опустилась на колени. Её руки мелко дрожали, а в груди пульсировал жар. Она сделала всё правильно. Ритм был безупречен, но сил и угасающей веры просто не хватало, чтобы прогнать чужеродное нечто. Храм был обречён. Бежать было некуда, оставалось только ждать конца.

Рёко заканчивала вечерний обход, когда солнце уже скрылось за гребнем гор, оставив после себя лишь тлеющее небо. Длинные тени от каменных фонарей и древнего кедра сплетались в причудливый узор на гравии, и каждый звук – плеск воды в цукубаи [5], размеренное покачивание сосен, глубокое дыхание самой Рёко – раздавались особенно громко.

Луч света, просочившийся сквозь хвою, на мгновение осветил лицо жрицы. Бледное, почти прозрачное от долгого затворничества. Казалось, оно сформировалось из фарфора – с тонкими, чёткими линиями скул и подбородка. Этот же свет скользнул по её чёрным волосам, туго стянутым в простой узел на затылке. Несколько прядей выбилось в течение дня, и они мягко вились у висков, оттеняя высокий, чистый лоб.

Рёко сделала шаг назад, чтобы оценить проделанную работу. Она вздохнула, перед лицом возникло лёгкое облачко в резко похолодевшем воздухе. Именно тогда тишина стала абсолютной. Пропали последние вечерние птицы, смолк шелест. Даже привычный, едва уловимый гул земли – тот, что она ощущала в последнее время, – будто втянулся внутрь, в самую сердцевину острова. Только её собственное сердце устойчиво отстукивало ритм.

И тогда воздух внутри контура тории [5] задрожал, как над раскалёнными камнями в жаркий день. Из этого марева, из самой густоты сумерек, проступил *он*, словно более плотная часть темноты обрела форму. Перед воротами возник человек – высокий, с безупречной осанкой. Его волосы были удивительного, сияющего белого цвета, как у глубоких старцев, но лицо было молодым и хищным. Его одеяние вбирало в себя последние отблески света. Глубокие тона осеннего леса – охры, запёкшейся крови, угасающего синего.

– Жрица, – голос незнакомца звучал мягко, вкрадчиво, как шорох сухих листьев под ногами, – можно ли войти?

– Храм открыт для всех, – произнесла девушка и совершила безупречный поклон.

Как только гость прошёл под ториями, дрожь стихла. Последний луч солнца коснулся путника, и от его тела отскочила тень: гротескная, вытянутая, с заострёнными ушами и неспокойными хвостами.

Ёкай [6]. Древний и смертоносный дух-лис.

Рёко медленно выпрямилась, похолодевшие ладони спрятала в широких рукавах хаори, стараясь, чтобы движение выглядело церемонным, а не испуганным.

– Воздвигли храм у самых облаков, чтобы быть ближе к богам? – с долей снисходительной насмешки спросил лис, при этом продолжал медленно, абсолютно бесшумно надвигаться в сторону жрицы, не отрывая взгляда.

– Чтобы люди поняли, как долг путь к истине.

Гость остановился в трёх шагах от неё – ближе, чем позволяли любые приличия. Рёко не сдвинулась с места – длительное уединение научило её сдерживать порывы, а долг жрицы – не показывать страх перед духами, какими бы они ни были.

Он был на голову выше, раскосые янтарные глаза смотрели с вековым равнодушием.

– Кто ты? – голос жрицы очертил незримую линию.

– Меня зовут Рэн, – он звучал обволакивающе, пугающе близко, будто забрался прямо в голову. – Если ты действительно настоящая жрица, а не обычная глупая девчонка, то должна знать, что этот храм мёртв. Богиня, которой ты ставишь жалкий рис, покинула эти земли ещё до твоего рождения. Ты молишься пустоте. И твой вчерашний танец тому доказательство, не так ли? Я видел твои потуги из леса.

– Зачем ты здесь, ёкай? – отрезала она, отказываясь отступать под его давящей аурой. – Какое тебе дело до гибнущего человеческого храма?

– Мне нужна жрица, – отчеканил он. – Смертная, в чьих жилах ещё остались чистая вера и дар Богини Мирумэ. Мне нужна та, кто сможет провести ритуал Кагура и очистить Первородный источник.

– Ты же прекрасно видел, что у меня... ничего не вышло, – последние слова звучали особенно горько, отчего Рёко стыдливо отвела взгляд в сторону.

– Твой танец здесь бесполезен, – Рэн сделал ещё шаг, и в его глазах вспыхнул знающий огонёк. – Местные боги безмолвствуют, они истощены или поглощены Сигами. Храм Хисэй больше не питается артериями земли, так что будь ты хоть трижды упряма, твои бубенцы здесь – лишь пустой шум.

Рёко замерла, уязвлённая правдой, но лис не дал ей перебить себя.

– Сигами не отступило от твоего танца только *здесь*. В Скрытых землях, у Первородного источника, правила другие. Туда нельзя прийти с армией, туда не пустят ни одного ёкая – он выжжет нас дотла. Нужен проводник, обладающий колоссальной силой, магической кровью. Кровью твоего отца, сёгуна.

Рёко почувствовала, как сердце пропустило удар.

– Твоё рождение должно было стать триумфом, – вкрадчиво продолжил Рэн, проскользнула искренняя, надменная насмешка над людской слепотой. – Но в твоих жилах не зажглась эта грозная, карающая магия. Увы, ты родилась «пустой», обычной девчонкой, которую в

спешке услали с глаз долой, в храм на границе миров. А вот твоя младшая сестра... О, она унаследовала всё. Вся ярость и сила вашего рода бурлит в её теле. Она – идеальный сосуд. Тот самый проводник, которого примет Кристалл.

Лис хищно улыбнулся, обнажив острые клыки, и наклонился ближе к лицу Рёко.

– Но есть одна деликатная проблема. Понимаешь ли, твоя сестра – редкая и взбалмошная дурочка. Она умеет разрушать, но понятия не имеет, как созидать. Если она попытается коснуться Источника, она просто взорвёт его, уничтожив весь остров. Ей нужен ключ. Ей нужен сакральный ритм очищения, которым от природы обладаешь именно ты.

Рэн выпрямился, его белые волосы качнулись на ветру.

– Улавливаешь, к чему я клоню? Без магии твоей сестры первородный Кристалл даже не проснётся. Но без твоих знаний, священного танца, которому ты должна её научить, она – лишь слепое оружие. Ты пойдёшь со мной в столицу, жрица, и вобьёшь в голову принцессы все взмахи, повороты и шаги. Только тогда Сигами отступит, только тогда очистятся эти горы и твой храм исцелится.

Он отступил на шаг в наступающие сумерки.

– Здесь ты – покинутая всеми сирота, беспомощно звенящая бубенцами перед лицом чудовищ. Там, со мной – ты единственный наставник, способный спасти этот мир от слепого безумия. Выбирай, жрица.

– С чего бы мне верить чудовищу? – Рёко зябко потянула на себя края кимоно. – Ты предлагаешь мне бросить всё, что я знаю, и пойти неизвестно куда, ради цели, которой я не понимаю. Я могу погибнуть в первые же дни или же ты полакомишься моей плотью.

Рэн лениво, почти разочарованно вздохнул.

– Я предлагаю тебе единственный шанс сделать так, чтобы твоя жизнь и твоё служение имели хоть какой-то смысл.

Он подошёл ещё ближе.

– Барьер падёт к исходу завтрашней ночи. Твари Сигами ворвутся сюда, и они не пощадят ни алтарь, ни тебя. Твоя кровь оросит эти плиты, и никто даже не вспомнит имя последней жрицы Хисэй. Останешься здесь – умрёшь бессмысленно, наблюдая, как вместе с тобой гибнет храм. Пойдёшь со мной – возможно, погибнешь в пути, но, если ты выживешь, ты спасёшь то, во что веришь. Очистишь источник – спасутся и эти горы. Выбирай, жрица.

Рэн повернулся к ней спиной, давая понять, что уговаривать не станет. Он был готов уйти в любую секунду, оставив её один на один с наступающей тьмой.

Рёко посмотрела на подступающий туман у ворот, затем на потускневшую крышу храма, который старалась уберечь. Оставить дом было равносильно тому, чтобы вырвать часть души. Но умереть здесь, забившись в угол, не попытавшись дать отпор Сигами – это было бы предательством памяти её наставника.

– Мне нужно закончить дела и собрать вещи, – негромко произнесла она в спину уходящему ёкаю.

Рэн остановился, слегка повернув голову. Янтарный глаз блеснул в темноте.

– Выдвигаемся на рассвете, – кинул он и растворился в воздухе.

Выбор сделан. Храм Хисэй оставался позади, а впереди ждала пугающая неизвестность под конвоем гордого, опасного духа.

[1] Канниси – человек, отвечающий за содержание святилища и поклонение божествам.

[2] Кагура судзу – традиционный японский ритуальный инструмент, представляющий набор небольших колокольчиков, прикреплённых к деревянному стержню (рукоятке).

[3] Энгава – традиционный японский архитектурный элемент, представляющий собой узкую деревянную галерею-веранду, окружающую дом по периметру.

[4] Цукубай – традиционный чаша из цельного камня для омовения рук и лица перед чайной церемонией

[5] Ториш – ритуальные врата, устанавливаемые перед святилищами.

[6] Ёкай – обобщающий термин для мифических созданий.

Глава 2. "Белый журавль"

Рёко в последний раз обходила храм. В главном зале она опустилась на колени и смиренно уткнулась лбом в отполированные временем доски – не в молитве к Мирумэ, а в тихом прощании. Здесь больше некому было возносить прошения. Последняя хранительница собиралась оставить эти стены на растерзание подступающей тьме.

Вернувшись в свою келью, она собрала скромные пожитки: сменную одежду, ритуальные принадлежности, сушёные припасы. На плечи привычно легло бело-алое храмовое одеяние – её броня. Перед самым выходом, повинаясь какому-то неосознанному порыву, Рёко заглянула в *осишрэ* – глубокую встроенную кладовую, скрытую в тени раздвижных панелей. В детстве это место казалось ей огромной пещерой, где она прятала свои скромные «сокровища»: гладкие стёклышки, омытые морем, и причудливые речные камушки.

На нижних полках всё так же чинно покоились церемониальные атрибуты, покрытые тонким слоем пыли. Рёко потянулась к самой верхней, дальней полке, ведя ладонью наугад. Пальцы наткнулись не на шершавую холстину, а на удивительную гладь – шёлк, прохладный и текучий.

Жрица затаила дыхание и осторожно вытянула свёрток. В полумраке кельи ожил глубокий, насыщенный чернильный цвет, прошитый тончайшей серебряной нитью. Кимоно матери. То самое, в котором крошечную Рёко когда-то привезли в Хисэй. Казалось, оно до сих пор источало едва уловимый аромат редких столичных духов. Рёко провела подушечками пальцев по спине ткани, безошибочно нащупала вышивку – сплетение острого клинка и волн, тяжёлую, властную печать контроля дома сёгуна.

В памяти ожил душный летний вечер здесь, в Хисэй. Ей было не больше пяти. Мать – тогда ещё живая – туго затягивала пояс оби на детском кимоно. Помнилось, что её волосы пахли мылом и сакурой.

– Запомни, Рёко, – строгий, но приглушённый голос женщины заставлял прислушиваться к каждому слову. – Кагура – это не просто красивые движения на потеху прихожанам. Это язык, на котором смертные говорят с осью мира. Каждый твой шаг вправо – это сотворение порядка, каждый шаг влево – отсечение хаоса.

Мать вложила в крошечные ладони тяжёлые ритуальные судзу. Серебряные бубенцы отозвались чистым, кристальным звоном.

– Когда мир настигнет тьма, человеческая сталь будет бессильна, она лишь преумножит ярость. Но когда ты начнёшь Кагура, твоё тело станет проводником воли Богини. Бьёшь пяткой по настилу – и пробуждаешь спящие токи земли. Делаешь взмах рукой – и поднимаешь ветер, который заставляет тьму сжиматься, – мать подняла голову, её глаза цвета спелых плодов черёмухи горели решимостью. – Однажды ты покажешь тем придворным глупцам, чего мы стоим. Не забывай, кто ты есть на самом деле.

Тогда маленькая Рёко не понимала, почему у матери так отчаянно дрожали руки, когда она вела её по кругу, заставляла держать спину ровно, а подбородок приподнятым. «Держи ритм, Рёко. Если ты собьёшься с дыхания даже долю секунды, пустота ворвётся внутрь и поглотит сердце».

Рёко моргнула, возвращаясь в холодную реальность. Теперь она знала, почему руки матери дрожали: она уже тогда начала сгорать от подступающей к храму тьмы, но отдавала все силы, чтобы пробудить у своей единственной дочери наследственную память о танце.

– Ты тоже заслуживаешь другую судьбу, – тихо прошептала Рёко, обращаясь то ли к шёлку, то ли к призраку матери. Сложив ткань, она бережно опустила её на дно дорожной сумки.

Перед тем как окончательно спуститься к воротам, жрица пришла к одинокому кургану под сенью вековых кедров, где был похоронен наставник. Опустившись в сейдза [1], она закрыла глаза, позволяя молитве литься из самой глубины надломленного сердца. Рёко искала знамения, благословения на путь: не совершает ли она святотатство, вверяя свою жизнь и силу существу, чья природа соткана из обмана?

«Даже если боги молчат, Рёко, помни, твоё собственное сердце – это компас, который всегда укажет тебе верный путь,» – в голове возникли слова достойного Масато. Это было последнее, что он сказал перед тем, как покинуть её навсегда.

– Ты закончила свои проводы? – скупающий тон Рэна вернул в реальность.

Ёкай полулежал на деревянной скамье, закинув ногу на ногу, и лениво играл сорванной травинкой.

Рёко сдержанно кивнула, поднялась с земли, зачерпнула бамбуковым ковшом чистой воды из чаши-цукубай и тремя движениями омыла камни у подножия. Вода с тихим шуршанием ушла в иссушенную землю. Какой же путь укажет её сердце?

– Что будет с храмом, пока меня не будет? – озвучила Рёко главный страх, который не давал покоя. – Если Сигами прорвётся...

– Я не из тех, кто оставляет за собой открытые тылы, – Рэн поднялся со скамьи и потянулся. – О безопасности твоего драгоценного склепа я позаботился.

Он кивнул на конёк крыши главного зала. На фоне рассветного неба сидела крупная трёхцветная кошка. Хвост плавно, почти гипнотически раскачивались из стороны в сторону.

– Не знала, что у этого храма есть бакэнэко [2], – Рёко пристально посмотрела на существо наверху. – Но ты хочешь сказать, что одна кошка справится с целым храмом?

– Ну, ты же как-то справлялась. Кошка ничуть не хуже.

Рёко смерила ёкая суровым взглядом.

– К тому же... – Рэн повысил голос, устремляя взгляд к крыше, – у нас с этой особой очень старые, незакрытые счёты. Она посторожит этот храм столько, сколько потребуется.

Бакэнэко даже ухом не повела, но прекратила раскачивать хвостом. Медленно, с преувеличенным пренебрежением, она повернула к ним голову, щури зелёные глаза. Не шипение, а скорее презрительное «пф-р-р-р-р» донеслось сверху. Затем она демонстративно принялась вылизывать лапу, всем видом показывая, что в разговоре она не заинтересована.

– Я не уверена, что это мудрое решение... – Рёко удручённо покачала головой.

– Доверие, жрица, – это единственное условие выживания для нас.

– Доверие? Да я увидела тебя только вчера! О каком доверии может идти речь? Ты – ёкай, чьи сородичи веками досаждали людям. Я иду с тобой, потому что должна спасти эту землю, но не проси меня закрывать глаза на то, кто ты такой.

Она сама удивилась этой вспышке. Горячая волна окатила её с головы до ног, сжигая привычную сдержанность. Всё же одиночество не стёрло нрав, а лишь придавило крышкой – и теперь эта крышка сорвалась под натиском тревоги и возмущения.

Рэн наблюдал за вспыхнувшим девичьим лицом почти с интересом.

– Обстоятельства – жёсткие попутчики, – сказал он чуть мягче. – Они свели нас. Этой твари, – он кивнул на кошку, – можно доверять. Она лишь играет в беззащитность, и сейчас её интересы совпадают с нашими.

С крыши донёсся тихий, но отчётливый звук, похожий на ворчание.

– Твоя часть – танец и вера. Моя – всё остальное. Это честное разделение обязанностей. Договорились?

Рёко закусила губу. Взгляд скользнул от загадочного ёкая на стража, затем на ворота, за которыми лежал спуск с горы, всё опасное и неизвестное. Она медленно выдохнула, и с этим выдохом словно отпустила всё, что держало её здесь годами.

Жрица не ответила, просто твёрдо пошла к воротам и шагнула за их границу, не оглядываясь. Оглянуться – значит дать своей тоске корни, которые будут тянуть назад.

Туман висел над лесом тяжёлыми пологими. Казалось, даже воздух стал осязаемым, вязким – каждый вдох оставлял во рту привкус мха и древесины.

Рёко шла на полшага позади Рэна. Её дорожная сумка мерно билась о бедро. Лис двигался плавно, текуче, что выдавало в нём существо совсем иного порядка. У покосившегося дерева свернул направо, хотя тропа явно вела влево. Юрко скатился со склона, таща за собой девушку, и у камня с лишайником резко шагнул между двумя стройными соснами.

– Ты дышишь слишком громко, – не оборачиваясь, бросил Рэн. – В Скрытых землях хищники ориентируются на стук чужого испуганного сердца. Сбавь темп.

– Моё сердце бьётся так, как положено человеческому, – отозвалась Рёко. – Если для тебя спуск – лёгкая прогулка, то я, в отличие от некоторых, несу на себе груз.

Рэн резко остановился. Рёко едва не врезалась в его широкую спину, успев затормозить в последний момент.

– Груз? – тихо, с обманчивой мягкостью переспросил он и развернулся всем телом. – Твой единственный «груз» – это твоё упрямство. Поверь, будь моя воля, я бы оставил тебя в храме. Мне не нужна обуза, которая начнёт жаловаться на усталость до того, как мы пересечём первую границу. Хочешь вернуться к своему алтарю? Дорога пока ещё открыта. Мы придумаем какой-нибудь другой план по спасению этой земли.

Рёко стиснула зубы так, что заболели челюсти. Надменность ёкая ранила, но она знала – это проверка на прочность, хватит ли ей духа на долгий и сложный путь, не сбежит ли перед лицом опасности.

– Я не вернусь, – твёрдо ответила жрица, прямо встречая колющий взгляд. – И я не жалуюсь. Иди дальше, ёкай.

Рэн посмотрел на неё сверху вниз и пошёл дальше.

– Здесь пространство, – он скользнул под веткой, а Рёко чуть не вписалась в неё лбом, – мнётся. Как бумага. Надо знать, где сделать складку.

– Ты сравниваешь дорогу в мир ёкаев с оригами? – ноги едва поспевали за проводником, поскальзываясь на влажной листве и хвое.

– Да, вроде того, как люди складывают журавликов из бумаги. Схожий процесс. Бумага покорно складывается под давлением пальцев, как пространство под ногами, идущими в нужном направлении. Бумага запоминает каждое прикосновение, и пространство запоминает, как были протоптаны дороги. Эта тропа не пользуется спросом, поэтому может получиться попасть в нужное место не с первой попытки.

– То есть существуют и другие тропы?

– Множество.

– Как вообще возникают эти тропы?

– Очень просто: если у тебя есть исходная и конечная точки, то ты в любом случае придёшь туда, куда тебе нужно.

Внезапно Рэн схватил её за руку:

– Сейчас, – и рванул в сторону.

Рёко ожидала удара об один из стволов, которые их окружали, но вместо этого туман порвался и ноги ступили на упругий мох.

Всюду разносилась пьянящая сладость, как от множества спелых персиков. Здесь глицинии цвели вопреки всем законам времени. Стволы вздымались к небу, с них струились водопады синих и фиолетовых соцветий. Цветы шевелились, будто дышали, осыпая блестящую пылью.

Ёкай всё ещё крепко держал жрицу за кисть. От тепла его ладони – слишком горячей, почти обжигающей для человека – по коже пробежали мириады мурашек. Рёко поспешно выдернула руку из хватки и сделала шаг назад, церемонно поправляя рукава.

– У нас так не принято, – холодно отрезала она.

Лис посмотрел на неё с язвительной усмешкой. Его забавляло, как Рёко пыталась цепляться за человеческие приличия там, где они ничего не стояли.

«Человек... Смертная...» – донёсся до ушей поток шёпотков.

– Кто это? – спросила Рёко и с опаской оглянулась.

Шёпот шёл ото всюду: от цветов, плещущейся неподалёку воды, корней деревьев. Мир духов реагировал на чужака.

– Это Скрытые земли, – Рэн широко раскинул руки, словно пытался объять всё это завораживающее пространство. – Здесь давно не ступала нога человека. Мир чувствует твоё присутствие, пытается тебя «понять».

– И что это значит?

– Не забивай голову. А вот что действительно важно – тропа сегодня оказалась капризной, и мы вышли не совсем там, где нужно. Придётся пройти пешком. И желательно убраться отсюда до темноты. Мало ли, кто из диких духов учует твой сладкий человеческий запах, – Рэн плотоядно облизнулся.

Ветви глицинии раздвинулись перед путниками сами собой, гостеприимно приглашая пройти дальше. Впереди, на развилке, высился древний указательный камень – массивный валун с глубоко высеченными кандзи.

– Это работа человеческих рук, – пояснил Рэн, предвосхищая её вопрос. – Раньше, до раскола, люди жили бок о бок с ёкаями. Они ставили эти камни, чтобы ваши паломники не заплутали в здешних землях.

Они повернули налево и вышли на прямую тропу.

– Ты не сказал, куда мы идём, – напомнила Рёко, попутно разглядывая живописные пейзажи.

– В Воронье гнездо. Мы вряд ли успеем дойти до захода солнца. По пути должен быть постоянный двор. Я останавливался там... – губы растянулись в блаженной улыбке от настигнувших воспоминаний. – Правда, давненько это было. Надеюсь, это чудное местечко по-прежнему держится на плаву.

Рёко покосилась на лиса, но ничего не сказала, лишь поняла, что больших ожиданий на ночлежку возлагать не стоит.

Спустя час, когда солнце уже клонилось к закату, тропа окончательно затерялась в густых, влажных объятиях леса. Древние деревья с переплетёнными корнями, казалось, молчаливо наблюдали за их шествием.

– Стой. Ни звука, – рука Рэна внезапно преградила путь Рёко, его пальцы впились в ткань её хаори.

Рёко замерла, не понимая, что происходит. Но вскоре до неё дошёл запах – едкий, металлический, запах окисленного железа, настолько сильного, что закружилась голова, а перед глазами поплыли тёмные пятна.

Где-то впереди, среди густых кустов, послышалось шевеление. Захрустели ветки, и на тропу медленно выползло существо. Когда-то оно, возможно, было величественным оленем, но теперь Сигами переписало его природу. Шерсть вылезла клочьями, обнажая сочащуюся чёрной гнилью плоть. Один рог был сломан, а на его месте виднелись костяные наросты, напоминающие шипы.

Рёко смотрела на оленя, почти не дыша, и боялась пошевелиться. Её охватил первобытный страх. Прежде она не видела монстров Сигами. Может, он их не заметит и пойдёт дальше?

Но тварь медленно повернула голову. Из пустых, затянутых плёнкой глазниц на них установился бездонный мрак. Создание издало хриплый рёв, который пробирал до костей и отзывался эхом в самой глубине леса.

Рэн вынул из рукава веер. Это была искусная работа безымянного кузнеца: каждая перьевая пластина была выкована из воронёной стали, лёгкой и смертоносной. Вокруг ладоней соткались первые, робкие искры лисьего огня, танцующие на кончиках пальцев. Но не успело пламя разгореться, как символ на его шее, скрытый под воротом хаори, вспыхнул ослепительно-белым светом. «Подчинение».

Лис судорожно выдохнул сквозь стиснутые зубы, его тело содрогнулось от боли. Лисий огонь погас.

– Значит, по старинке, – прошептал он, и в этом шёпоте была смесь ярости и бессилия.

Рэн совершил молниеносный прыжок. Блеснула сталь. В следующее мгновение создание Сигами повалилось на землю и тут же расщепилось в облако едкого пепла, которое подхватил ветер.

Рёко стояла в оцепенении, ошеломлённая быстротой схватки. Пыль от Сигами все ещё витала в воздухе, и она инстинктивно прикрыла рот рукавом.

– Ты в порядке? – тихо позвала Рёко. Голос дрожал. В нем боролись страх перед силой ёкая и искреннее беспокойство.

– Естественно, – буркнул Рэн, чьё дыхание было тяжёлым, прерывистым, спина напряжена. – Можешь проходить, только не смей дышать этим пеплом.

Жрица осторожно обошла место, где мгновение назад было чудовище. Когда она поравнялась с ёкаем, она почувствовала, как от него исходит сильный, почти осязаемый жар. Казалось, первородная магия, которую сдерживала цепь «Подчинения», бурлила в его жилах, сжигая изнутри. Она увидела, как его пальцы судорожно сжимают рукоять веера.

Рёко ничего не сказала. Не стала предлагать помощь, зная, что наткнётся на очередную грубость или презрительный взгляд. Она просто поправила лямку сумки и пошла вперёд, задавая новый, более спокойный и осторожный темп.

Рэн постоял ещё несколько мгновений, глядя на её удаляющуюся бело-алую фигуру, которая казалась такой хрупкой и крошечной на фоне возвышающегося леса. Его дыхание постепенно выравнилось, а безумный блеск в глазах сменился привычной, усталой отрешённостью. Спрятав веер, он бесшумно двинулся следом.

Путь усложнил внезапно начавшийся ливень. Дорога, размытая дождём, превратилась в грязное месиво, и каждый шаг давался с трудом, глина налипала на гэта [3], утягивая вниз. Вымотанная физически и опустошённая морально, жрица двигалась на одном упрямстве, мечтая лишь об одном – упасть лицом в сухую циновку и больше не шевелиться. Она ловила себя на мысли, что готова отдать что угодно ради сухой одежды и чашки горячего чая. Рэн же, словно в насмешку над её мучениями, шёл скользкой, невесомой походкой. Грязь под его ногами будто расступалась, не смея осквернить изысканные одежды.

Рёкан возник перед ними из пелены ливня внезапно, словно призрачное видение. На покосившейся вывеске с облупившейся краской едва угадывались иероглифы: «Белый журавль». Одиноким фонарь, подвешенный на кованом ржавом крюке, качался под порывами ветра, разливая тусклый жёлтый свет. Его едва хватало, чтобы осветить низкую арку и гравийную дорожку, ведущую внутрь.

Сам рёкан представлял собой массивное, угрюмое строение из потемневшего от времени кедра – не ветхого, но тёмного, почти чёрного от влаги и прожитых лет. В строгих, рубленых линиях не было ни капли гостеприимства – только суровая основательность.

«Жутковатое местечко», – подумала про себя Рёко, пока пыталась отжать мокрые волосы.

Хозяин появился из боковой двери – сгорбленный старик с лицом, напоминающим печёное яблоко. Оглядел гостей без особого интереса, сплюнул в сторону и спросил хрипло:

– На ночь?

– На ночь, – кивнул Рэн.

– Денежки вперед.

Рэн бросил монеты – старик ловко поймал их в воздухе и сунул за карман. Повернулся и зашаркал в темноту, бросив через плечо:

– Вторая комната на втором этаже. Еду принесу. Жаровня есть, дополнительные дрова за отдельную плату.

Рёко растерянно переглянулась с Рэном. Тот только пожал плечами.

– Вот это сервис, – усмехнулся он.

Они поднялись по скрипучей лестнице, которая жалобно охала под каждым шагом. Коридор второго этажа был узким, с низким потолком, пахло сыростью и плесенью. Бумажные перегородки в нескольких местах были заклеены газетами.

Их комната оказалась маленькой и квадратной. В углу стопкой лежали futоны [4] – застиранные, но, к счастью, чистые. Рядом расположились низкий стол и жаровня с прогоревшим дном. На стене висел потрёпанный свиток с иероглифом, выцветшим до неузнаваемости.

Рёко опустилась на пол и облегчённо вздохнула.

– Забирай угол, – Рэн без тени смущения подцепил ногой свой futон и вытащил его в самый центр комнаты, заняв лучшее место.

– Вежливо, – процедила Рёко, чувствуя глухое раздражение. – Истинный дух.

– А ты жди от духов вежливости, – на губах лиса промелькнула мимолётная ухмылка, он даже не взглянул в её сторону. – Будешь ждать вечность.

Рёко сжала пальцы в кулаки так, что ногти впились в ладони. Он делал это намеренно: выводил из равновесия, провоцировал, проверял границы терпения.

– Можешь спать на циновке, если тебе так больше нравится – обронил Рэн, заметив, что жрица не двигается с места. – Или сидя. Мне всё равно.

Рёко молча разложила свой futон в углу, стараясь держаться как можно дальше. Холод пробирал до костей. Мокрая, прилипшая к телу одежда усугубляла положение, заставляя крупно дрожать. Она вытащила огниво и попыталась высечь искру, но заочевшие, онемевшие пальцы не слушались.

– Ты не умеешь разжигать огонь? – голос Рэна издевательски закрался прямо в голову, пока он наблюдал за беспомощными попытками высечь искру.

– Я жрица, а не бог огня, – огрызнулась Рёко.

– Вижу, – Рэн демонстративно щёлкнул тонкими пальцами.

Из его ладони вырвался ярко-синий язык пламени. Он метнулся в жаровню, расшевелил и воспламенил старые угли. Комната постепенно начала наполняться теплом.

– Учись. И, кстати, тебе бы стоило высушить одежду.

– Предлагаешь мне раздеться прямо перед тобой?

Рэн равнодушно повёл плечом.

– Твоя нагота и твои страхи слишком... человеческие. Меня не интересует плоть, которая увянет через пару десятков лет.

Рёко резко обернулась, готовая высказать ему всё, что думает, но лис уже потерял к ней интерес. Он развалился на своём futоне, заложил руки за голову и прикрыл глаза. Смотреть на его самодовольное лицо было невыносимо. Жрица всё же отвернулась к стене, трясущимися руками сбросила тяжёлые, насквозь пропитанные водой одежды и кое-как завернулась в сухое запасное кимоно.

Ужин принесли в комнату, но Рёко едва притронулась к своей порции, в горле стоял плотный ком. Она сидела, тесно обхватив колени руками и уткнувшись взглядом в грубое плетение татами. Рэн же, напротив, стремительно опустошил свои пиалы.

– Ты собираешься молчать? – он с негромким стуком отодвинул пустую миску.

– А ты собираешься всю дорогу быть невыносимым?

– Я – это я. Если тебе не нравится, можешь идти одна.

Рёко встала. Внутри закипала накопленная за день обида.

– Тогда зачем я здесь?! Чтобы ты мог бесконечно издеваться надо мной?

Рэн поднялся следом. Он оказался гораздо выше, и его внезапно выросшая тень буквально придавила девушку к полу.

– Ты здесь, потому что никто, кроме тебя, не знает шагов Кагуры. Ты – инструмент. Инструменты не обижаются, жрица. Они просто делают то, для чего были созданы.

Впервые в жизни Рёко ощутила дикое, почти непреодолимое желание ударить человека. Или ёкая. Прямо в это холёное, красивое лицо. Но знала – бесполезно. Ему это не причинит вреда, а ей не принесёт облегчения.

– Ты чудовище, – выдохнула она и отступила на шаг.

– Нет. Я просто честен. Ты не хочешь слышать правду, потому что она делает больно.

Они застыли друг напротив друга в тесной, душной комнате. Дождь барабанил по крыше. Рёко чувствовала зародыш гнева внутри себя. Мерзкий и липкий.

– Я лягу спать, – Рёко оборвала взгляд и отвернулась к углу.

– Умное решение.

Она погасила лампу, оставив комнату в сером сумраке. По шороху было понятно, что Рэн обратно улёгся на futon. Его дыхание звучало ровно и спокойно в полное противопоставление сбивчивому, неровному дыханию девушки.

Рёко проснулась посреди ночи от пронизывающего холода в крошечной темноте. Угли в жаровне давно прогорели. Повинуясь смутному предчувствию, жрица протянула руку вверх – futon Рэна был пуст. Она тревожно вслушалась: тишина, мерный стук дождя за окном и приглушённый гул где-то в глубине комнат.

«Ушёл. Бросил», – кольнула первая мысль.

«Как и все остальные,» – трусливо.

А что, если он передумал? Если этот высокомерный дух решил, что тащить с собой жрицу – излишняя ноша, и просто испарился в ночи, оставил её одну в придорожном рёкане?

Рёко рывком поднялась. Сердце колотилось где-то у самого горла и мешало дышать. Она не боялась ёкаев – ну, боялась, но не так, как оказаться покинутой посреди чужого мира. Рэн был единственным проводником, и, в отличие от неё, знавшим, что делать дальше.

Она выскользнула в коридор. В самом конце галереи тускло горел фонарь, и из-за плотно задвинутой бумажной перегородки, доносились звуки: пьяный смех, звон керамических пиал, неровный, тягучий перебор струн.

Рёко колебалась. Её учили, что благочестивая жрица не должна совать нос в чужие дела, особенно если речь идёт о ночных сборищах духов. Но страх потерять единственного союзника пересилил. Она подкралась к двери и едва заметно сдвинула деревянную раму сёдзи, оставив узкую щёлку.

За перегородкой располагалась просторная общая комната, на ночь превращённая в злачный кабак. Воздух здесь был сизым от дыма и пах перебродившим алкоголем. За низкими столами вповалку сидело несколько существ. Одного взгляда на них хватало, чтобы понять – здесь нет ни одного человека. Слишком резкие, хищные черты лиц, неестественно блестящие в полумраке глаза и причудливые тени на стенах, которые двигались отдельно от своих хозяев. У кого-то мелькали пушистые хвосты, у других подёргивались звериные уши.

Напротив развалился на подушках Рэн. Он явно не собирался никуда исчезать. Рёко затопило ощущение облегчения, пока не удалось рассмотреть всех деталей.

Рядом с лисом, бесстыдно притираясь к его плечу, ластилась молодая девица с маленькими округлыми ушками мудзины [5]. Её тонкие пальцы с острыми коготками двусмысленно скользили по груди Рэна, забирались под ворот распахнутого хаори. Лис лениво принимал саке

прямо из её рук, даже не думал отстраняться. Его лицо выражало полное, сытое удовлетворение.

Рёко оцепенела, чувствуя, как краска стыда заливает лицо.

– О, глядите-ка, у нас гостя! – зычно воскликнул один из гуляк – грузный ёкай с хитрой мордой тануки. – Рэн, дружище, ты не говорил, что пожаловал в наши края с очаровательной спутницей.

– Она мне не спутница, – уточнил Рэн, перехватил у девицы новую чашу с саке, даже не повернув головы к двери. – Она – моя ноша. Временно.

– Может, она хочет присоединиться? – притворно-ласково хихикнула мудзина, наклоняясь к Рэну так низко, что её грудь едва не вывалилась из разреза шёлкового кимоно.

– Она не из таких, – Рэн наконец поднял тяжёлый, чуть пьяный взгляд, уставившись прямо на замершую в проёме Рёко. – Ты ведь не из таких, правда? Ты ведь выше приземлённых утех?

Глубокое унижение настигло девушку. Она, переступив через гордость и страх, пошла искать его, а нашла это пьяное торжище.

– У-у-у, человеком пахнет... – невнятно пробормотал молодой волчонок, дремавший до этого в углу на куче тряпья. Он потянулся было к кувшину с саке, но его грубо одёрнул сидящий рядом дух:

– Заткнись, тебе уже мерещится всякое! Пей меньше, – одёрнул его рядом сидящий дух.

– Ты обещал, что мы уйдём на рассвете, – напомнила Рёко, стараясь сделать голос ровным и твёрдым.

– И уйдём, – Рэн со стуком поставил пустую чашу на стол. – А пока ночь принадлежит мне, и я отдыхаю так, как считаю нужным. Ты не обязана на это смотреть.

Сидящие за столом ёкаи согласно и издевательски расхохотались. Мудзина, торжествуя зыркнув на жирицу, прижалась к Рэну ещё теснее. Рёко отчётливо увидела, как длинные пальцы лиса спокойно и уверенно легли на тонкую талию духа – по-хозяйски, будто так и должно быть.

Рёко резко задвинула перегородку, обрывая пьяный смех. Она почти побежала по тёмному коридору обратно в свою комнату. Кинувшись на футон, свернулась плотным клубком, натянув одеяло до самого подбородка.

Она крепко зажмурилась, но сон не шёл. В темноте остался лишь нескончаемый, глухой шум дождя за окном и удушливое, горькое понимание: она влипла в историю, из которой, похоже, нет выхода.

[1] Сейдза – это традиционная японская поза для сидения на полу: колени согнуты, бёдра опущены на пятки, спина прямая; стопы при этом скрещены, а ягодицы давят на пятки.

[2] Бакэнэко – существо из японского фольклора, кошка-оборотень.

[3] Гэта – деревянные сандалии.

[4] Футон – традиционный японский спальный комплект, представляющий собой толстый стёганный матрас, который расстилают прямо на полу (обычно на татами), и стёганое одеяло.

[5] Мудзина – ёкай-оборотень из японского фольклора, представляющий собой барсука.

Глава 3. Воронье гнездо

На утро затяжной дождь наконец стих. Вместе с прибитой к земле пылью куда-то ушли и те неприятные чувства, что терзали всю ночь. На смену им пришла звенящая пустота. Жрица опасливо открыла глаза и первым делом осмотрела комнату. Рэна в ней не было.

Рёко поднялась и начала методично натягивать подсохшую, но всё ещё пахнущую речной влагой храмовую одежду. Тело ломило после изнурительной дороги и беспокойного сна, а внутри разливалось гнетущее ощущение личной катастрофы – она чувствовала себя жалко.

Вдруг бумажная сёдзи с шорохом отодвинулась в сторону. В проёме показалась сторбленная фигура хозяина рёкана. В утреннем свете его морщины казались ещё глубже.

– Завтрак, – старик поставил на пол поднос со скромной похлёбкой и тёплым рисом. – Лис ожидает во внутреннем дворе. Велел Вас рано не беспокоить.

Как внезапно старик возник, так и растворился в полумраке коридора. Рёко замерла, переваривая его слова. «Велел не беспокоить». После дня, наполненного едкими издёвками, эта мимолётная, почти человеческая забота со стороны Рэна казалась странной, пугающей аномалией.

Кое-как позавтракав, Рёко уложила в сумку обсохшие за ночь вещи. Перед самым выходом она закрыла глаза и шёпотом произнесла короткую молитву о лёгком и спокойном пути.

Снаружи её встретило ослепительное утро. Яркое солнце щедро заливало мир золотом. Капли воды на крыше умытого ливнем рёкана сверкали, точно драгоценные камни. При солнечном свете «Белый журавль» больше не выглядел столь зловеще: это был всего лишь старый, уставший от времени придорожный приют.

Рэн, как и предупреждал старик, обнаружился во внутреннем дворе. Он сидел на невысоком каменном ограждении под раскидистым клёном, сквозь листву которого пробивались косые лучи света. На его лице не было ни малейшего следа ночного хмеля, усталости. Он неторопливо, с какой-то медитативной плавностью полировал стальные перья своего веера шёлковым платком. Блики то и дело вспыхивали на смертоносных пластинах.

– На подъём к пику уйдёт весь день, – Ровный, прохладный голос рассёк утреннюю тишину. – Если твои человеческие ноги не откажут на первой же круче.

Жрица сделала над собой усилие, подняла подбородок, как учила мать. «Держи спину ровно. Не показывай слабость».

– Не откажут, – заявила со всей уверенностью Рёко – упорства ей было не занимать. – Я готова идти.

Рэн опустил веер, оружие с щелчком исчезло в широком рукаве. Ёкай ловко соскочил на гравийную дорожку.

– Дорога к Вороньему гнезду не прощает ошибок, жрица, – в его глазах блеснул пугающий огонёк или это очередной солнечный блик. – Смотри под ноги.

Тропа сразу же потянула вверх, заставляя мышцы ныть от напряжения. Идти после ливня было тяжело: влажный мох скользил под подошвами гэта, а хлёсткие ветви кустарников, отяжелевшие от капель, то и дело норовили ударить по лицу. Рэн шёл впереди стремительно и проворно, будто дорога была для него не испытанием на стойкость, а неспешной и приятной прогулкой. Он ни разу не обернулся, чтобы проверить, поспевает ли за ним жрица, но темп держал ровно такой, чтобы она не отставала окончательно. Это было похоже на невысказанное, высокомерное: «Я мог бы идти быстрее, но снисхожу до твоей немощи».

Хоть дорога до Гнезда была долгой и изнуряющей, Рёко не позволяла себе передохнуть или пожаловаться на стёртые ноги. В такие минуты в груди закипала глухая обида на собственное тело – до безумия хотелось быть выносливым ёкаем, а не обычным человеком, слабым, подверженным холоду, голоду и этой проклятой тяжести в костях.

Постепенно, по мере того как они продвигались всё выше в горы, лесные декорации начали редеть. Деревья уже не радовали пышной зеленью: их ветви стали чёрными, скрученными, похожими на когтистые руки. Они тянулись к Рёко, пытались уцепиться за кимоно, поцарапать лицо и руки.

Кое-где из трещин в коре сочилась густая, чёрная смола. Рёко знала этот цвет – цвет Сигами, осквернения. В воздухе появился неприятный запах – приторный удушливый, сладость гниющих плодов. Запах оседал на языке, проникал в лёгкие, к горлу подступала тошнота. Рёко сглотнула слюну, и ей казалось, что она глотает ту самую смолу.

Вдруг жрица замедлила шаг и опасливо огляделась. В серых прогалинах между больными стволами привиделись странные, бесформенные тени. Они безобидно перетекали из одной трещины в другую и перешёптывались на неизвестном Рёко языке.

– Рэн, – окликнула она сопровождающего. – Там что-то есть.

Ёкай остановился, замер. В его неподвижности было что-то, от чего становилось ещё тревожнее.

– Вижу, – отозвался лис. – Не смотри на них. Они питаются вниманием.

– Кто «они»?

– Отголоски. Те, кто не смог уйти, застрял между мирами, – Рэн вновь зашагал вперёд. – Сигами их не убило. Оно искалечило, отняло личности и превратило в бездумно слоняющиеся тени. Вечно голодные и одинокие.

Рёко отвернулась. С усилием, потому что глаза тянуло туда, в прогалины, где всё ещё копошились тени. Хотелось уловить хотя бы одну, разгадать форму, увидеть, кем она была до того, как потеряла свою сущность.

– Идём, – голос выдернул её из оцепенения. – Мы почти пришли.

Рёко двинулась следом, заставила себя смотреть только на спину Рэна, на уверенные, несмотря ни на что, плечи. Жрица старалась не думать о голодных теньях, о чёрной смоле и о том, как легко её собственная душа могла бы застрять «между», остаться она в храме. Мир ёкаев был прекрасен и страшен.

Тропа оборвалась внезапно. Рёко замерла на краю пропасти, и ветер рванул ей навстречу – не воздушный поток, а сплошная стена воя, будто сама гора ревела сквозь каменные зубы. Прямо перед ними раскинулось Воронье гнездо – пристанище тэнгу.

Величественная, как забытый бог, многовековая сосна выросла в ущелье. Её исполинский ствол был преображён искусной рукой тэнгу в Чёрную Пагоду. Крыши, изогнутые, как когти, пронзали пространство. Стены ущелья обступили главное строение, и в их отвесных боках были выгрызены из скальной породы пещеры-соты, где кипела жизнь. Хрустальные платформы, мосты, срослись с утёсом в единый организм. Откуда-то снизу слышался дальний лязг металла – где-то точили клинки.

Рэн шумно втянул носом воздух, а затем перевёл взгляд на спутницу. Рёко выглядела плачевно: в волосах запутались сосновые иголки, одежда испачкалась от дороги, на руках виднелись ссадины от веток. Пахло кровью.

– Ты выглядишь и пахнешь как закуска, – лис оглядел её с ног до головы. Рёко неуютно поёжилась.

На одном из балконов возникла фигура. Высокая, статная. Лицо скрывала красная лакированная маска с неестественно длинным носом-клювом. Чёрные волосы были заплетены в косу, и даже разбушевавшийся ветер не смел её беспокоить.

– Тэнгу, – выдохнула жрица, но голос утонул в очередном вое ветра.

Только сейчас, остановившись, она почувствовала, как мучительно болели ноги и устала спина, но заставила себя расправить плечи.

– Сёити, – Кивнул Рэн. – Именно он разработал план по спасению острова.

Новость о появлении кичунэ в сопровождении человека разнеслась ветром по всему Гнезду, и тэнгу стали собираться, чтобы посмотреть на чужаков. Они громоздились на платформах, переходах и мостах и наблюдали, будто падальщики, ждущие, когда новая жертва сорвется в пропасть.

– Так как мы войдём? – Рёко посмотрела на пропасть под ногами.

– С готовностью умереть, – простодушно ответил Рэн. – Они это уважают. Но если ты упадёшь, и кто-то из крылатых решится тебя спасти – твоя жизнь будет принадлежать ему. По праву падения, – ёкай пожал плечами, – таковы законы гор.

– Может, я ещё что-то должна знать? – Невозмутимо спросила жрица, стараясь спрятаться за маской жреческого спокойствия.

– Нет. Вроде, всё сказал.

Рэн примерился и сделал шаг в пропасть. Под его ногой со слабым звоном проявилась отполированная хрустальная ступень.

– Следуй за мной.

Рёко вздохнула и пошла в пустоту – камень под ногой оказался твёрдым и весьма реальным. Путь в Воронье гнездо был открыт.

За восхождением наблюдали десятки неподвижных масок. Впереди зиял чёрный вход в Пагоду.

Над открывшей взору долиной сверкнула молния. Послышался раскат грома. Внутри всё сжалось.

– Поторопись, иначе ветром снесёт! – донёсся издевательский крик Рэна, который сверху наблюдал за тем, с каким трудом девушка взбирается на высоту.

«Он что, смеётся?» – раздражённо подумала Рёко и ненароком посмотрела вниз, встретившись взглядом с пастью пропасти.

Сердце замерло. Камень беззвучно ушёл из-под ног, просто растворился, будто его там и не было. Одна секунда – и Рёко уже стремительно летела вниз. Не крик, лишь короткий выдох сорвался с губ, когда бездна утатила её в свои объятия. Ветер взревел в ушах, вырывая сознание. Мир сузился до светлой точки – это был Рэн, который уже стоял у Пагоды и наблюдал за её падением.

«Я умру?» – Рёко зажмурилась. – «Но я же только в начале пути. Я же не могу умереть сейчас».

Раздирающий уши рёв внезапно утих, когда её тело подхватили сильные руки. Падение не прекратилось, но замедлилось, потеряло убийственную быстроту. Послышался мерный шорох огромных крыльев. Рёко осмелилась открыть глаза и судорожно глотнула воздух. Прямо перед её лицом была та самая зловещая, ярко-алая маска, которую она видела на балконе. Вблизи длинный нос-клюв и оскал выглядели пугающе, но сквозь прорези виднелись спокойные, ясные глаза. Огромные, иссиня-чёрные вороны крыльями величественными взмахами удерживали их обоих в воздушном потоке.

Тело Рёко пробила запоздалая, неконтролируемая дрожь страха, которую её спаситель мгновенно ощутил. Он перехватил её поудобнее, прижал к своей широкой груди, укрытой серым шёлком.

– Спокойно, – голос хорошо различался даже сквозь ветер. – Ты в безопасности.

Они плавно описали дугу и приземлились на площадку главного яруса Гнезда. Тэнгу, убедившись, что девушка твёрдо стоит на ногах, окончательно отпустил её и плавным жестом снял красную лакированную маску. Под ней скрывалось лицо молодого мужчины-тэнгу с точёными, почти птичьими чертами лица. Глаза цвета обсидиана смотрели на неё без угрозы, но с какой-то глубокой, сосредоточенной внимательностью.

Сёити сам был подобен скале, нашедшей воплощение в разумной форме – вечной и безмерно могущественной. Высокий, широкоплечий, облачённый в прямое, длинное кимоно из

благородного серого шёлка с узором из завихрений ветра. На нём не было боевой брони – он был надёжно защищён собственной магией и абсолютной верностью подданных.

– Уважаемая жрица, прошу прощения за столь резкое знакомство. Камни здесь не всегда надёжны для тех, кто не знает их нрава, – он слегка склонил голову в знак приветствия. – Я Сёити, Хранитель этих скал.

Рёко вся тряслась то ли холода, то ли страха. Она хотела припасть к земле и расплакаться. Она жива.

– Меня зовут Рёко... – она попыталась унять дрожь в теле и голосе. – Благодарю за спасение. – В голове вспыхнули слова Рэна о «праве падения», и она слотнула вязкую слюну и заставила себя глубоко поклониться, ожидая, какую цену потребует этот могущественный ёкай за спасение её жизни. – Прошу прощения за предоставленные неудобства.

Сёити заметил мимолётный испуг и понимающе улыбнулся.

– Полагаю, лис уже успел напугать тебя дикими горными обычаями? – Сёити проницательно сощурился. – Не бойся. Законы гор суровы, но они созданы для того, чтобы испытывать силу духа, а не для того, чтобы наживаться на чужой беде. Наша миссия слишком важна, чтобы я заявлял права на твою свободу. Считаю, что горы сегодня просто проявили к тебе благосклонность. – Взгляд скользнул куда-то за её спину.

– Ну я же тебя предупреждал! – воскликнул Рэн, направляясь в их сторону. – Поздравляю, теперь ты собственность Хранителя скал. Зато живая и невредимая.

– И не благодаря тебе, – раздражённо процедила девушка.

– А что бы я, по-твоему, мог сделать, драгоценная жрица? Прыгнуть следом? Я в здешних условиях бесполезен. У меня нет волшебных крыльев.

– Ты отнёсся к поручению безответственно, – вклинился Сёити.

– Да? Но она здесь. Я знал, что Хранитель скал придёт на помощь и проявит своё легендарное благородство, – шутливо поклонился лис, хотя в глазах проскользнула искра затаённой неприязни.

Ворон смерил его тяжёлым взглядом.

– Ладно, – Сёити устало потёр переносицу пальцами, – пройдем внутрь. Непогода усиливается.

Внутри было сухо и тепло на контрасте с настигающей скалы грозой. Они оказались на средних ярусах пагоды, который именовали «Сердцевиной жизни». Невесомые галереи над головами соединяли уютные кельи-гнезда, отделённые друг от друга развешанными полотнищами. На протянутых верёвках сушились травы и ягоды. Из разных мест доносилась единая колыбельная. Это было место, где рождается и оберегается будущее клана, защищённое толщей окаменевшей древесины.

Там же, в одной из боковых келий, Рёко заботливо встретили женщины-тэнгу. Они укутали её в тёплую одежду, изо всех сил стараясь скрывать свой живой интерес к «человеческому ребёнку». Они расчесали её волосы и собрали в низкий, мягкий пучок у затылка – не тугой, но идеально гладкий, оставив передние пряди обрамлять лицо. Все были учтивы и добры.

После этого сопроводили Рёко на самый верхний ярус – «Небесная обитель». Пространство выглядело аскетично. Стены представляли собой обнажённую плоть гигантской сосны, идеально отполированную веками. На них не было росписей, только естественный узоры древесины, которое в полумраке вырисовывали удивительные картины. Пол был устлан циновками-татами, а прямо посреди комнаты стоял низкий стол, вырезанный из цельного куска чёрного камня.

Рэн уже вовсю развалился на татами у стола, подперев голову кулаком. Сёити сидел чуть поодаль, у небольшого каменного очага, спиной к вошедшим, и размеренно помешивал что-то пахнущее хвоей в чугунном котелке.

– Я полагал, что вы могли устать с дороги и попросил накрыть стол.

На столе не было изысков, еда была простой, но сытной – дымились тушёные с дикими грибами и кореньями крупные клубни, лежали печёные на углях сладкие каштаны и пышные пресные лепёшки из ячменной муки. Это была пища обитателей скал.

Сёити уважительным жестом пригласил Рёко за стол и лично разлил по трём глиняным чашам ароматный, дымящийся настой. Они принялись за еду. Рёко согревалась с каждым глотком – она отчётливо чувствовала, как по уставшему телу разливается живительное тепло, ум проясняется, а тревога отступает, уступая место ясности.

Рэн же сразу отставил свою чашу в сторону и окинул стол безучастным взглядом. Он не прикоснулся к еде – лишь взял один из каштанов и принялся перекатывать его между длинных пальцев.

– Ты всё так же держишь своих подданных на этом пайке, Сёити, – наигранно сочувственно произнёс лис, не поднимая глаз. – Годы идут, а на Южных пиках ничего не меняется.

– Просто в горах ценят то, что даёт силу, а не то, что красиво выглядит, – ровно ответил ворон, в голосе послышался предупреждающий гул. – Времена сейчас непростые. Но тебе ли не знать, как быстро облетает лишний лоск, когда почва уходит из-под ног.

Рэн насмешливо улыбнулся, принимая этот выпад, но развивать спор не стал.

Рёко была глубоко смущена неформальной обстановкой и явным напряжением между двумя ёкаями. Атмосфера в зале не была открыто враждебной, но она была натянута, словно тетива боевого лука. Жрица физически ощущала, как за этими короткими, будничными фразами скрываются вековые счёты и взаимное недоверие.

– Благодарю за пищу и кров, – она попыталась смягчить обстановку.

– Мелочи. Это я должен благодарить за то, что ты согласилась ввязаться в авантюру, – Сёити посмотрел на неё одновременно благодарным и проницательным взглядом.

– Можешь подробнее рассказать про Сигами? Что вам известно? – неловко промолвила она и отвернулась, но на этот раз напоролась на мрачный, испытывающий взгляд Рэна. – Без лисьих недомолвок.

Сёити не ответил сразу. Он спокойно взял тяжёлый глиняный чайник и принялся неторопливо наполнить чашу Рёко густым настоем. Тёмно-янтарная струя ровно текла в глину с мерным журчанием.

– Сложно объяснить его природу, – наконец произнёс Сёити, пододвигая чашу ближе к Рёко. – Сигами – древнее зло, родившееся вместе с материей мироздания, из первозданного хаоса и тьмы. Изначально оно находилось в дремлющем состоянии, лишь изредка проникало в миры через трещины.

Ворон взял с деревянного блюда тёплую ячменную лепёшку, неторопливо разломил её пополам, и над столом поднялся тонкий пар.

– Его суть – пожирающая пустота, стремящаяся обратить всё живое в абсолютное ничто. Постепенно, питаясь чужими страхами и пороками, Сигами набирало силу, укоренялось в самых тёмных уголках миров людей и ёкаев. А затем оно перешло в открытое наступление.

Рэн издал короткий, тихий фырк. Лис с размаху вогнал ноготь в печёный каштан, с сухим хрустом расколот скорлупу, но так и не прикоснулся к еде.

– Не забудь рассказать гостю про то, как наши миры встретили эту дрянь, – ядовито подкинул кицунэ, небрежно бросая очищенное ядро обратно на каменную столешницу.

Рёко показалось, что стены пагоды сочувственно заскрипели.

– Перед лицом общей угрозы правители людей и могущественные ёкаи были вынуждены заключить союз, – продолжил ворон и отложил еду на край своей тарелки. – Объединёнными усилиями был создан Первозданный Кристалл – сложнейшая магическая печать, способная вобрать и заключить в себе ядро Сигами. Но Кристалл был лишь вместилищем. Чтобы собрать и сконцентрировать части скверны внутри, требовался особый инструмент.

Слово «инструмент» резануло слух и заставило Рёко поморщиться. Она потянулась к своей чаше в надежде согреть ледяные пальцы о тёплую глину.

Сёити протянул руку к центру стола и раскрыл ладонь. На ней лежал небольшой осколок, который размеренно мерцал в полумраке зала, разливал по каменной столешнице слабое, пульсирующее фиолетовое свечение. Еда на блюдах в этом свете показалась серой и безжизненной.

– Дочь первого сёгуна по имени Момоко была уникальной в своём роде, – Сёити слегка подался вперёд, удерживая взгляд Рёко. – Она вышла из утробы женщины, которой Богиня Мирумэ даровала тайные знания об особом танце, способном очищать пространство. В придачу принцесса унаследовала кровь отца-правителя, обладавшую мощнейшим магическим потенциалом. В те времена, когда Сигами было на пике мощи, Момоко исполнила танец Кагура, направив всю свою силу на то, чтобы изолировать и запечатать Сигами в Кристалле.

Ворон медленно накрыл мерцающий осколок ладонью, фиолетовый свет погас, возвращая комнате мягкий полумрак.

– Однако спустя столетия в защите Кристалла начала образовываться брешь. То, что подавлялось внутри веками, пробуждается. Боюсь, если оно окончательно вырвется, то сотрёт всё живое на своём пути. Единственное решение, которое мы сейчас видим – попробовать очистить Кристалл священным танцем Кагура. Но направить его силу не на сдерживание, а на преобразование энергии. Танец, исполненный с должным намерением, позволит рассеять тьму, превратить разрушительную мощь в созидательную силу, очистить Кристалл раз и навсегда.

Жрица молча впитывала каждое слово. Ответственность, которая ложилась на их плечи, казалась неподъёмной.

Рэн, до этого демонстративно разглядывавший потолок, резко сменил позу. Он опёрся локтями о край стола, едва не задев чашу с чаем, и его янтарные глаза хищно блеснули.

– Главная трагедия нашего времени, жрица, заключается в том, что нынешняя принцесса, хоть и является твоей сестрой по крови, была рождена не от связи с наследницей дара Богини. – Лис криво ухмыльнулся, обводя пальцем ободок своей нетронутой чаши. – Магия принцессы Айко сильна как никогда, но воспроизвести танец Кагура она не в состоянии. Она попросту не знает шагов, движений и правильного дыхания. Родовую кровь в чужие жилы не залить, а вот движения танца вполне доступны для обучения.

– Твоё предназначение заключается в том, чтобы стать сестре наставницей и обучить её ритуалу, пока Сигами окончательно не поглотило Кристалл, – подытожил Сёити.

– Понятно, – произнесла Рёко, но слово вышло коротким, сдавленным.

Мир вокруг на секунду потерял все звуки, сузился до размеров каменного стола. Внутри всё болезненно сжалось. Ирония судьбы была наотмашь: она, бракованный ребёнок, изгнанный из собственной семьи за бесполезность, теперь должна была стать наставницей для той, кто забрал её жизнь. Для идеальной и обожаемой принцессы Айко.

Руки, лежащие на коленях, сжались в кулаки так сильно, что костяшки побелели. Рёко сделала глубокий вдох, заставляя себя надеть привычную, ледяную маску отстранённости.

– Когда приступим к обучению? Где сейчас принцесса? – голос, вопреки внутренней буре, обрёл деловые нотки. Жрица внутри неё побеждала обиженную девочку. Пока побеждала.

– Принцесса пребывает в своём позолоченном гнезде, – ехидно протянул Рэн. Лис откинулся назад, буравя Рёко взглядом – он явно прощупывал её реакцию. – В замке Гинрю-дзё. Ты должна вложить в её прелестную головку все тонкости танца, после чего мы доставим птичку в новое гнездо. Здесь же она напитается энергией и будет готова к ритуалу.

Жрица резко подняла на него глаза и встретила с насмешливым взглядом.

– Вряд ли я могу помочь с её «доставкой». Меня не пустят даже на порог внутренних покоев. У меня нет ни связей, ни влияния при дворе. Для них я – никто.

– Влияние может быть разным, Рёко, – мягко возразил Сёити.

Правитель скал накрыл её кулак своей широкой, тёплой ладонью. Это прикосновение ёкая, лишённое какой-либо угрозы, заставило жрицу вздрогнуть. Сёити смотрел на неё с глубоким пониманием.

– Ты говоришь с ней на одном языке. Ты единственная, кого она может услышать. Нам не нужен её приказной жест, нам нужно её сердце. Согласие принцессы должно быть абсолютно добровольным, иначе весь замысел рассыплется в прах. Без искреннего желания спасти эту землю магия не возьмёт силу.

Рёко задержала взгляд на его лице, которое просило её о милосердии, о том, чему так отчаянно противилось нутро. Но перед глазами предстал умирающий остров, сливы, которые так и не зацвели, измученные страхом и голодом люди.

Она медленно высвободила руку из-под ладони Сёити и выпрямила спину.

– Хорошо. Когда мы выдвигаемся?

Рэн при виде этой капитуляции перестал улыбаться. Он стал серьёзным, почти хмурым. Ёкай ожидал от неё слёз или дешёвой гордости, но жрица оказалась куда упрямее.

– Не спеши. Тебе нужно восстановить силы, – Сёити поднялся, и его одежды мягко зашуршали. Повелительным, но бережным жестом он указал на раздвижные двери, у которых мгновенно возникли две женщины-тэнгу, смиренно склонив головы. – Покои уже подготовлены. Думаю, тебе необходимо побыть одной и всё обдумать.

Рёко кивнула. Обдумывать было нечего. Было только дело, которое нужно сделать. Тень принцессы молчаливо встала за спиной грозовой тучей, и теперь предстояло обратить её в союзника ради спасения острова.

Глава 4. Печать хранителя гор

Следующий день в Вороньем гнезде принёс долгожданное затишье. Сёити сдержал слово: их никто не беспокоил, давая путникам возможность набраться сил перед дорогой к замку Гинрю-дзё. Утром Рёко сидела на краю деревянного настила галереи, подобрав колени к груди, и куталась в шерстяное хаори, которое выделили тэнгу. Горный воздух на такой высоте был пронзительно холодным и свежим. Прямо под ногами расстиралось бескрайнее море белёсого тумана, плотного и неподвижного. Из его глубин, точно извилистые хребты гигантских, спящих драконов, проступали вершины скал. Где-то на средних ярусах уже слышались голоса, перебиваемые звоном металла, – тэнгу начинали свой день. Рёко смотрела на это величественное зрелище и чувствовала себя крошечной, почти невидимой песчинкой, затерянной среди каменных громад. Здесь всё дышало магией и вечностью.

Из открытого двора внизу доносился сухой, ритмичный стук деревянных мечей, где молодые воины-тэнгу оттачивали боевые связки. Их крылья рассекали воздух. Каждый взмах и выпад был наполнен врождённой магией ветра, каждый шаг заставлял опавшую листву кружиться в маленьких вихрях. Эти связки чем-то напоминали танец Кагура: безупречные, отточенные годами движения, тонкое чувство потоков энергии.

Рёко обхватила себя руками и опустила голову. В груди привычно разливалась знакомая с детства горечь.

Врождённый дар. Магия крови. То, что у этих существ было так же естественно, как дыхание или стук сердца, для неё оставалось чем-то далёким и нереальным. Мысли невольно унеслись за пределы зубастых скал в сияющий золотом дворец сёгуна.

Отец вычеркнул «недостойную» дочь из жизни в день её рождения, когда на солнечном сплетении младенца не проявилась особая метка – четырёхконечная звезда Синжу. В жилах Рёко не нашлось ни капли родовой силы. Зато младшая сестра унаследовала всё: и чистейшую магию, и отцовскую гордость. Она родилась «правильной». Айко боготворили, её имя шептали с придыханием. Рёко же просто забыли, будто она и вовсе не рождалась.

На секунду жрица прикрыла глаза, позволяя себе слабость, которую запрещала годами, – поддаться несбыточным мечтам. А что, если бы? Что, если бы в день рождения в ней отозвалась кровь отца? Она была бы прекрасной принцессой, чьи дни сотканы из беззаботных прогулок по цветущим садам, созерцания луны и изящных искусств. Ей не пришлось бы голодать, кутаться в поношенные храмовые одежды и задыхаться от страха перед Сигами. Она была бы любима и нужна.

Рёко открыла глаза, подняла голову и тоскливо ухмыльнулась. Нет. Всё это лишь фальшивый блеск. Дворец отца никогда не принял бы её настоящую. Храм Хисэй с его запахом сандала, шумом вековых сосен и тихими вечерними молитвами сестёр-жриц – вот то единственное место на всём острове, которое стало бесконечно дорогим домом. И если ради того, чтобы Хисэй снова задышал, ей нужно пройти множество испытаний, спуститься в пучины бездны и вернуться обратно, то она это сделает.

– Они хороши, верно?

Глава Вороньего гнезда опустил на настил рядом с ней. Сёити был высок – даже сидя, он возвышался над Рёко с той особенной, сдержанной мощью, которая не нуждается в демонстрации. На нём были тяжёлые чёрные одежды, волосы убраны в высокий, тугой пучок, перехваченный шнуром. Молодое лицо уже не вводило Рёко в заблуждение, она научилась не доверять этой иллюзии: в тёмных, глубоких глазах читалась древняя, вбитая временем мудрость. В складке губ, в тени под глазами пряталась та печаль, которую было не скрыть никакой маской. Рёко смотрела на него, как в голову пришла странная мысль, что он похож на старую сосну

на краю обрыва: одинокую, нестигаемую, уже пережившую столько бурь, что новые ветра не пугают, только утомляют.

– Да. В них чувствуется сила, – Рёко поплотнее запахнула хаори. – Наверное, поэтому Рэн смотрит на меня как на пустое место. Для него я просто бесполезный, слабый человек.

Сёити долго молчал, слушая хлёсткий стук тренировочных мечей и гортанные выкрики тэнгу. Сизый дым от курений лениво поднимался к небу.

– Рэн смотрит на мир через призму собственной боли, Рёко, – наконец произнёс ворон. – И то, что ты принимаешь за надменность, на самом деле его самый большой страх. Он чувствует себя слабым и бессильным.

– Но почему он не использует магию?

– Сигами сильно исказило её. Я принял решение и ответственность запечатать его магию, так как она стала слишком импульсивной, разрушительной и опасной. Печать сдерживает силу, а если Рэн попытается обойти запрет, узы наказывают его выжигающей болью, – Сёити опустил взгляд вниз, пытаясь спрятать виноватый взгляд за прямыми ресницами. – Наверное, из-за этого он обозлён на меня, хоть в глубине души и понимает, что это во благо. И именно поэтому Рэн основательно ввязался с историей с очищением Кристалла. Когда мы изгоним Сигами, магия Рэна найдёт баланс, – тёмные глаза обратились к Рёко. – Так что ты для него, можно сказать, единственный шанс снова вернуть свободу.

Рёко затаила дыхание. Перед глазами мгновенно встал душный, отравленный лес, несчастный олень, искажённый Сигами, и то, как Рэн судорожно хрипел сквозь сжатые зубы, пока метка на его шее горела яростным белым огнём. Он защищал её стальным веером, так и не посмев выпустить ни капли магии.

– Ты чувствуешь себя уязвлённой из-за того, что отец лишил тебя дома и статуса из-за отсутствия магии, – продолжил Сёити. – Но посмотри на Рэна. Его магия стала его проклятием, личной клеткой. Вы оба искалечены этим миром. Просто с разных сторон.

Ёкай поднялся. Одежды зашуршали, тяжёлая рука легла на плечо жрицы.

– Я прошу тебя, постарайся быть снисходительнее. Он не плохой, хоть и кусается.

– Я попробую, – уголки губ Рёко подёрнулись вверх. – А меня здесь научат владеть оружием? В случае опасности хотелось бы суметь защитить себя.

– Зачем? – искренне удивился Сёити. – Задача Рэна вести и защищать тебя. Он положит свою жизнь ради твоей безопасности.

Ворон распахнул крылья и спланировал вниз к тренирующимся тэнгу, чтобы дать им наставления, а Рёко так и осталась сидеть на краю настила. Стук деревянных мечей больше не казался обидным и чужим.

Она подняла голову и отыскала взглядом далёкий силуэт Рэна. Лис сидел на самой высокой, изогнутой крыше пагоды, одинокий и неподвижный на фоне бескрайнего неба. Ветер трепал полы его светлых одежд, но он не шевелился, глядя куда-то вдаль, где за горами затаилось Сигами.

Рёко смотрела на него и чувствовала, как застарелая годами обида позволила взойти новому, глубокому чувству: взрослому, осознанному состраданию к могучему духу, запертому в клетке собственного тела.

В поисках дела, которое могло бы укротить бурный поток мыслей, жрица бродила по переходам огромной пагоды, где оставались лишь матери с детьми. Остальные тэнгу трудились в кузнях и мастерских, готовились к приближающейся войне с Сигами.

Пройдя чуть дальше, к уединённому балкону, устланному мхом, Рёко услышала приглушённое, сердитое сопение и тихие хлопки крыльев. Она заглянула за резную ширму. На бревне, подставив крылья солнцу, сидели трое маленьких тэнгу. Самой старшей девочке на вид было не больше семи человеческих лет, двум мальчишкам-близнецам – года по четыре. У них были

забавные, ещё не сбросившие пух, серые крылышки, которые они то и дело топорщили, как будто те могли быстрее вырасти под лучами горного солнца. Малыши явно изнывали от скуки и покинутости: их родители были заняты обороной, а играть на тренировочных площадках, где собирались более взрослые тэнгу, строго запрещалось.

Один из мальчишек угрюмо ковырял мох, а второй пытался поймать пролетающую мимо стрекозу, но каждый раз неуклюже заваливался набок.

Рёко невольно улыбнулась. В храме ей часто приходилось присматривать за деревенской детворой, когда их матери уходили на рисовые чеки [1]. Оказывается, дети ёкаев скучали точно так же, как и человеческие.

Она сделала шаг вперёд, мягко ступая по мху, чтобы не напугать их, однако малыши мгновенно вскинули головы. Три пары круглых, чёрных глаз уставились на неё с настороженностью. Старшая девочка инстинктивно расправила свои куцые крылышки, загораживая братьев, прямо как взрослая птица.

– Здравствуйте, – негромко произнесла Рёко и опустилась на колени, чтобы оказаться с ними на одном уровне. – Ждёте, когда взрослые освободятся?

Девочка промолчала, но крылья чуть опустила. Они никогда не видели людей. Эта девушка пахла мирной полынью и благовониями, а не железом и кровью, как воины.

Рёко запустила руку в рукав своего кимоно и нащупала то, что всегда носила с собой, – длинный шнурок из прочного шёлка, который использовала для подвязывания рукавов во время ритуалов и уборки. Она связала его концы, получив аккуратную петлю, и ловким движением натянула шнур между ладонями.

– Хотите, покажу вам игру?

Близнецы подались вперёд, их крылья дрогнули в предвкушении. Рёко перекрестила нити на пальцах, подцепила одну петлю мизинцем, другую – большим пальцем, и развела руки в стороны. Алый шнурок послушно вытянулся и образовал изображение метёлки.

Малыши синхронно выдохнули. Для них человеческая игра «Аятори» показалась чем-то невероятным, несмотря на то, что они буквально жили в волшебном мире. Они не могли понять, как из одного шнурка получались разные картинки.

– Теперь твоя очередь, – Рёко протянула руки со сплетённым узором старшей девочке. – Подцепи вот эти две скрещённые нити посередине и потяни вверх.

Девочка замялась, взглянула на свои пальчики, на концах которых пробивались маленькие, острые чёрные коготки. С непривычки её движения были неловкими. Она боялась порвать шёлк, но Рёко терпеливо ждала и подбадривала кивком. Девочка перехватила нити, жрица высвободила свои пальцы, и узор превратился в реку.

Мальчишки-близнецы восторженно заверещали, напрочь позабыв про осторожность. Они соскочили с бревна и облепили Рёко со всех сторон. Один из них, самый смелый, бесцеремонно уселся прямо на её подогнутые колени, требуя, чтобы ниточка превратилась в мост.

Следующий час пролетел незаметно. На заброшенном дворике, скрытом от суровых взглядов воинов, звенел тихий, залиvistый детский смех. Шёлковые петли связывали пальцы жрицы и маленьких ёкаев. Они строили из нитей бабочек, звёзды и чайные домики. Рёко направляла их ручки и следила, чтобы они не запутались, и впервые за долгое время чувствовала, как ощущение одиночества отступает.

Когда из коридора раздался строгий клёкот одной из служительниц, которая призывала детей к обеду, старшая девочка на секунду замялась. Она подошла к Рёко, быстро коснулась своим мягким крылом её плеча и протянула оброненное кем-то красивое перо. После этого вся троица стремительно унеслась.

Рёко осталась сидеть и разглядывать блестящий подарок. На душе было удивительно спокойно. Этот мир больше не казался враждебным, как его описывал Рэн. Здесь тоже была жизнь,

были те, кого нужно защитить. И её руки, лишённые магии, смогли подарить этим детям крупицу тепла.

В воздухе пахло жареной рыбой и сладковатым рисом. Тэнгу готовили обед в огромных котлах, и этот простой, мирный быт казался чудом в медленно умирающем мире.

После обеда Рёко потратила день на то, чтобы привести в порядок свои скромные пожитки. Напряжение последних дней требовало выхода, и физический труд стал спасением. Она перестирала дорожную одежду в горном источнике, который бил прямо из глубокой расщелины в скале. Вода была ледяной, сводило пальцы, но это покалывание возвращало ощущение реальности. Ополоснув плотную ткань, Рёко аккуратно разложила её сушиться на широких, нагретых солнцем валунах.

Когда небо очистилось до бездонной, звенящей синевы, Рёко решила заняться уходом за ритуальным оружием. Из холщовой сумки достались тяжёлые связки судзу. Бубенцы заметно пострадали, покрылись тёмным налётом от дождя и сырости придорожного рёкана. Чистый некогда звон стал глухим, а над трещинами в старом металле скопилась грязь.

Жрица устроилась на уединённой смотровой площадке – небольшом каменном выступе, огороженном старыми деревянными перилами, далеко в стороне от тренировочных полей. Отсюда открывался вид на ущелье, на дне которого тонкой нитью висела река. Достав мягкую сухую холстину и пузырёк с гвоздичным маслом, Рёко принялась бережно, неторопливыми круговыми движениями очищать серебряные бубенцы. С каждым нажимом металл начинал источать едва уловимый, тёплый аромат, а тусклая поверхность неохотно возвращала себе зеркальный блеск.

– Занимаешься бесполезным трудом, жрица?

Рёко не вздрогнула, но сердце забилось чаще.

Лис лениво сошёл с верхней тропинки, что петлял между скалами. Светлые волосы были растрёпаны ветром, несколько прядей падало на лицо. В руках он держал крупные, спелые плоды, напоминающие дику хурму, только с золотистой кожицей.

– Очищаю ритуальный инструмент от дорожной грязи, – спокойно пояснила Рёко. – Мать всегда говорила, что Богиня не услышит фальшивый, забитый грязью звон. Ритуал требует чистоты во всём.

Рэн издал короткий, едва слышный смешок. Но, к удивлению Рёко, в этом звуке не было ядовитой, режущей издёвки – скорее въевшийся в характер скепсис. Лис грациозно опустился на каменный уступ в паре шагов от неё, вытянув длинные ноги и опершись спиной о скалу. Небрежным, но точным движением он бросил один из золотистых плодов прямо ей на колени.

– Ешь. Твоё человеческое лицо сегодня бледнее обычного, смотреть тошно. Мне совершенно не улыбается тащить тебя через перевалы, если ты решишь упасть в обморок от истощения в самый неподходящий момент.

– Спасибо, – Рёко отложила холстину и взяла фрукт. Он оказался прохладным. При надкусе плод пустил густой, сладкий сок с травянистым привкусом.

Какое-то время они сидели в полном молчании и слушали, как где-то перекликаются дозорные тэнгу. Рёко искоса наблюдала за Рэном. Лис лениво грыз плод, устремив отрешённый взгляд на линию горизонта, где синие горы сливались с небом. Взгляд невольно скользнул к его шее. Плотный, высокий ворот был застёгнут на все пуговицы до самого подбородка и надёжно скрывал от чужих глаз жестокую печать Сёити. Клетку, которая сдерживала монстра.

– Почему ты так на меня смотришь? – резко спросил Рэн и повернулся к ней со своим привычным, колючим прищуром янтарных глаз.

Что-то внутри испуганно ёкнуло, но Рёко заставила себя не отводить взгляд.

– Я просто думала, каково это.

– Что именно?

– Быть тем, чья истинная сила способна сжечь целый мир, но при этом быть вынужденным сражаться куском стали, – жрица указала кивком на широкий рукав хаори ёкая, где прятался боевой веер.

Взгляд Рэна мгновенно изменился. Атмосфера на смотровой площадке стремительно сгустилась, воздух стал удушливым и тяжёлым, как перед страшной грозой. Он приблизился к ней и сел на корточки

– Сёити слишком много щёлкает своим клювом, – его тон стал пугающе ласковым, а губы расплылись в улыбке. – Тебе не следует совать свой любопытный человеческий нос в чужие тайны, жрица. Это знание не сделает твою и без того короткую жизнь длиннее.

Рёко открыто смотрела на него, будто её накрыли куполом, за которым остался прежний страх. После разговора с Сёити, угрозы лиса никак не трогали.

– Я не собираюсь использовать это против тебя, Рэн, – невозмутимо произнесла жрица. – У меня нет магии. Для своего рода я – изъян. Меня выкинули из семьи за бесполезность и сослали на другой конец острова. Я хорошо знаю, каково это – быть запертой в теле, которое не соответствует ожиданиям и требованиям. Когда от тебя хотят одного, а ты – совсем иное.

Лис замер, даже перестал моргать. Опасное напряжение его фигуры начало плавно, по капле спадать. Рэн внимательно, будто впервые вглядывался в бледное лицо напротив.

– Мы оба искалечены этим островом и его правилами, – добавила она, опуская взгляд на бубенцы в своих руках. – Ты защитил меня в лесу от Сигами, прекрасно зная, какую цену можешь заплатить. Я не забуду этого. И я просто хочу, чтобы ты знал: я обязательно дойду до Кристалла. Ради острова, храма и твоей свободы.

Рэн молчал так долго, что Рёко уже успела проклясть себя за излишнюю откровенность. Лис казался изваянием, пока наконец-то не поднялся и не спрятал кисти в рукава.

– Глупая, доверчивая человеческая девчонка, – глухо обронил он, развернулся и направился к выходу со смотровой площадки, но у самого края, где кустился дикий бамбук, вдруг остановился. – Твои бубенцы. С левой стороны крепление разболталось. Перевяжи шнур и затяни узел крепче, иначе растеряешь половину звона. Из-за твоего фальшивого ритма я подставляться не намерен.

С этими словами Рэн стремительно исчез среди скал, словно растаял в солнечных лучах.

Рёко проводила его взглядом, после чего вернулась к своему занятию. Она перевернула тяжёлую связку судзу и внимательно осмотрела её. Действительно, левый шнур плохо держался, готовый соскользнуть при первом сильном взмахе.

Жрица почувствовала, как губ касается лёгкая, тёплая улыбка, и принялась за ремонт. Лис остался прежним – гордым и невыносимым, но стена между ними, казалось, дала первую трещину.

[1] Рисовые чеки – это специально подготовленные участки земли, которые фермеры заливают водой для выращивания риса.

Глава 5. Тихая буковая роща

Ночь в гнезде тэнгу была непривычно живой. Сон Рёко нарушало отдалённое, звенящее мерцание звёзд, скрип ствола в горных заморозках и шорох крылышек за ширмой. По древесине изредка проскальзывали призрачные нити света, точь-в-точь повторяя её замысловатые узоры. Рёко лежала с открытыми глазами, погружённая в мысли о предстоящем пути. В груди, под самым сердцем, ворочалось тревожное предчувствие рассвета.

Как только вокруг все зашевелились, девушка выскользнула на ближайший балкон пагоды. Каждый вдох обжигал лёгкие пронзительной горечью хвои, но её уравнивала сладость трав и свежесть тающего в расщелинах инея. Ощущалось, как в воздухе циркулирует, сворачивается потоками магия. Наверное, это имел в виду Рэн, когда сказал, что принцессе нужно напитаться энергией здешних мест?

«Мир, в котором у всего есть имя и форма,» – подумала Рёко и прильнула к ограждению, подставляя лицо бодрящему ветру.

Восточные склоны вершин окрасились золотом. Первые лучи пробивали утреннюю дымку. На вырубленной в скале тренировочной площадке вновь тренировали выпады воины-тэнгу. Каждый взмах руки, яростный полуоборот корпуса был идеально согласован с резким выдохом. Они двигались в едином, безупречном ритме.

Лишь один силуэт стоял в стороне, неподвижный, как старая сосна. Сёити почувствовал на себе любопытный взгляд и медленно обернулся. Рёко инстинктивно отпрянула от края яруса, сделала шаг назад и наткнулась спиной на чью-то грудь.

– Подсматривать нехорошо, жрица. Неужели тебя этому не научили в твоём благословенном храме? – раздался над самым ухом бархатный голос.

Рэн даже не шелохнулся, не отступил, заставляя чувствовать спиной тепло своего тела. Он смотрел на Рёко сверху вниз с привычным прищуром, будто поймал с поличным на месте преступления.

– Подкрадываться сзади тоже нехорошо, – холодно парировала Рёко. Она повернулась, но не сделала и шага назад.

– Что поделать. Это всё инстинкты хищника, – Рэн продемонстрировал заострённые клыки.

Рёко мягко обошла лиса и остановилась рядом, всматриваясь в мир за пределами Гнезда. Там, за хребтами гор, виднелась долина, серая и высушенная. Когда-то там, должно быть, текла река. Её русло, глубокое и широкое, зияло пустотой, как старая рана на теле земли. Там не было ни звуков, ни движения. Только наползающий зловещий туман.

– Это... последствия Сигами? – спросила Рёко, и голос против воли дрогнул. Тяжело и тревожно было видеть, как Пустота буквально стирает мир.

– Вроде того, – Рэн мгновенно подобрался, улыбка исчезла лица. – Голод твари растёт в пропорции к съеденному. И с каждым днём она становится ближе.

Лис отвернулся, пряча кисти рук в широкие рукава, и его светлые волосы качнулись на ветру.

– Нужно отправляться в дорогу. К вечеру мы покинем туманный пояс и выйдем в мир людей. Готовь свои волшебные бубенцы.

Рёко сжалась, глядя на мёртвую долину, а затем опустила взгляд на свои руки. Пальцы слегка подрагивали. Путь предстоял долгий и опасный. Подтянув узел на хаори, жрица сделала глубокий вдох и шагнула вслед за лисом.

У каменной арки, отмечавшей начало тропы вниз, в мир людей, их уже ждал Сёити. Он стоял неподвижно, и в его спокойной позе, скрещённых на груди руках, чувствовалась сосредоточенность. Рёко встала перед ним вровень с Рэном. Сердце билось неровно. Впереди

– долгая дорога бок о бок с непредсказуемым кицунэ, а в её конце – ночные кошмары: дворец, отец и принцесса Айко.

Сёити первым нарушил тишину.

– Путь, на который вы ступаете, – это не просто дорога на юг, – начал ворон, взгляд скользнул от Рёко к Рэну и обратно. – Это дорога, которая приведёт нас в светлое будущее. Рёко, – тёмные глаза крепко держали её внимание, не давали отвести взгляд. – Ты несёшь с собой не только знание шагов Кагура. Ты несёшь имя своего храма и стойкость, воспитанную уединением и дисциплиной. Это твоя броня. Не позволяй блеску дворца ослепить себя, забыть, кто ты есть. Ты идёшь в туда не как просительница, вымаливающая милость. Ты идёшь как наставник, как единственная, без кого их мир обратится пеплом. Я вверяю тебе первое слово перед сёгуном и принцессой.

– Это большая ответственность, – Рёко нервно перехватила пальцами ремень дорожной котомки. – Я обычная храмовая служительница. Я умею молиться и очищать храм, но не знаю законов политики. Что, если из-за одного моего неверного слова, будет отдан приказ обнажить оружия?

– Если первым туда явлюсь я, они увидят лишь чудовище из горных легенд и потянутся к лукам. Если Рэн откроет рот – они казнят его за дерзость до того, как он договорит. Но ты одной крови с ними. Ты понимаешь, какие струны в их душах нужно задеть, чтобы они услышали правду. Храм Хисэй научил твоё сердце состраданию – используй его как оружие.

Сёити повернулся к Рэну. Мягкость исчезла с его лица, уступила место суровой строгости.

– Рэн. Я доверяю тебе Рёко. Будь её щитом там, где законы людей захотят её сломать. Будь её глазами там, где фамильный блеск попытается помутить веру. И... – Сёити устало вздохнул и положил руку на его плечо. – Сбереги свою голову. Не натвори глупостей.

Рэн лишь коротко, почти невесомо кивнул, как солдат, принимающий приказ от главного командующего.

– Не сомневайся, пернатый, – в привычной манере отозвался лис. – Доведём твою партию до финала. И свои шкуры постараемся сохранить в целости, если эта девчонка не решит читать проповеди каждому встречному разбойнику.

Рёко насупилась. Сёити отступил на шаг, освобождая путь.

– Я присоединюсь позже и проведу второй этап переговоров. У меня здесь ещё остались дела, которые требуют завершения, – в его тоне звучало напряжение. – К тому времени, как вы обоснуетесь во дворце, я прибуду в Гинрю-дзё для окончательного этапа переговоров. Пусть ваши шаги будут твёрдыми, а дорога лёгкой. И помните: там, где истончаются чары нашего клана, Сигами может быть особенно опасно. Будьте осторожны.

Ворон развернулся и пошёл вглубь своих владений, стремительно теряясь из виду среди деревьев.

Рёко и Рэн остались одни под каменным сводом. Перед ними уходила вниз крутая тропа.

Лис уже взвалил на плечо сумку, и его привычная дерзость вновь вернулась к лицу.

– Ну что, жрица? – протянул он, делая первый шаг по склону. – Готовь свои самые смиренные поклоны и самые хитрые мысли. Наша следующая цель – дворец сёгуна.

Сосны вокруг стояли неестественно прямыми, кроны застыли чёткими силуэтами на фоне голубого неба. Даже на крутых спусках дыхание Рёко оставалось глубоким, подчинённым внутреннему ритму. Спина ровная, плечи расправленные, шаги неширокие и устойчивые. К холоду на вершинах она относилась со стоическим спокойствием – в Хисэй с наступлением зим было не легче.

Рэн шёл впереди. На исходе дня он резко остановился перед двумя испещрёнными серым мхом валунами. Рёко присмотрелась. Если раньше издалека она видела просто камни, то теперь, следуя за взглядом ёкая, заметила разницу. На одной стороне валунов мох был мала-

хитовым, на другой – тускло-зелёным, а воздух между ними казался чуть плотнее: в нём медленнее кружила пыльца, виднелись едва заметные колебания.

– Граница, – коротко обронил Рэн и шагнул первым.

В момент, когда тело пересекло невидимую линию, контуры лиса на миг задрожали, как отражение в потревоженной воде, и он исчез. Рёко сглотнула ком в горле. Мысль о том, что лаз закроется и она останется одна в тёмном лесу, заставила шагнуть следом почти без раздумий. Тело по ощущениям обволокла вязкая жидкость, а мир вокруг содрогнулся.

На той стороне её встретил всё тот же лес, но насыщенные, глубокие цвета мира тэнгу сменились приглушенными, пыльными оттенками человеческих земель.

Рэн прислонился к дереву, намертво вцепившись пальцами в ствол сосны. Лицо стало мертвенно-бледным, а дыхание рваным. Печать Сёити предупреждающе мигнула под воротником. В мире людей, где магия была редкой и слабой, узы сковывали силу ещё безжалостнее, не давали восстановиться из внутреннего источника. Он выглядел уязвимо.

Рёко не стала лезть с вопросами, давая ему время прийти в себя. Она обернулась: лаз между камнями позади них исчез, оставив лишь обычную лесную чащу.

– Назад дороги нет?

– Не сейчас, – глухо отозвался Рэн. Он с трудом заставил себя отпустить дерево и выпрямился. – Идём. Нам нужно спуститься до темноты.

Лис пошёл вниз по тропе, но его походка изменилась – исчезла былая невесомая грация духа, появилась тяжёлая, расчётливая осторожность зверя, оказавшегося на чужой, враждебной территории.

С каждым днём пути воздух становился плотнее, пропитывался чуждыми для гор запахами сырой земли, болотной гнили и далёкого дыма от рисовой соломы. Спуск с разреженных высот в насыщенную атмосферу долины давался Рёко тяжело: в первые дни кружилась голова, сердце стучало в ушах, словно ритуальный барабан.

Дорожная сумка казалась чудовищной ношей – лямки безжалостно врезались в ключицы, оттягивали плечи вниз. Ноги, привыкшие к ровному дощатому полу и таби [1], были больше всего уязвимы. Даже в прочных варадзи [2] мозоли натирались в новых, непривычных местах. Каждый вечер жрица, прячась от взгляда Рэна, промывала стёртые ноги в ледяной воде ручья, чувствуя, как кожа горит и пульсирует. Тело держалось на дисциплине и силе воли, закалённой годами в уединении, но платило болью и накапливающимся истощением. Каждый шаг вниз, к людям, давался тяжело и напоминал, насколько далеко увела её судьба от обычной человеческой жизни.

Рэн за эти три дня не произнёс и десятка слов. Он безмолвно шёл впереди, изредка исчезал в зарослях для разведки и возвращался обратно. На Рёко он почти не смотрел, но темп ходьбы выбирал ровно такой, чтобы она не отставала, хоть и шла на пределе возможностей.

Они разбили лагерь на краю буковой рощи, у кромки безымянного ручья. Накопившееся изнеможение налило мышцы жрицы, но она, верная привычке, методично принялась обустроить место: собрала хворост, выложила аккуратный круг из камней для кострища и достала остатки сушёных припасов. Рёко пыталась создать вокруг себя порядок, насколько это было возможно, – это было последней стеной между ней и хаосом изнеможения.

У неё долго не получалось высечь искру. Внутри уже поднималась тёмная волна раздражения на уставшее тело, на бесконечную сырую дорогу и на безмолвного спутника. Хотелось швырнуть камень в воду, но она лишь сильнее сжимала челюсти, подавляя вспышку.

Рэн сидел напротив, прислонившись спиной к поваленному бревну. Его вещи были небрежно брошены в сторону, сам он наблюдал за спутницей, перекатывая губами сухую травинку.

Очередной удар наконец высек искру, трут затеплился, по сухим листьям побежал робкий язычок пламени. Рёко бережно прикрыла его ладонями и легонько подула.

– Долго ты ещё собираешься притворяться? – неожиданно спросил лис, поглядывая на дрожащие девичьи руки.

Рёко начала подкладывать в разгорающийся огонь щепки, не поднимая головы.

– Я просто развожу костёр.

– Ты выложила эти камни так, словно от их порядка зависит твоя жизнь, – Рэн приподнялся на локте, и в отсветах пламени его янтарные глаза стали ярче и пронзительнее. – Твои ноги стёрты в кровь, спина одеревенела, а внутри всё горит от злости. Но ты сидишь здесь и пытаешься изображать благодетельную жрицу. К чему этот напускной покой?

Каждое слово попадало точно в цель. Рёко почувствовала, как к горлу подступает горячая, импульсивная ярость – то, что она так тщательно старательно скрывала за образом жрицы. Ей хотелось резко встать и высказать высокомерному ёкаю всё, что она думает о нём, его издёвках и проклятых узах. Долг жрицы, вбитый в подсознание, сработал подобно капкану: сомкнулся, врезался в горло и связки острыми зубьями.

Рёко сделала медленный, ровный вдох и также медленно опустошила лёгкие, насильно заставляя бешено бьющееся сердце замедлиться. Когда она подняла на лиса взгляд, её лицо было абсолютно неподвижным, ровным, будто его высекли из белого камня. Только глаза выдавали внутренний пожар.

– Порядок во внешнем умиротворяет хаос внутри, – холодно и ровно отчеканила она, копируя поучительный тон наставников. – Контроль – это то, что отделяет человека от безумия Сигами. Разве это плохо?

Ёкай хмыкнул. В его взгляде просматривалось опасное любопытство исследователя.

– Это плохо, когда контроль превращается в удавку, жрица, – Рэн подался вперёд, голос стал вкрадчивым. – Ты не жалуешься, не просишь о помощи, даже когда едва стоишь на ногах. Скоро мы прибудем во дворец сёгуна. Поверь, там не нужна жрица с каменным лицом. Там нужна живая плоть, которая умеет очаровывать, злиться, лгать и защищаться. А ты стянула себя правилами так прочно, что, если кто-то надавит чуть сильнее, – ты просто сломаешься. Что ты так отчаянно боишься выпустить наружу? Слабости и пороки, непростительные для жрицы?

Рёко резко отвернулась к костру, чтобы он не видел, как дрогнули её губы. Она изо всех сил сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль отрезвляла. Проклятый, невыносимый лис.

– Если во дворец прибудет жрица, которая не умеет держать себя в руках, миссия Сёити провалится в первый же день, – Рёко обессиленно прикрыла веки. – Я стараюсь следовать плану. Мои чувства и усталость при этом значения не имеют.

Рэн долго смотрел на неё, оценивал эту глухую, упрямую оборону, затем откинулся назад и закинул руки за голову.

– Как знаешь, – равнодушно бросил он, теряя интерес к спору. – Но изнеможение ты своей дисциплиной не обманешь.

Рёко ничего не ответила. Она сидела у костра, прямая как стрела, и подавляла внутреннее клочкотание, глядя на искры, улетающие в тёмное небо. Ёкай был невыносим, но в одном он был прав: её броня трещала по швам, и до столицы она обязана была научиться удерживать этот внутренний огонь так, чтобы он не сжёг её саму.

Костёр догорал. Рёко медитировала, пытаясь усмирить рой мыслей. Рэн же лежал на спине, уставившись в звёздную прореху между вершинами деревьев в абсолютной тишине. Именно эта неестественная тишина стала первым предвестником чего-то плохого.

Рэн резко поднялся.

– Вставай, – скомандовал ёкай, отчего Рёко вздрогнула и испуганно распахнула глаза. – Они здесь.

Вскоре донёлся знакомый, тошнотворный запах. В роще багровыми вспышками зажглись глаза. Эти чудовища некогда были благородными волками. Теперь их тела были извращены Сигами: они были заметно крупнее обычных волков, шкура – иссиня-чёрная, покрытая какой-то едкой смолой, из пасти текла маслянистая слюна. Вместо рычания доносился жуткий, многоголосый шёпот из чужих предсмертных хрипов и страхов.

Их было пятеро. Они взяли путников в полукруг.

– Назад! – рявкнул Рэн и мгновенно выхватил из рукава стальной веер. Металл звякнул, раскрываясь лезвиями. – Живее! Не подставляй спину!

Жрица инстинктивно схватила сумку и отпрянула назад, прижалась лопатками к ближайшему стволу. Руки сами нырнули в сумку, выуживая ритуальные судзу. В этот момент она остро, до тошноты осознала свою беспомощность: у неё не было меча, не было стрел. Только серебряные бубенцы.

Первый зверь кинулся вперёд. Его колоссальная туша, окружённая шлейфом из чёрного дыма, пронеслась в воздухе. Рэн встретил его жёстко – короткий, выверенный замах веера рассёк плоть твари, заставил взвыть утробным воем и растаять в воздухе пеплом.

На его место тут же бросились двое других. Рэн дрался с проворством обречённого. Каждый удар был идеален, а движения наполнены смертоносным изяществом клана лисов. Но Рёко видела: без магии приходится тяжело. Сталь, пусть и закалённая в кузнях ёкаев, с трудом удерживала натиск чистой пустоты. На белом рукаве расплылось тёмное пятно – один из волков сумел достать плечо когтями.

– Рэн! – вскрикнула Рёко.

– Молчи и стой на месте! – выплюнул лис. Его лицо исказилось от напряжения. Подняв веер для очередного замаха, он попытался вложить в удар крупицу своей истинной силы, чтобы отбросить волков воздушной волной.

В ту же секунду печать на шее вспыхнула ослепительным, карающим светом. Тиски Сёити сработали мгновенно. Рэн издал страшный хрип, колени подкосились, а веер едва не вывалился из ослабевших пальцев. Выжигающая боль от подавленной магии на секунду парализовала.

Вожак стаи Сигами, почуяв слабость жертвы, припал к земле и приготовился к убийственному прыжку.

«Если он погибнет, я не дойду. Если он погибнет, Сигами поглотит остров,» – беспорядочно вспыхивали мысли в голове Рёко.

Она сделала шаг вперёд, выходя из-за спины накренившегося Рэна. Пальцы крепко сжали рукоять колокольчиков судзу. Рёко резко, наотмашь вскинула руку вверх.

Раздался звон. Очищающий всплеск. Чистый, высокий звук серебряных бубенцов ударил по ушам, разорвал тишину буковой рощи. Это был не просто шум – это была первая нота ритуального танца. Рёко вложила в этот взмах всё своё упорство, волю к жизни и ту самую чистоту, которую восстанавливала на смотровой площадке.

Вожак Сигами, уже оторвавшийся от земли для прыжка, словно наткнулся на невидимую преграду. Звук серебра, усиленный искренним намерением жрицы защитить, выстроил между ними и Сигами барьер. Чёрный дым вокруг твари зашипел, волка отбросило назад, на камни. Он закрутил головой и издал жалобный скулёр.

– Рэн, вставай! – крикнула Рёко и сделала скользящий шаг вправо, заноса руку для продолжения связки. – Вставай, чёртов лис!

Звон бубенцов повторился – теперь более ритмичный, быстрый. Вокруг Рёко, повинувшись шагам танца, воздух начал вибрировать, разбивать мелкой дрожью сконцентрировавшуюся вокруг мглу. Твари Сигами попятись, прижав уши. Они не погибали, но их воля к атаке была сломлена.

Рэн с трудом поднялся, держась рукой за горящую шею. В его глазах, помимо боли, горело дикое удивление. Он смотрел на спину человеческой девушки, которая без единой капли магии, одними лишь звуком сдерживала чудовищ.

– Сумасшедшая... – прохрипел он, но в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на уважение.

Сжав зубы так, что на губах выступила кровь, Рэн перехватил веер. Магия была недоступна, но сталь всё ещё слушалась. Используя замешательство Сигами, лис метнулся вперёд, подобно молнии. Точными ударами он добил вожака и ранил остальных волков. Потеряв предводителя, натываясь на непрерывающийся, бьющий по их сути звон, звери не выдержали. Они стремительно отступили обратно в чащу, подальше от чистого звука и губительного веера.

Рёко медленно опустила руки. Судзу издали последний, затихающий звон и замерли. Жрицу затрясло от нахлынувшего отката. Колени стали ватными, она едва не осела на землю, если бы её не подхватили за локоть.

Пальцы Рэна держали крепко, но на этот раз удивительно бережно. Он сам едва стоял на ногах. Метка на шее угасла, но оставила в напоминание покрасневшую, обожжённую кожу.

– Не падай, жрица, – негромко произнёс Рэн. – Мы отбились. Чудом.

Рёко встряхнула головой и посмотрела на его окровавленное плечо.

– Ты ранен. И печать...

Лис криво ухмыльнулся и отпустил её локоть. Он осторожно потрогал шею кончиками пальцев.

– Бывало и хуже. Старик Сёити не любит, когда я нарушаю правила и не подчиняюсь. А твои бубенцы действительно работают. Ты не соврала. Мирумэ слышит этот звон.

Рёко устало улыбнулась и спрятала судзу обратно в сумку. Она мимолётно проверила левый шёлковый шнур, который вчера перевязала. Он держался намертво. Если бы не подсказка Рэна, крепление бы оборвалось, и вожак Сигами разорвал бы их обоих.

– Ты спас меня в лесу, я помогла тебе здесь. Кажется, мы теперь квиты, Рэн? – она смотрела на него с вызовом.

Лис внимательно изучил лицо напротив, словно заново переписал в голове образ «бесполезной человеческой девчонки». Он слегка склонил голову – жест, который у гордых ёкаев заменял глубокий поклон, и довольно ухмыльнулся.

– Квиты, жрица.

[1] Таби – японские носки высотой до лодыжки с разделённым большим пальцем.

[2] Варадзи – японские сандалии, сплетённые из рисовой соломы или пеньки.

Глава 6. Карп у поверхности воды

К полудню они вышли на утёс, откуда открывался вид на раскинувшуюся в низине деревню Юнокава. Над соломенными крышами минок [1] поднимался печной дым, а за ними клубился пар, пахнувший серой. Это место славилось своими горячими источниками – онсэнками.

Физическое изнеможение Рёко достигло своего предела. Перевязанные ступни горели так, слово в таби насыпали раскалённые угли. Хаори было покрыто пылью, подол иссечён ветками. Она чувствовала себя грязной и бесконечно усталой.

Рёко остановилась и посмотрела на поселение с возвышенности. Сердце кротко откликнулось: хоть она и не знала мирской жизни, сейчас хотелось оказаться ближе к людям, чему-то знакомому и безопасному.

Рэн остановился у старого указателя.

– Если поторопимся, обогнём поселение по восточному склону и выиграем полдня пути. К ночи будем у заставы.

– Нет, – Рёко тоже подошла к указателю. – Мы остановимся здесь. Нам нужен отдых.

Лис медленно повернул к ней голову – скривил губы в ироничной улыбке.

– Что я слышу? Благочестивая жрица не выдержала земных тягот? Я было подумал, что пресловутый «внутренний порядок» питает тебя вместо еды и сна.

– Через два дня мы прибудем во дворец, – с невозмутимым видом продолжила Рёко, будто не слышала колкостей в свой адрес. – Сёгунат не примет жрицу, которая выглядит как бродяжка. Там судят по внешности. Если я явлюсь во дворец в таком виде, они увидят во мне изгнанницу, пришедшую просить милостыню, не станут слушать ни слова о Кристалле.

Рёко сделала шаг вперёд, стараясь наступать на ногу ровно.

– Мне нужно отмыться, переодеться в чистую одежду и привести себя в порядок. Во дворец я должна войти так, чтобы ни у кого не возникло сомнений: за моей спиной стоит храм. Идём.

Рэн долго и внимательно разглядывал её. Наглый прищур исчез, уступил место странному, почти уважительному выражению.

– Надо же, – протянул он. – А в твоей маленькой упрямой голове и правда есть зачатки чего-то здорового. Что ж, жрица. Раз уж мы идём спасать мир красиво – веди. Посмотрим, насколько хороши местные купальни.

Они начали спуск. Чем ближе они подходили к Юнокаве, тем отчётливее Рёко слышала звуки простой человеческой деревни: стук молота в кузнице, скрип тележных колёс, далёкий крик погонщиков, плеск колодезной воды. Рэн шёл чуть позади, и Рёко чувствовала, как тяжело ему это даётся. Здесь, на чужой территории, где, вероятно, не очень почитали ёкаев, лис казался непривычно уязвимым.

Путников вели по дороге недоверчивые, изучающие взгляды Старик на крыльце прекратил чинить сеть, женщины у колодца замолчали и перегляделись, дети застыли в игре с немым интересом. Мохнатые деревенские собаки высунули из-под заборов морды и глубинно, предупреждающе зарычали, почуяв скрытую силу.

Рёко шла по утоптанной земле к самому большому дому, где, как подсказывала интуиция, должен проживать староста. Она шла с достоинством, не просто за кровом, а чтобы доказать себе и Рэну, что может быть мостом между его миром и миром людей. Что роль жрицы – не только клетка, но и ключ, способный открыть множество дверей. И всё же страх, что дверь захлопнут перед самым носом, подступил к горлу.

Девушка остановилась перед входом, ненадолго закрыла глаза, собираясь с духом, и постучала. Открыл седобородый старик, чьё лицо было продублено ветрами и солнцем от работы в полях. Переносицу пересекали две резкие вертикальные складки, которые придавали

сосредоточенное, почти суровое выражение. За его спиной замерли другие: женщины у очага, дети, пара взрослых мужчин. Все стихли и уставились на чужаков.

Рёко сложила руки в традиционном приветствии и сделала неглубокий, но безупречный поклон.

– Мира вашему дому и благословения предков, – голос жрицы лился как из чистейшего источника. – Меня зовут Рёко, я жрица храма Хисэй. Мы со спутником совершаем паломничество к святым источникам. Дни долги, а тропы суровы. Осмеливаемся попросить угол у вашего очага для ночлега. Мы можем заплатить трудом или тем, что несём с собой.

Она говорила, глядя чуть ниже глаз старосты, сохраняя смиренное выражение лица. Рэн стоял поодаль, изображая монастырского служителя – эта блёклая роль была не по душе, но выбирать не приходилось.

Староста оценивающе оглядел Рёко с головы до ног: поношенное одеяние мико [2], простая, слегка растрёпанная причёска, лицо со следами сильной усталости. Затем взгляд перешёл на Рэна и задержался на нём мучительно долго.

– Храм Хисэй, – наконец произнёс старик и обратил взгляд к жрице. – Он далеко отсюда. За множеством лесов и рек. Наверняка вам выдалась опасная дорога. Духи гор не всегда благосклонны.

– Благо мы целы и невредимы. Богиня Мирумэ услышала наши молитвы.

– Место найдётся, – произнёс староста и отступил от двери. – У нас небогато, но хлеб и кров странник всегда найдёт. К северу от околицы, у подножья скалы, есть онсэн. Вода чистая, от горного ключа. Смыть дорожную пыль – благодать для тела и духа. Только помните, – староста понизил голос, – мужчины и женщины моются отдельно. Деревенский устав, приличия блюдём строго.

Рёко почувствовала в последних словах подтекст: за ними будут следить. Она находилась в статусе «невесты ками» и не могла помыслить о нарушении запретов, а вот ручаться за целомудренность непредсказуемого кицунэ было затруднительно.

Девушка вновь поклонилась, на этот раз глубже.

– Мы бесконечно благодарны за вашу доброту. Уверяю, мы не принесём неудобств. Я буду молиться за благополучие вашего дома и всей деревни, – жрица выпрямилась и спрятала руки в рукавах. – А моему спутнику можете дать работу, чтобы мы могли отплатить за кров. Несмотря на то, что он молчалив и простоват, очень силен и способен выполнить любое поручение.

Спину окатил жар негодования Рэна – лис буквально пытался испепелить её взглядом за «простоватого слугу» и привлечение к людской работе. Его сразу услали на задний двор, и он с каменной маской отрешённости последовал за мужиками. Деревня приняла их с осторожностью, но, кажется, достаточно радушно.

Оставшись одна в отведённом углу, Рёко бессильно опустилась на циновку. Усталость была настолько тяжёлой, что, едва закрыв глаза, она мгновенно провалилась в поверхностный и тревожный сон.

Ей снился тронный зал Гинрю-дзё. Потолки тонули во мраке, сёдзи пропускали тусклый свет, который едва освещал пространство. В воздухе стоял застойный запах благовоний, смешанный с железным привкусом крови. На возвышении, в тени резных ширм, восседал сёгун. Его лица не было видно за ритуальной золотой маской дракона, но Рёко чувствовала на себе его презрительный взгляд.

– Назваться жрицей и привести в сердце державы лесного беса... – его голос пробирал до дрожи. – Ты не просто лишена священной крови. Ты – гнилой плод, отравивший наш род.

Рёко пыталась оправдаться, рассказать про Кристалл и Сигами, но не получалось вымолвить и слова. Горло сдавило незримыми пальцами, язык прилип к нёбу, воздух кончился.

Из тени за троном вышел палач. В его руках блеснул тяжёлый клинок нодати. В этот момент Рёко увидела брезгливый, высокомерный взгляд своего отца. Клинок со свистом устремился к её шее.

Рёко резко разлепила глаза и подавила вырывающийся из груди крик. Перед ней, склонившись так, что почти касалась лба чёлкой, стояла девочка лет девяти. Лицо было круглым, щеки – румяными, а тёмные, широко раскрытые глаза смотрели с неудержимым детским любопытством. Девочка была укутана в кимоно, перешитое из взрослого, которое болталось на ней. Рукава, подвёрнутые несколько раз, по виду всё равно мешались.

– Тётя жрица, – прошептала девочка. – Тётя жрица, проснитесь.

Рёко с трудом поднялась в сидячее положение. Её до сих пор потряхивало от сна и резкого пробуждения. Комната плыла, взгляд не мог сфокусироваться.

– Что случилось? – взволнованно спросила Рёко, ведь первая мысль, пришедшая в голову, – Рэн попал в беду.

– Ничего не случилось! – девочка улыбнулась, и в её улыбке было столько безудержной, глупой радости, что Рёко оторопела. – Я Юки. Бабушка сказала, что гостям можно в вечерний источник, пока все готовятся к ужину. Холодно, но вода горячая, я проверила! Пойдёмте! А то потом там дядьки будут.

И, не дожидаясь ответа, она схватила Рёко за рукав и потянула на себя. Такое нецеремонное, живое прикосновение окончательно разбудило её, и девушка позволила себя поднять.

Вечер оказался морозным, иней серебрил траву. Юки вела жрицу по деревне, и её движения были цепью маленьких катастроф. Она спотыкалась о собственные непослушные полы, наступала в лужи, каждый раз вскрикивая «Ой!», и тут же, не оборачиваясь, тащила Рёко дальше, безостановочно болтая.

– Вы настоящая жрица? Прямо из храма с горы? А это далеко? Вы видели духов? Дедушка рассказывал, что видел однажды духа, который одним укусом съел целую деревню, представляете! А Вы волшебная? Вы можете наколдовать что-нибудь?

Вопросы сыпались, как горох из дырявого мешка. Рёко была сбита с толку этой лавиной и лишь качала головой или кивала, когда поняла, что не успевает и слова вставить.

Они миновали последний дом и вышли на тропинку, ведущую к скалам, откуда уже виднелся лёгкий пар.

И тут внезапно Юки, запыхавшись от быстрой ходьбы и нескончаемого потока слов, посмотрела на Рёко и сказала:

– Я тоже хочу стать жрицей.

Рёко замерла. Эти слова, произнесённые детским, но таким уверенным голосом, ударили под дых, пробились в самое нутро. Туда, где хранилась её собственная, давно погребённая маленькая девочка.

– Почему? – спросила Рёко.

– Потому что жрицы такие красивые, спокойные и... как же это слово... величественные! Как белые цапли. И вы разговариваете с богами, – в глазах Юки горел не просто восторг, а настоящая жажда. – И у вас вся жизнь «важная». Не то что тут: поля, грязь, вредные братья. И одежды вы красивые носите. И вас уважают. Я тоже хочу такую жизнь. И чтобы духи гор меня слушались!

Она размахивала руками, описывая свою мечту, и снова чуть не упала, поскользнувшись на замшелом камне. Рёко инстинктивно ухватила ребёнка за плечо. Прикосновение к тонким костям под грубой тканью кимоно вызвало острую, болезненную волну. Она смотрела на крошечное, восторженное создание, так похожее на ту девочку, которой когда-то была она сама – такую же неуклюжую, мечтательную, жаждущую тепла и признания.

– Жрица – это не только про красивые одежды и уважение, Юки, – тихо сказала Рёко, вбирая детскую руку в свою. – Это и про то, когда очень тихо и одиноко.

– Но зато вы особенные! – не могла уговориться Юки. – Я не хочу быть как деревенские дети. Я хочу быть как Вы!

Они дошли до источника – небольшого каменного грота, наполненного молочно-голубой водой, клубами густого пара и отчётливым, терпким запахом серы. Юки весело помахала на прощание маленькой ручкой и припрыжку убежала обратно к минкам.

Источник располагался в естественной нише скалы. Из темных расщелин непрерывно сочился пар, откуда-то с верхних уступов доносился свежий аромат дикого мятника. Женская и мужская половины были разделены невысокой, но плотной плетёной стенкой из бамбука. Был слышен только мерный плеск воды и эхо падающих капель со свода грота.

Оставшись в уединении, Рёко погрузилась в горячую, мутную воду и сладко зажмурилась от наслаждения. Тепло проникало в заостреневшие мышцы, медленно растворяло тупую, выматывающую боль в плечах и ногах. Она откинула голову на гладкий, влажный камень валуна. Мокрые пряди волос прилипли к вискам и шее. Пар струился над поверхностью воды, ласкал лицо, мягко касался обнажённых плеч и линии ключиц. Горячая вода убаюкивающе обнимала тело.

В этом влажном мареве Рёко потеряла бдительность. Лёгкий, раскатистый всплеск заставил её вздрогнуть – будто крупная рыба перевернулась у самой поверхности. Жрица сначала не придала этому значения, но в следующую секунду сквозь шум воды раздался голос, который она научилась узнавать из сотен других:

– Ты меня знатно подставила, жрица, – ленивый, бархатный тон Рэна пробрался прямо в голову.

Рёко резко распахнула глаза и чуть не подавилась воздухом.

Он сидел прямо перед ней – мокрый лесной дух, с белых волос и подбородка которого стекали прозрачные, блестящие капли. Рэн абсолютно без смущения раскинул руки и вальяжно уместил локти на тёплых камнях, улыбаясь откровенно нагло, лисьей улыбкой.

– Ты... – Рёко не договорила. Она инстинктивно подтянула колени к груди и плотно прикрылась руками. Вода вокруг, казалось, начала закипать от стыда. – Совсем рехнулся?! – воскликнула она яростным шёпотом.

– Тише, – почти ласково приказал ёкай. – Ты же не хочешь, чтобы сюда прибежал староста с сыновьями и застал тебя в одной купальне со мной?

Рёко смерила его уничтожающим взглядом, чувствуя, как беспомощность смешивается с закипающей злостью.

– Я никогда не отмоюсь от этого унижения, – жалобно заскулила она и спрятала вспыхнувшее лицо за ладонями.

– А я думал, мы уже перешагнули через эти условности и церемонии, – хмыкнул Рэн. – К тому же, я тоже заслужил понежиться в горячей воде подальше от этих людей. Я весь день терпел этих смертных, таскал навоз и копал их промёрзшую, жёсткую землю. Невиданное унижение для кицунэ! Ты довольна?

– Я лишь хотела, чтобы ты разделил тяготы простых людей, – Рёко изо всех сил постаралась вернуть голосу прежнюю строгость, хотя щёки продолжали нещадно гореть. – К тому же, физический труд умиряет гордыню.

– Мою гордыню невозможно усмирить грязной лопатой, – Рэн самодовольно ухмыльнулся, наблюдая за попытками жрицы сохранить лицо.

Рёко тем временем сползла глубже, погружаясь в мутную воду по самый подбородок.

– Ты там не утонешь? – изогнул бровь лис.

– Не дождёшься, – буркнула Рёко.

– Расслабься. Я не сделаю ничего, о чём ты сама меня не попросишь, – игриво протянул лис.

В ту же секунду ему в лицо полетел сноп брызг.

– Нахал, – прорычала жрица. Пользуясь тем, что лис утирает воду с глаз, девушка поспешно развернулась к нему спиной. – И вообще, отвернись. Не пристало «простоватому слуге» разглядывать обнажённую жрицу.

– Как скажете, госпожа.

В тот же миг Рёко ощутила, как к её лопаткам плотно прижалась большая, обжигающе горячая спина Рэна. По телу пробежала крупная дрожь. Она подавила внутреннее недовольство и порыв отстраниться: как ни странно, ощущая эту живую, плотную преграду, ей было спокойнее. Находясь к нему спиной, она хотя бы знала, что он её не рассматривает.

– Рэн, – обратилась Рёко, и весь флёр смущения мгновенно испарился, тон стал предельно серьёзным. – Там, в горах... Сёити сказал, что у него есть дела и он нагонит нас позже. О чём именно он говорил? Он казался таким встревоженным.

– Встревоженным? – отозвался лис с явной усмешкой. – Да, можно и так сказать. Если под «тревогой» понимать сидение на бочке с порохом, пока вокруг тебя чиркают огнём. Как думаешь, жизнь ёкаев состоит только из танцев под луной да подглядываниями за людьми?

– Нет, я так не думаю, – твёрдо ответила девушка.

– Мир духов куда более сложный и жестокий. И в нём, как и у вас, идут свои войны.

Слово повисло в воздухе, весомое и неожиданное.

– Сигами – это общий враг. Но пока одни пытаются запечатать её источники, другие видят в этой заразе инструмент, возможность установить новый порядок. Третьи же используют хаос, чтобы забрать чужие земли, пока остальные заняты битвой со скверной.

Рёко затаила дыхание.

– Сёити и его клан тэнгу – горные стражи, хранители старых договоров – выступают за сохранение баланса. Но их ближайшим соседям – клану горных ёки – надоело быть духами, живущими в тени. Они хотят больше власти. Над землёй. Над людьми. А Сигами ослабляет границы, делает их податливее. Они не борются с ним – они пытаются приручить.

– И Сёити воюет с ними?

– Воюет. Он предводитель клана, блестящий военный ум, лучший стратег из тех, кого я знаю. Тэнгу – существа гордые и сильные, превосходные воины, но их не так много, и Сёити это прекрасно осознаёт. У ёки есть численность, грубая сила и ярость. Отсюда его «тревога» и этот дерзкий план с танцем. Ему нужна не просто победа, а великое знамение, чтобы сомневающиеся и напуганные кланы избрали его путь.

– И он рискует всем, делая ставку на нас, – опустошённо выговорила Рёко.

– Он всегда рискует. Но сейчас ставки высоки как никогда. Если мы потерпим неудачу, враги используют это как доказательство его несостоятельности Сёити, оставшееся влияние рухнет, и тогда в мире духов с большей вероятностью воцарится та сила, что видит в Сигами не болезнь, а оружие. И твой мир, мир людей, станет следующей целью.

Рёко сильнее обняла колени в надежде стать меньше, малозначительнее, чтобы не быть раздавленной грузом ответственности.

– Вот какие «дела» ему нужно доделать, – продолжал Рэн. – Укрепить оборону в горах на время своего отсутствия. Разослать гонцов к потенциальным союзникам. Подготовить почву для своего приезда в Гинрю-дзё – ему потребуется поддержка сёгуна, чтобы использовать союз как щит. Сёити – полководец, который ведёт отчаянную кампанию на два фронта. А мы с тобой – его лучший и, возможно, последний тактический ход.

Помимо мирных всплесков воды в глухом эхо грота Рёко теперь будто слышала отдалённый, грозный гул надвигающейся катастрофы. Она посмотрела на своё смутное, дрожащее отражение в молочной глади – отражение простой, смертной жрицы, от решений которой теперь зависело равновесие обоих миров.

– Тогда мы просто не имеем права проиграть, – твёрдо произнесла она, расправляя затекшие плечи и выпрямляя спину.

– А ты отчаянная, – подметил Рэн, повернув к ней голову. – Так рвёшься в бой, будто хочешь кому-то что-то доказать.

Рёко замерла. В памяти всплыл образ осеннего сада Хисэй, бледные губы матери и её тихое, ядовитое: «Ты ничего не стоишь». В груди привычно ожгло старой, незаживающей болью.

– Жрицы исполняют свой долг, а не ищут похвалы, – отрезала Рёко, смыкая губы.

За её спиной послышался лёгкий, понимающий смешок. Рэн не стал давить, уважая её право на молчание.

– Как скажешь, жрица. Ладно, я пойду первым. Не люблю эту удушливую человеческую жару.

Горячая спина лиса отделилась от её лопаток. Рэн выскользнул из купальни. Рёко тяжело вздохнула и попыталась снова поймать утраченное расслабление.

Грубо сколоченный длинный стол в избе старосты ломился от нехитрой, но сытной еды: глиняные миски с парной похлёбкой из репы, свежие пшеничные лепёшки и кувшин с тёплым саке.

Рёко опустилась на указанную циновку, с трудом подавляя удивление. После сожжённых хуторов и опустевших, вымерших от Сигами селений, которые они миновали в горах, эта деревня казалась настоящим оазисом. Здесь кипела жизнь, а от стола нёсся забытый запах свежесдобитого хлеба.

Староста, заметив её задумчивый и изучающий взгляд, огладил седую бороду:

– Дивишься, госпожа жрица? Вверху, в предгорьях, небось, одна зола да вороньё остались?

– Мы проходили мёртвые земли, – не стала скрывать Рёко. – В деревнях выше по хребту не осталось ни души. Поля выжжены, колодцы отравлены. Я не ожидала увидеть здесь такую изобильную трапезу.

– Боги пока милуют Юокаву, – староста со вздохом поставил перед ней глубокую миску с похлёбкой. – Нам повезло жить у самого подножия, в тени столичных хребтов. Горный кряж принимает главный удар на себя, до нас долетает лишь горький отзвук скверны. К тому же... – старик понизил голос, – мы совсем близко к заставам Гинрю-дзё. Сёгунат держит вокруг столицы двойной кордон. Войска выжигают любую заразу на подступах, а купеческие караваны всё ещё ходят по южному тракту. Мы отдаём столице немалый налог зерном, зато взамен солдаты берегут наши поля, а купцы делятся солью и мукой.

Он тяжело оперся сухими руками о стол:

– Но и наше благополучие как тонкий лёд по весне. С каждым месяцем тёмный туман с гор спускается всё ниже. Какая уж тут радость от сытого брюха, когда знаешь, что соседние долины уже мертвы... Ешьте, гости дорогие. Пока гарнизон держит заставы, у нас есть чем поделиться от чистого сердца.

– Благодарим за щедрость вашего дома, – Рёко склонила голову в глубоком, искреннем поклоне.

Теперь этот хлеб казался ещё ценнее – как последняя хрупкая преграда между живым миром людей и поглощающей всё тьмой.

Она взяла деревянные палочки, но прежде чем приступить к еде, украдкой взглянула на Рэна. Лис сидел сутулясь, молча уставившись в свою тарелку. Без своей магии и пышных одежд, в окружении шумных деревенских жителей, он казался странно одиноким. Рёко незаметно подвинула к нему самую большую и румяную лепёшку.

Рэн чуть повёл бровью.

– Слугам не полагается брать лучшие куски, госпожа жрица, – сказал он едва слышно.

– На правах твоей «хозяйки» я приказываю тебе нормально поесть, – так же тихо, не меняя невозмутимого выражения лица, произнесла Рёко. – Тебе ещё тащить наши вещи.

Лис едва заметно ухмыльнулся, перехватил лепёшку и начал есть с аппетитом, который было трудно скрыть.

Ужин прошёл тихо и тепло. Деревенские жители, убедившись, что жрица скромна и благочестива, перестали коситься на чужаков. Мужчины негромко обсуждали будущий урожай, женщины убрали посуду, а маленькая Юки из угла подавала Рёко восторженные знаки, на которые девушка отвечала лёгкой, почти незаметной улыбкой.

Когда в окнах затеплилась глубокая синева ночи, Рёко и Рэн уместились в отведённом им уголке.

– Знаешь, – тихо заговорил Рэн, прислонившись спиной к стене и наблюдая, как Рёко аккуратно перевязывает свежими бинтами стёртые ноги. – Ты не такая уж плохая жрица. Даже эти неотёсанные крестьяне прониклись к тебе уважением.

– Ну спасибо, – усмехнулась девушка, не ожидавшая, что от этого ёкая можно дожидаться подобия комплимента. – Ты тоже не такой уж и недалёкий прислужник. Так и вижу тебя подле богини Мирумэ в каком-нибудь храме.

– Больше я эту роль предпочту не примерять.

Рёко посмотрела на взбалмошного несносного духа и поняла, что за эти дни он увидел её настоящую больше, чем кто-либо за последние годы. И она, пожалуй, начала видеть его.

– Завтра начинается настоящая работа, – Рэн насколько возможно удобно улёгся на циновке. – Нам понадобится твоё терпение и моё обаяние.

Губы Рёко тронула улыбка. Лис был прав: всё только начинается.

Ей больше не снился судный зал и казнь. Ей снился светлый, залитый солнцем путь, ведущий к высоким вратам Гинрю-дзё.

[1] Минка – традиционный японский дом, в узком смысле – крестьянский дом (нока).

[2] Мико – служительница в святилищах, исполняющая роль посредницы между ками (божествами) и людьми; традиционное мико одевались в белое кимоно и ярко-красную юбку-хакама.

Глава 7. Ядовитый цветок

Остров Мидзутори поднялся из моря подобно гранитному кулаку, а его столица напоминала огромную ракушку-прилипалу, намертво въевшуюся в скалу.

Для жителей столицы мир ничуть не изменился. Отдалённые провинции могли выгорать дотла, а деревни захлёбываться в чёрном тумане, но здесь, под защитой сёгуната, жизнь текла всё так же безмятежно. Горожане искренне верили, что Сигами – это лишь сказки для пугливых крестьян или нечто, что никогда не осмелится переступить пороги великого города.

Столица встретила путников звуками, словно списанными с изысканной партитуры: перезвон фарфоровых колокольчиков у входов в лавки, сдержанный дамский смех, мелодичный напев уличного сказителя, аккомпанирующего себе на биве. Улицы, вымощенные светлым песчаником, были чисты и просторны. Горожане останавливались поговорить у искусственных ручьёв, перекинутых арочными мостиками-полумесяцами. Дети играли под присмотром улыбающихся нянь, а не рыскали в поисках корки хлеба. Все разговоры вращались вокруг тонкостей поэзии, красоты новых техник вышивки, изыска украшений на предстоящем празднике благородного солнца – Сёкуё-сайв честь дня рождения дочери сёгуна и расцвета жизни на островах.

По мере приближения к верхним ярусам шум нижнего города стихал. Дорога к замку Гинрю-дзё круто уходила вверх, и чем ближе жрица и лис подходили к резиденции правителя, тем сильнее менялся воздух. Обычный ветер сменялся плотным, тяжёлым давлением: у Рёко заложило уши, а на коже под воротником хакама выступили мурашки.

Она остановилась на секунду, бросив взгляд на высокие стены и массивные воротные башни. В воздухе над стенами Гинрю-дзё висела практически незримая, но плотная пелена – древний купол-кэкай, призванный сжигать любого ёкая, дерзнувшего ступить в обитель Сёгуна.

Рёко резко выдохнула, чувствуя, как в груди затягивается тугой узел тревоги. Она повернулась к Рэну.

– Ты же чувствуешь это? Купол вокруг замка. Как мы собираемся обойти эту защиту?

Рэн окинул взглядом барьер. Он скользнул взглядом по силовым линиям барьера, выражение его лица демонстрировало удивительное спокойствие.

– Мы просто войдём, – он пожал плечами. – Сейчас моя магия спрятана настолько глубоко, что для барьера я больше похожу на человека, нежели на ёкая.

Рёко недоверчиво прищурилась, пытаясь разглядеть за этой насмешливой уверенностью хоть трещину сомнения.

– Учти, если ты ошибаешься, отдуваться будем оба.

– Я не ошибаюсь, – заявил Рэн с дерзкой ухмылкой и легко подтолкнул жрицу в лопатку. – Шагай давай.

Они миновали последний пролёт лестницы и вышли на широкую площадку перед парадными воротами, где дальнейший путь преградил патруль – вышколенная, сытая стража сёгуна в тёмных лакированных доспехах.

– Стоять. Проход к верхним палатам без именных пропусков закрыт. Назовите цель визита, – голос командира патруля был сухим и требовательным.

Рёко сделала шаг вперёд.

– Я – Рёко, жрица храма Хисэй, пришла исполнить свой долг пред лицом сёгуна.

Стражник оглядел её с откровенным высокомерием.

– У нас нет распоряжения о допуске жриц из провинции. Возвращайтесь на торговую площадь.

Рёко поняла, что слова здесь бессильны. Не говоря больше ни слова, она распутала завязки на своей сумке и вытянула наружу плотный шёлковый свёрток. Она опустилась на колени на светлые каменные плиты площадки и аккуратно разгладила ткань.

Чернильный шёлк будто впитал в себя весь дневной свет, став глубоким и бездонным. Серебряная вышивка с гербом правящего дома вспыхнула на солнце – знак священной крови, который знал каждый в этой стране, но который никто не ожидал увидеть в руках скромной мико.

Воздух вырвался из лёгких командира со свистом. Спесь с его лица мгновенно слетела, сменившись растерянностью.

– Откуда... откуда это у тебя?! – его голос потерял ровность, в нём зазвенело смятение. Он вскинул шест-дзё, но не для удара, а чтобы преградить путь. Стража сбилась за ним в плотный строй. – Это герб дома Сёгуна!

Мысль о том, что перед ним стоит законная наследница, даже не забрезжила в его сознании – слишком велик был разрыв между величием шёлка и нищенским видом мико. Для него это было гнусное посягательство на наследие правителя.

– Никому не двигаться! – рявкнул офицер, косясь на свёрток. – Взять их под стражу, доставить хранителям двора для выяснения обстоятельств.

Рёко поднялась с колен, не дожидаясь, пока стражники грубо подхватят её за локти, и высоко подняла подбородок.

– Ведите, – Рёко гордо подняла голову. – Ведите меня к тому, кто сможет взглянуть на эту вещь и увидеть не просто символ, а судьбу владельца.

Солдаты взяли их в плотное кольцо, придерживая оружие наизготовку, как носителей опасной и непонятной тайны.

Перед самыми воротами дворца Рэн на секунду замер, подняв голову. Его плечи чуть напряглись. Он осматривал едва уловимый блеск плёнки, которая могла в мгновение ока испепелить дотла. Рёко задержала дыхание, с ужасом ожидая, что её спутник вспыхнет или рухнет в муках. Однако лишённый магии, с запечатанной сущностью, Рэн абсолютно беспрепятственно прошёл сквозь барьер. Древняя защита замка приняла его за самого обыкновенного смертного. Лис покосился на Рёко и едва заметно, торжествуя ухмыльнулся.

Их провели в закрытый флигель и оставили в зале под охраной. Тяжёлые матовые сёдзи отрезали внешний мир, оставляя приглушенный гул дворца далеко за стенами. Тусклый свет и гнетущая атмосфера невольно напомнили о кошмаре, где жрице по приказу Сёгуна отсекали голову.

Рёко опустилась на татами и оставалась сидеть с прямой спиной, не позволяя себе расслабиться. Её пальцы крепко сжали ткань хакама.

Путь сквозь защитный купол, холодный приём у ворот, молчаливое презрение стражи – каждый шаг казался хождением по тонкому льду. Один неверный шаг – и их мгновенно разоблачат, а весь план по борьбе с Сигами рассыплется прахом.

Рёко бросила короткий взгляд на Рэна. Он вальяжно устроился у противоположной стены, скукаясь разглядывая замысловатую резную балку на потолке, будто пришёл не на допрос, а в чайный домик. Его спокойствие странным образом заземляло её собственный страх.

Наконец сёдзи с сухощавым шорохом сдвинулись. В комнату вошёл молодой чиновник с бесстрастным лицом писца, опустился за низкий стол и тяжело опустил рядом свёрток с кимоно. Он смерил девушку предвзятым взглядом и презрительно хмыкнул.

– Имя?

– Рёко.

– Происхождение?

– Жрица храма Хисэй.

– Откуда эта вещь? – чиновник кивнул на кимоно.

Вопрос повис в воздухе.

– Унаследовала, – выдавила Рёко.

– Унаследовала, – с показным равнодушием произнёс чиновник, делая пометку в свитке.

– От кого же?

В голосе отчётливо звенела насмешка, смешанная с брезгливым недоверием. Он уже вынес ей свой приговор – бродяжка, решившая пожить чужим добром.

Вновь тягостное молчание.

– От матери, – с трудом произнесла Рёко.

– Неужели? – в голосе чиновника прорезались ядовитые, торжествующие нотки. Он был уверен, что сейчас поймает воровку с поличным на несостыковках в наспех выдуманной истории и получит прибавку к жалованию.

– Осмотрите вышивку, – вклинился Рэн из своего угла. – Не только герб, швы на подкладке. Металл нити. Возраст шёлка. Вор бы срезал драгоценные нити или продал бы ткань целиком. Он не стал бы хранить целое кимоно. Это не добыча, а наследие. И Ваше рвение наказать бедную девушку может обернуться стыдом, если тот, кому известна истинная история этой вещи, узнает, как обращались с ней и её носительницей.

Рэн говорил, как хладнокровный аналитик, указывая на профессиональную ошибку. Самоуверенная маска чиновника пустила трещину. На лбу у него выступила испарина.

– Позовите Хитоси-сама. Скажите, нашли кое-что... деликатное, – глухо отдал он приказ замершей у входа страже.

Минуты тянулись бесконечно долго. Рёко всё так же ровно сидела на татами, не смея шевельнуться, и смотрела на мерцающее полотно кимоно. В его холодных складках чудились тихие укоры матери: «Зачем ты принесла меня сюда? Чтобы опозорить?»

В проёме бесшумно показался невысокий, сухопарый старик. Это был Хитоси – хранитель дворовых регалий и архивов, чья память хранила историю каждого знамённого стяга и пожалованного герба. Он не спрашивал ни о чём, молча подошёл к столу и начал изучать одеяние: смотрел под разными углами, всматривался в узлы на изнанке, касался кончиком пальца серебра нити. Лицо его было непроницаемо.

Затем он медленно поднял голову и впервые в упор посмотрел на Рёко. Острый взгляд задержался на разлёте её бровей, форме скул и линии губ. Что-то в этих чертах совпало с образом, хранящимся в глубинах памяти.

– Распоряжение, – повернулся Хитоси к страже. – Немедленно отведите гостей в покои ожидания, подготовьте их к аудиенции.

– Но... – хотел было возразить чиновник, но осёкся, встретившись со строгим взглядом Хитоси.

– Я сам доведу до правителя необходимую информацию, – он взял со стола кимоно, – Благодарю за неослабное внимание.

Под перестук деревянных сандалий стража развела жрицу и лиса по разным комнатам.

Вскоре в помещение вошли две женщины – одна в годах, другая – молодая, с опущенными глазами. Они несли с собой деревянный таз, кувшины с водой, шкатулки и щётки.

– Вам необходимо очиститься, – произнесла старшая.

Рёко позволила подвести себя к тазу. Её не стали раздевать, просто распоролы ножницами дорожное одеяние и сбросили в угол, как ветошь. Действовали быстро и слаженно, не глядя в лицо. Ледяная вода из кувшина заставила вздрогнуть, но девушка не издала ни звука. Они натирали её губками и ароматным мылом из хурмы, смывая грязь и пот. Вода в тазу быстро стала мутно-серой. Они вылили её в ведро и налили новую, уже тёплую, с лепестками хризантем и каплей какого-то масла.

Руки женщин скользили по коже без почтительности или сочувствия. Это была простая механическая обработка. Они смывали с неё страх и стыд, чтобы представить чистый холст.

Потом началось причёсывание. Молодая служанка расстелила на полу белую ткань, куда Рёко велели сесть. Старшая взяла в руки спутанные волосы с вплетённой в них пылью и хвоей и начала расчёсывать костяным гребнем с неумолимой, почти жестокой методичностью. Каждый узел расторгался с хрустом. Рёко чувствовала, как вместе с волосами вырывают что-то из её прошлого – простоту, ту самую «неуклюжую жрицу», маленькую девочку с глупыми мечтами. Когда волосы стали гладкими, подобными чёрной воде в ночном озере, старшая принялась укладывать их. Не в простой пучок, а в сложную низкую причёску, которую носили знатные дамы. Волосы стягивались туго, без единой выбившейся пряди, закалывались шпильками из нефрита и черепахового панциря. Каждый укол шпильки отдавался в висках, будто в череп вбивали новую маску – маску благородства.

Затем принесли кимоно. Его несли не свёрнутым, а расправленным на руках двух новых служанок. Шёлк казался ещё глубже и бездоннее. Серебряные волны переливались живым свечением. Хитоси вернул его вычищенным, отглаженным. Рёко подкосило от одной мысли, что она сейчас соприкоснётся с одеждой матери, влезет в её шкуру.

Сначала на девушку надели нательное кимоно-дзюбан, затем несколько нижних кимоно для объёма, каждое определённого оттенка. Потом само кимоно. Его возложили на плечи – одеяние оказалось невероятно тяжёлым. Служанки ловко завернули Рёко тканью, ловя и фиксируя каждую складку в нужном месте.

Последней деталью стал широкий пояс-оби. Его обернули вокруг талии несколько раз, затягивая так туго, что дыхание перехватывало. Узел за спиной был завязан в форму бабочки тайко – символ официальности, недоступный простолюдинам. Каждый слой, каждый узел был новой стеной, отгораживающий Рёко от неё самой.

Когда всё было завершено и отточено до совершенства, старшая служанка подала небольшое полированное зеркало, и Рёко заглянула в него.

В отражении на неё смотрела незнакомка. Суровая, бледная, с безупречно уложенными волосами и одетая в омут ночи и лунный свет. Глаза девушки напротив были огромными и полны немого ужаса. В них не было ни капли той девочки из храма, жрицы, что вырвалась наружу с Рэном. Это было лицо призрака, ожившей тени. Лицо её матери. Лицо дочери сёгуна, которой Рёко никогда не была.

– Готово, – произнесла старшая служанка, забирая зеркало.

Прислуга отступила на шаг, поклонилась – впервые за весь ритуал, низко и одновременно. Но этот поклон был обращён не к Рёко, а к одеждам, гербу, статусу, который теперь висел на ней тяжёлой печатью.

– Его превосходительство Сёгун примет Вас в Малом зале Белой сосны. Вас сопроводят, – сказала старшая и, не дожидаясь ответа, вышла, оставив Рёко один на один с её новым и чудовищно красивым образом.

Сёдзи раздвинулись, но вместо стражи Рёко увидела Рэна. Его одежду сменили на тёмную церемониальную с едва заметным серебром по вороту. Волосы на фоне ткани казались ослепительно белыми.

При виде него у Рёко внутри отчаянно кольнуло. Среди чужих, бездушных сцен, высокомерных взглядов, Рэн был единственным знакомым лицом. Единственным, в ком она была уверена. Она едва удержалась от того, чтобы броситься к нему, укрыться в его объятиях от надвигающейся тени отца, от собственного отражения, через которое на неё смотрела мать.

Заметив её растерянность, Рэн подошёл ближе и без церемонности коснулся кончиками пальцев её плеча и поправил складку тяжёлого ворота.

– Выдохни, – произнёс он тихо и ровно, без единой нотки тревоги. – Перестань сжиматься. Ты выглядишь так, будто собралась штурмовать эти стены в одиночку, хотя мы всего

лишь идём на скучную аудиенцию к людям, которые тратят половину жизни на поклоны, – он чуть наклонил голову, заглядывая ей в глаза. – И хватит прятаться за этой смирной маской. Ты же не какая-то робкая простушка.

Годами выстраиваемая броня смирения, вбитая матерью заученная покорность вдруг показались тесными. Она медленно выдохнула, чувствуя, как напряжение сменяется звенящим спокойствием.

– Ты прав, – чуть слышно бросила Рёко. Тень сомнения померкла, уступая место уверенности. – Пойдём осчастливим Сёгуна своим визитом.

Зал Белой сосны был мал, обставлен со сдержанной роскошью. На светлых стенах – каллиграфия, изображающая горные пейзажи. Ощущался тонкий аромат дорогих благовоний.

Рёко вошла первой. Рэн последовал за ней, сохраняя дистанцию в два шага, как подобает сопровождающему. В центре зала, перед позолоченными ширмами с вышитыми журавлями, сидели двое: Сёгун Кацуёси и его дочь, принцесса Айко.

Кацуёси был человеком лет пятидесяти. Его лицо, когда-то, должно быть, могучее, теперь было иссечено глубокими, жёсткими бороздами ответственности и усталости. Седина пробивалась в чёрных, тщательно уложенных волосах. Он сидел неподвижно, как сама гора, облачённый в простое, но идеально исполненное тёмно-синее кимоно. Больше всего поражали глаза – тёмные, пронизательные и пустые, как глубокий колодец. В них не было ни тепла, ни ожидания, лишь оценка.

Принцесса Айко приковывала к себе взгляды всех, кто находился в зале: юная и примерная. Безукоризненно гладкая, не выжженная солнцем кожа казалась фарфоровой на фоне кимоно невероятной сложности и стоимости – слои шёлка цвета утреннего неба, расшитые золотистыми бабочками. Она была подобна цветку камелии, её красота заставляла замирать в почтительном восхищении. Лицо с тонкими чертами было обрамлено чёрной рамой волос. Айко была выращена в теплице власти и крови.

Рёко шла, соблюдая все формальности, но её осанка выдавала не смиренную дочь, а жрицу, посланницу с гор.

Сёгун поднял на неё глаза и что-то в его лице дрогнуло. Взгляд скользнул по знакомым тканям и поднялся к лицу – к чувственному изгибу губ, высоким скулам, глазам... Он не увидел Рёко. Он увидел Аканэ – девушку из древнего и знатного рода из далёких земель, своеправную и изящную. Ту самую Аканэ, чьё кимоно теперь носила её дочь. В глазах Кацуёси вспыхнула обожжённая болью ясность, будто перед ним возникло приведение, чтобы укорить за поступки прошлого. Его Аканэ, некогда любимой, больше нет.

Этот миг прошёл, и лицо сёгуна вновь стало маской, а в голосе зазвенела тонкая, наточенная как лезвие насмешка:

– Так значит, жрица Рёко. Хранительница горного храма. Я ожидал увидеть мико в простых одеждах. А что же вижу? – он сделал театральную паузу. – Блёклую тень своей матери, наряженную в шёлк и герб. Ты пришла не как жрица, а как напоминание. Это смехотворно, поскольку твоя мать всегда имела честь и гордость и никогда бы не заявила обратно во дворец.

Каждое слово било точно в цель, в самое сердце. Рёко чувствовала, как под тяжёлыми одеяниями пробегает жгучая волна злости.

– Герб не выбирают, господин. Его наследуют, – Рёко сделала низкий, церемониальный поклон, рассчитывая глубину и длительность, и полоснула взглядом мужчину напротив. – Впрочем, как и долг. И я здесь, чтобы выполнить свой – очистить земли от Сигами. А одеяние – это ключ, который открыл Ваши ворота, не более того.

Кацуёси усмехнулся.

– Прагматичный ответ. Хотя бы здесь видно влияние Аканэ.

– Я пришла сюда, чтобы предложить решение нашей общей проблемы, – настойчиво продолжала Рёко. – У меня есть знания, с помощью которых можно уничтожить Сигами, однако они бесполезны без наследницы Вашей крови – принцессы Айко.

Девушки встретились взглядами, и Айко тут же перевела внимание на что-то другое, чтобы не выглядеть слишком заинтересованной. Рёко очень не хотелось заискивать, но это был самый надёжный способ переманить принцессу на свою сторону.

– Я готова обучить её священному танцу, чтобы как когда-то принцесса Момоко она могла спасти острова от гибели. Под стать дочери Великого правителя.

– Я готова, – неожиданно уверенно произнесла Айко.

– Айко, – отдёргнул девушку Кацуёси, но та была непреклонна.

– Моя кровь обязывает, – смиренно произнесла она с присущим величием. Слова «моя кровь» прозвучали как напоминание об её статусе. И о статусе Рёко. – Я была рождена, чтобы сохранить твои земли, отец.

Кацуёси был прежде всего правителем: он знал, что Сигами подбирается к столице, и понимал, что если скверна поглотит земли, его власти придёт конец. И наоборот – если его династия публично уничтожит древнее зло, политическое влияние станет незыблемым.

Месяцами лучшие храмовые жрицы пытались обучить Айко священному танцу Кагура, но все их усилия были тщетны: о ритуале они знали лишь по рассказам или по записям в свитках и пытались воспроизвести танец по крупным фрагментам информации. У них не было древней сакральной сути, ритуал не оживал. Кацуёси начинал терять терпение, осознавая, что драгоценное время утекает сквозь пальцы. Но судьба сама вложила в его руки недостающий козырь, и он не намеревался его упускать.

– Хорошо, жрица. Если у тебя есть ключ к священным знаниям, я дам тебе шанс это доказать. Ты обучишь Айко каждому движению ритуала. Без ошибок и промедлений. Но помни, если твои «наследственные знания» окажутся пустышкой, шёлк матери тебя не спасёт.

– Как пожелаете, – ответила Рёко, поклонившись. – Обучение предполагает полную отдачу и физические усилия. Танец не только красив, он требует силы духа и тела.

Айко не слушала разглагольствования Рёко. Её взгляд скользил по залу, пока не нашёл Рэна и задержался на нём дольше, чем следовало. Принцесса стала похожа на кошку, которая учуяла добычу. За привычкой получать всё по первому требованию скрывался куда более хищный интерес. В её поместье, где каждое движение придворных было выверено до миллиметра, Рэн выглядел чужеродно, опасно и невероятно притягательно. В нём чувствовалась дикая, не поддающаяся дворцовым законам порода, та самая искра, от которой у избалованной вниманием наследницы моментально загорелось воображение.

– Кто этот человек? – перебила она Рёко, не отводя взгляда от Рэна, в голосе её прозвучали властные нотки.

– Мой спутник – Рэн, – быстро и коротко ответила жрица.

– Он будет присутствовать на репетициях?

– Он тонко чувствует магию и потоки энергии. Его помощь в тренировках неизмерима.

Рэн склонился в идеальном поклоне, его ресницы приподнялись достаточно, чтобы встретить взгляд Айко. В этом движении не было раболепия, страха перед титулом – лишь та самая уверенность духа, который привык смотреть на смертных правителей как на временных жильцов. Но для Айко этот взгляд выглядел как вызов.

– Если прикажете, химэ-сама, я буду направлять Вас.

– Приказываю, – сдержанно произнесла принцесса, но лицо заметно расцвело румянцем.

Внутри неё всё затрепетало. Ей хотелось сорвать с него напускную вежливость, заставить смотреть на неё не как на капризную принцессу, а как на равную.

– А ты, жрица, – её взгляд снова стал скупающим, возвращаясь к Рёко, – начнёшь учить меня завтра. Я не люблю скучать без дела.

Договорившись о графике занятий, Сёгун и принцесса вышли. Служанки молча поклонились и закрыли за собой тяжёлые раздвижные двери. Едва шаги стражников затихли в коридоре, Рёко опустилась на татами. Тугой пояс кимоно давил на рёбра, не позволяя вдохнуть полной грудью.

– Всё прошло гладко. Ты даже не накинулась на принцессу в приступе ярости. Так держать.

– Замолчи, – простонала Рёков потолок, закрыв лицо рукавом. – Я до сих пор не могу поверить... – Рёко попыталась одёрнуть удушливые слои кимоно, но всё было безуспешно – служанки туго замуровали её в слои ткани. – Это было слишком просто, тебе не кажется? Я шла сюда с готовностью, что нас бросят в темницу за смуту и казнят. А Сёгун просто взял и отдал в моё распоряжение принцессу. Это похоже на ловушку.

Лис оперся спиной о косяк, глядя на неё сверху вниз.

– О, разумеется, это ловушка. Сёгун – лис попородистее многих моих сородичей.

Рэн наклонился чуть ближе, понизив голос до заговорщицкого шёпота:

– Обычные жрицы провалили его замысел. А тут появляешься ты – «ключ» к древнему ритуалу. Кацуёси не дурак, он понимает: если ритуал исполнит Айко, вся слава победы над Сигами достанется его династии.

– Значит, пока я нужна для обучения Айко, мы в безопасности? – Рёко подняла на него взгляд.

– Будем надеяться, что жажда власти перевешивает паранойю.

Рёко поджала губы кивнула.

– Меня беспокоит другое, – жёстко произнесла Рёко, подавшись вперёд. – Намерения Айко на тебя. Эта девчонка привыкла брать всё, что ей понравится.

– Ревнуешь? – губы Рэна изогнулись в самодовольной ухмылке.

– Я не шучу, Рэн, – Рёко резко выдохнула, чувствуя, как злость на собственное бессилие смешивается с глухим раздражением. – Если принцесса решит претендовать на твою свободу, на тебя быстренько наденут ошейник, и ты станешь ручным лисом.

Лис присел перед ней на корточки, оказавшись ровно на одном уровне с её глазами.

– Пусть попробует, – веско произнёс он. – Эта капризная девица меня не пугает, я здесь не для того, чтобы ублажать её. Пусть думает, что может владеть мной, если это хоть сколько-то поможет в продвижении к нашей цели.

– Ладно, – Рёко поднялась и расправила складки на кимоно. – Необходимо растянуть время до прихода Сёити. Если принцесса жаждет быть спасительницей, пусть думает, что всё зависит только от её грации, – жрица строго посмотрела на лиса. – Смотри, чтобы она не посадила тебя на цепь и не оставила при дворце.

– Ненавижу цепи, – шутливо скривился Рэн.

Рёко отчётливо чувствовала, как стены Гинрю-дзё, прекрасные и бездушные, медленно, неотвратимо сжимаются вокруг неё, а в ушах продолжал звенеть голос Айко: «Моя кровь обязывает».

Глава 8. Сладкая бобовая паста

Аканэ никогда не любила свою дочь. Она казалась чужеродной, будто вовсе не выходила из материнского чрева в адской агонии.

«Больше держи её на руках», – говорили жрицы, желая помочь наладить связь между матерью и ребёнком. Но Аканэ даже не могла смотреть на дитя, результат её любви к Сёгуну. Всё из-за того, что у дочери не проявилась метка – знак особой крови в виде четырёхконечной звезды на солнечном сплетении.

Девочка родилась без дара, и её вместе с матерью сослали в храм на окраине Мидзутори по соседству с лесом, где пролегала грань между миром людей и ёкаев. Аканэ казалось, что худшей участи ей и не могло быть уготовано: некогда любимица сёгуна, «грозовая лилия», брошена на край мира с ненавистным ребёнком, вынужденная служить ками. Она всю жизнь бежала из храма, но по воле случая снова вернулась туда.

Спустя время её начала одолевать странная болезнь. Сначала Аканэ сильно потеряла в весе, появилась слабость: она больше не могла выполнять все обязанности жрицы, и ей поручили готовить о-мамори [1] и раздавать о-фуда [2] посетителям – на большее сил не хватало. Вскоре и эта работа оказалась для неё непосильной.

Она ненавидела богиню Мирумэ за жестокость и несправедливость. Она ненавидела Сёгуна за то, что он не нуждался в её преданности и сослал сюда, подальше от светской жизни. Она ненавидела всех служителей и постояльцев храма, что смотрели на неё с нескрываемой жалостью. Но больше всех она ненавидела Рёко: за утерянное достоинство, разбитое сердце и болезнь. За то, что Рёко заботилась о ней каждый день, мыла, кормила, убирала нечистоты. За то, что она не бросала её.

От былой красоты Аканэ ничего не осталось. Кожа посерела, волосы потеряли блеск и шелковистость, поредели, глаза потухли. В них больше не было вызова, дерзости, лишь усталость и страх. Она стремительно увядала, и уже не могла залезть в ванну даже с чужой помощью – её прожигала невыносима боль.

Рёко омывала Аканэ, усадив на стул. Голова безвольно свисла вниз, чёрные волосы прилипли к впалым щекам и лбу, по спине и плечам стекали тёплые струйки воды.

– Я скоро умру. Я чувствую. Это всё скоро закончится, – бормотала себе под нос женщина.

Рёко ничего не ответила.

От фитилька, плавающим в масле камелии, исходил тёплый, слегка подрагивающий свет пламени. Пахло лепестками сакуры, которые Рёко добавила к золе, чтобы перекрыть запах рвоты.

– Чего молчишь?

– Ты знаешь, что тут нельзя говорить, – безразлично произнесла девушка, делая вид, что сосредоточена на вымывании остатков ужина из волос матери – желудок совсем ничего в себе не задерживал.

Аканэ была права. Она скоро покинет этот мир. Все крайне снисходительно относились к её нахождению в храме, где не терпели «грязь» – болезни и смерть. Возможно, повлияло происхождение из знатного рода, возможно, связь с Сёгуном.

– Ты же будешь рада моей смерти. Даже не поехидничаешь? – сквозь боль произнесла Аканэ, начав заваливаться на бок, но Рёко выровняла её в прежнее положение. – Не придётся со мной возиться. Да и не любили мы друг друга никогда.

– Да. Скорее всего я продолжу жить, как и жила до этого. Стану хорошей жрицей. Но я не...

– Жрицей? – едко хмыкнула Аканэ. – Тебе не хватает спокойствия и сосредоточенности. Для жрицы у тебя слишком скверный характер, – на голову тут же обрушилась вода, которая вновь подкосила обессиленное тело.

Рёко бросила ведро к ногам женщины.

– О чём я и говорю. Ни сдержанности, ни таланта.

– Мне кажется, я мнения умирающей не спрашивала.

– Верно, – ухмыльнулась Аканэ и подняла голову, взглянув в лицо дочери. – Но всё же умирающая хочет дать тебе совет. Уходи отсюда. Может, благодаря какому-то чуду, ты и станешь хорошей жрицей, но просидишь тут всю жизнь. Ради чего?

– Неужто решила побеспокоиться обо мне напоследок? – Рёко взяла в руки полотенце. – Ладно, давай вытрем тебя. Скоро рассвет, ещё удастся поспать.

Аканэ печально улыбнулась. Той же ночью она умерла.

Рёко сидела за низким столиком и допивала остывающий зелёный чай. Завтрак не лез в горло: пропаренный рис, мисо-суп с тофу и пара ломтиков маринованного дайкона в изящных керамических чашах не пробуждали аппетит.

Напротив неё, совершенно не обращая внимания на дворцовый этикет, сидел Рэн. Он поддевал палочками кусочки маринованного корня из пиалы Рёко.

– Лицо проще сделай, жрица. Мы ещё даже не начали.

– Придётся тебе довольствоваться моей кислой физиономией, – глухо отозвалась Рёко и опустила чашку на стол.

Голос звучал ровно, но внутри всё клокотало. Прошлой ночью ей казалось, что стены комнаты смыкаются. Во сне она снова видела мать. Аканэ оказалась права: Рёко не стала хорошей жрицей, а храм, которому она служила, вовсе пришёл в запустение. Она потеряла себя, когда лишилась всего, что было дорого, и осталась наедине с собой. Именно тогда в голове появился навязчивый голос, который без устали твердил, что она не справилась, что она ни на что негодна.

Рёко была уже полностью собрана: строгое серо-голубое кимоно, практичные хакама для движений и тугой, собранный на затылке узел из волос. Привычная собранность помогала заглушить внутреннюю дрожь. Она сжала пальцы под столом так сильно, что ногти больно впились в ладонь: «Если я и дальше продолжу зажиматься, меня просто сожрут».

Рэн заметил перемену в её взгляде.

– Выброси эти мысли из головы, – как будто невзначай бросил он и продолжил подворовывать еду. – Ты здесь не для того, чтобы заслуживать чьё-то одобрение. Просто делай то, что умеешь. И слушай меня, – Рэн закинул в рот комочек риса и опустошил пиалу с чаем.

– Легко говорить, – девушка опустила взгляд в свою чашу.

За дверью послышались торопливые, лёгкие шаги. Сёдзи раздвинулись, и в проёме показалась служанка Айко.

– Сегодня занятия будут проходить в Западном саду у павильона Магнолии. Пожалуйста, следуйте за мной.

С каждым днём становилось теплее – на острове наконец-то расцветала весна. Рёко и Рэн переступили порог, ведущий в сад, и остановились у края площадки для занятий. С дальней аллеи доносился шелест шёлка по гравию.

Айко плыла по веранде в окружении служанок подобно лебедю. Кимоно сегодня было цвета персикового весеннего неба с вышивкой из хризантем. В волосах, уложенных в сложную композицию, играл свет. Лицо выражало скуку, будто она прибыла не на урок, а на приватное представление, которое её заранее разочаровало.

– О, вы уже здесь! – воскликнула принцесса, и её звонкий голосок разрезал умиротворяющую тишину утреннего сада. Глаза засверкали, как только заметили Рэна. – Ну что, начнём?

Рёко совершила предписанный церемониальный поклон учителя к ученице.

– Всё как раз готово к урокам, – Рёко отвела руку в сторону, указывая на площадку.

– На земле? – Айко едва заметно скривила нос. – Песок же испортит подол.

– Движения танца требуют устойчивой связи с землёй, – невозмутимо пояснила Рёко. – Можем начать с теории и наблюдений, если Вам так будет угодно.

Это был первый крошечный вызов. Айко замерла, оценивая, не является ли этом скрытым упрёком её изнеженности, а потом неожиданно рассмеялась.

– Нет, нет! Я готова на всё. Помогите мне, – кивнула она служанкам.

Девушки подоткнули длинные рукава шнурами, чтобы они не мешали, и проводили её в центр площадки. Айко ступала по земле с преувеличенной осторожностью.

– Итак, с чего начнём? Покажи мне что-нибудь красивое, – скомандовала принцесса.

Рёко почувствовала, как внутри неё что-то закипает. «Красивое». Не «правильное», не «священное», а «красивое».

– Ритуальный танец – это не набор красивых поз. Это язык, на котором разговаривают с природой, божествами. Пожалуй, мы начнём с дыхания и положения стоп. Каждое движение рождается отсюда, – Рёко прижала ладонь к центру живота, выше пупка, и Айко повторила этот жест. – Вы должны дышать этим местом, расклеивая рёбра. Ровно, не сбивая такта.

Айко попробовала, но быстро надула губы.

– Какая же скуотища. Слишком просто.

– Это основа всего танца, – послышался голос Рэна из тени. – Попробуйте найти центр тяжести, Ваше высочество. Это точка, где в человеке сходятся небо и земля. Оттуда идёт устойчивость и сила для жеста.

Принцесса обернулась к нему и зажглась интересом. Его она слушала явно внимательнее и охотнее.

– А теперь, если учитель позволит, попробуйте перенести вес с ноги на ногу, при этом не забывая правильно дышать. Двигайтесь очень медленно, словно Вы – вода, переливающаяся из одного сосуда в другой.

Рэн вмешался и сделал это мастерски. Отвлёк принцессу от каприза, превратил упражнение в поэтическую метафору и мягко вернул бразды обучения Рёко.

– Да, начнём с этого, – подхватила жрица. – Следите за дыханием. Вдох – вес на правой ноге. Выдох – плавный перенос на левую.

Айко увлеклась идеей стать «водой». Постепенно стали выучиваться развороты и поклоны. Её движения отличались грацией, но были абсолютно лишены глубины.

– Нет, – неожиданно прервала Рёко и подошла ближе, нарушив дистанцию. – Вы переносите только тело, а центр остаётся на месте, он должен двигать первым, задавая всю цепочку движений.

Рёко сделала движение рядом с ней. В её повороте чувствовалась сила корней, медленно разворачивающихся в земле. Разница была разительной.

Айко раздражённо вздохнула, но интерес к игре ещё не угас.

– Это сложно. И не очень изящно.

– Сила редко бывает изящной с первого взгляда, химэ-сама, – подчеркнул Рэн. – Но именно она позволяет воде точить камни, быть разрушительной и созидающей одновременно. Вы ведь хотите научиться управлять потоком этой силы?

Он поймал тщеславие Айко за хвост.

– Хорошо. Покажи ещё раз, как этот центр двигается.

После этого урок пошёл лучше. Два учителя, один – строгий и бескомпромиссный, другой – отстранённо-поэтический, умело лстящий вели ученицу по азам танца. Рёко показывала механику, Рэн облакал её в образы. Айко же приходилось метаться между попытками повторить жест Рёко и желанием обсудить с Рэном природу ветра.

Когда солнце поднялось выше, Айко, слегка запыхавшаяся, махнула рукой.

– Довольно! Я устала. Солнце слишком яркое! Я могу потускнеть.

Рёко, чьё тело даже не вспотело, остановилась.

– Хорошо, продолжим завтра.

Айко вздохнула и позволила служанкам распустить шнуры на рукавах, а затем повернулась к Рэну.

– А ты завтра будешь? Мне более понятны твои разъяснения о том, как двигаться.

Рэн учтиво поклонился.

– Если на то будет Ваша воля и воля учителя.

– Будет, – просто заявила Айко и удалилась со своей свитой.

Когда звук шагов стих, Рёко позволила усталости и раздражению отразиться на своём лице.

– Вода, – пробормотала она. – Она хочет двигаться как вода!

– Зато она хочет двигаться, – подметил Рэн и подошёл ближе, чем за весь урок. – Она прислушивается ко мне, и это будет нашим рычагом. Ты держишь твёрдую линию, а я буду работать с её поэтической стороной.

Он был прав. Им предстояла сложная работа, которую необходимо выполнять сообща: научить капризный цветок гнуться и не ломаться в надвигающейся буре.

Тренировки давались тяжело всем. Рёко пыталась научить принцессу скользящим шагам, отработать с ней положения рук в виде черпания воды и рассеивания тумана. Она была непреклонна в мелочах: угол сгиба колена, высота подъёма руки, точка фиксации взгляда. Её похвалой было молчаливое кивание, а неодобрением – повторение всё с самого начала. Айко долго сопротивлялась, ей не хватало концентрации. Спасало лишь мягкое напоминание о том, что она обязалась исполнить свой долг, и присутствие Рэна. Её тело, красивое и гибкое от рождения, начало понемногу запоминать правильные формы. Рэну же приходилось находиться меж дух огней, сглаживать углы, превращать упражнения в игру и включать мастерство обольщения. Его метафоры завораживали Айко, и ради возможности их обсудить, она терпела придирчивость Рёко.

В середине утренней тренировки, когда Айко с неожиданной для себя сосредоточенностью пыталась повторить сложную связку движений рук, ритм был грубо разорван.

Сначала донёсся далёкий, постепенно нарастающий дворцовый гул: голоса десятков слуг, скрип телег, звон утвари. Потом в сад ворвалась процессия, которую возглавляла старшая служанка Айко.

– Госпожа, всё остановлено! – возместила она, пав ниц. – Приготовления к Сёкуё-сай требуют Вашего немедленного присутствия! Портные ждут для последней примерки. Ювелиры – для утверждения украшений. Наставник по этикету – для репетиции церемониальных поклонов.

Сёкуё-сай – день рождения принцессы. Не просто дата, а государственное событие, ради которого дворец и город начали готовиться за месяцы.

Айко замерла в полусогнутой позе, лицо засияло безудержным восторгом. Всё напряжение и усталость испарились.

– Скорее хочу увидеть своё кимоно. Его ткали целый год! – воскликнула она, уже срывая с запястья ленты, которыми подвязывала рукава для удобства. – Продолжим тренировки после праздника!

Она уже не была ученицей. Она снова стала центром Вселенной. Даже взгляд, скользнувший по Рэну, стал другим – не с любопытством, а с предвкушением показать себя во всей красе, важной персоной.

Тренировочный павильон опустел за минуты. На песке лежали забытые ленты. Рэн поднял их и покрутил в пальцах.

– Ну что ж, – произнёс он с усмешкой. – Наша принцесса вспомнила, что является главным украшением на празднике жизни. И, кажется, ей эта роль куда больше по душе.

Рёко молча смотрела на борозды от ног на песке. Все их старания, весь прорыв к пониманию – всё было сметено одним напоминанием об истинном статусе Айко. Дисциплина танца не могла соперничать с диктатом света.

– Продолжим после праздника, – с горечью повторила Рёко слова принцессы.

Дворец преобразился за ночь. Всюду стайками плавали бумажные карпы кои. Согласно легенде, рыбы пытались проплыть против сильнейшего течения до драконьих врат, но преодолеть поток удалось лишь карпу, который после этого переродился в могущественного дракона. Эти украшения символизировали упорство и стойкость, которых так желали принцессе для исполнения её священного «долга».

Повсюду в галереях и на резных перилах галерей трепетали длинные бумажные ленты, исписанные тонкими иероглифами с пожеланиями долголетия, процветания и неблекнущей красоты.

Пространство двора утопало в живых цветах. В массивных кадках и фарфоровых чашах возвышались композиции из белоснежных соцветий магнолий, символизирующие чистоту и благородство высокого происхождения.

В главном зале, куда не пустили ни Рёко, ни Рэна, прошла официальная церемония, строгость которой растворилась к вечеру во внутреннем саду, где началась камерная часть праздника для избранных.

Дорожки и ветви деревьев украсили фонарики из белого шёлка и резной слоновой кости. Их мягкое, пульсирующее сияние смешивалось с отражением полной луны в чёрной глади пруда. Свет был приглушённым, выхватывал из темноты лишь живописные фрагменты: край расшитого золотом рукава, грань хрустальной чаши с сакэ, мимолётную улыбку на склонившемся лице. Над садом плыла негромкая музыка – переливы струнного кото.

Собралось не более тридцати человек – самые доверенные вассалы сёгуна, влиятельные столичные аристократы с безупречной родословной и приближенные лица при дворце. Все были одеты с подчёркнутой элегантностью, беседы велись тихо, со знанием дела, царила атмосфера взаимного признания и доверительной близости к центру власти.

Вся эта обстановка служила лишь роскошным обрамлением для виновницы торжества. Айко восседала в центре открытого павильона, возвышаясь над гостями, как произведение искусства. На ней было парадное многослойное кимоно нежно-голубого оттенка, по тяжёлому шёлку которого летели серебряные журавли – птицы долголетия и удачи. Волосы были собраны в высокую сложную причёску. Конструкцию украшали бутоны белых орхидей и инкрустация из перламутра, венчая её голову естественной короной.

Айко не просто присутствовала на празднике – она позировала. Каждое её движение, плавный поворот головы, жест руки были выверены до миллиметра. Она прекрасно знала, что прямо сейчас десятки глаз изучают её образ, чтобы завтра разобрать его по косточкам во всех уголках столицы. В этот вечер принцесса казалась живой иконой, юным и недоступным божеством. Даже принимая подношения и выслушивая самые лестные поздравления, Айко сохраняла отстранённость – прекрасная и недостижимая.

Рёко наблюдала за празднеством с галереи для прислуги. В голове роились мириады мыслей, которые не давали покоя со дня прибытия в Гинрю-дзё.

– Оно село на Вас даже точнее, чем я ожидал.

Рёко обернулась и увидела Хитоси – хранителя знаний. Он держал руки за спиной, а глаза смотрели не на праздник, не на принцессу, а на неё.

– Благодарю, что Вы поверили мне и вернули кимоно матери, Хитоси-сама, – девушка утонула в поклоне. – Я Вам обязана.

– Удивительно. Вы с ней словно отражения друг друга. Но до чего же у вас разная суть.

– Вы о моей матери?

– О ней, – Хитоси чуть прищурился, погружаясь в воспоминания. – Аканэ боготворила этот замок. Ей нравился блеск, светские беседы и, конечно же, власть. И когда Сёгун отослал её в Хисэй... Это сломало её.

Старик сделал шаг к краю галереи, глядя на яркие фонари верхнего сада.

– Почему Вы велели облачить меня именно в то кимоно?

– Девушка в храмовом одеянии – это просительница. Или слуга. К ней относятся соответственно, – задумчиво говорил Хитоси. – Девушка в гербовом шёлке – загадка. Возможно, угроза. Это заставляет думать. А там, где начинается мысль, появляется пространство для манёвра.

Старик сорвал цветок магнолии и с особой нежностью расправил плотные, галадкие лепестки.

– К тому же мне самому было интересно увидеть реакцию Уважаемого Кацуёси-сама на призрак прошлого, явившийся во плоти. Если бы он приказал вас казнить – это был бы один ответ. Если бы проигнорировал и выгнал из своих владений – другой. Он увидел бы случайную девочку. Но он узнал. И это дало третий ответ, самый сложный.

– Какой? – Рёко поравнялась с Хитоси.

– Что призрак ещё имеет над ним власть. Что в Вас есть нечто, что заставляет даже холодный разум стратега на миг дрогнуть, – Хитоси слегка наклонил голову. – Я дал Вам выбор. Вы можете быть жрицей, которую можно отправить обратно в горы. Или носительницей крови правителя, пусть и без магии но с которой придётся считаться при всём желании избавиться. Первую можно сослать и забыть. Вторую – уже нет. Я дал Вам инструмент, а пользоваться им или нет – решать Вам.

– Почему? – вырвалось у Рёко. – Зачем Вам это?

– Потому что этот дворец, как старое дерево, с течением времени начинает гнить изнутри. Ему нужны новые соки или сильный ветер, чтобы сломать прогнившую часть. Вы можете оказаться и тем, и другим. А я – всего лишь садовник, который поливает корни и иногда подрезает сучья, – Хитоси повернулся к девушке и вставил в её причёску цветок магнолии. – Ваше время ещё придёт. Теперь извините. Мне нужно вернуться к свиткам. Праздники приходят и уходят, а архивы – вечны.

Рёко осталась одна. Вопросы, не дающие ей покоя, стали находить ответы, но легче от этого не становилось.

– Зрелище, достойное увековечивания в свитках, – Рэн материализовался рядом, словно возник из самой темноты. – Чувствуешь, как от этой красоты чешется под лопаткой?

Рёко не ответила. Она чувствовала не зуд, а удушье. Всё здесь напоминало о положении отвергнутой, нежеланной дочери.

– Ты какая-то особо задумчивая сегодня, – растягивая слова, произнёс Рэн. – Знаешь, пока все слуги и стража была занята ублажением знати, я времени зря не терял. Нашёл кое-что занятное, – Рёко медленно повернула к нему голову. – Внизу есть служебный коридор, и он ведёт к заброшенным кладовым у восточных стен, откуда рукой подать до нижнего города.

– Ты предлагаешь сбежать? – Рёко скептически вскинула бровь. – Прямо посреди праздника дочери сёгуна.

– Я предлагаю проветриться, – поправил Рэн. – На улице сейчас, наверное, пахнет жареными каштанами, жжёным сахаром и свободой. Всего на час. Мы исчезнем и вернёмся, пока все любовятся главным украшением вечера.

Сердце Рёко сделало резкий, болезненный толчок. Мысль выскользнуть из этой клетки манила с непреодолимой силой.

– Хорошо. Веди.

Побег был делом мгновения. Незаметные шаги вглубь террасы, за тяжёлую драпировку, и уже открывались коридоры дворца. Рэн отодвинул едва заметную дверь, и они скользнули внутрь, отсекая свет и музыку. Подземелья встретили абсолютной темнотой. Ёкай вёл уверенно. Его пальцы слегка коснулись запястья, чтобы направить в нужную сторону.

Они шли будто два призрака, нарушавшие покой вековых камней. Рёко ощущала странный восторг от неизвестности, нарушения правил. И вот, после лабиринта коридоров они вышли наружу, в узкий переулочек у задней стены дворцового комплекса.

Вечер в столице был полной противоположностью традиционному торжеству. Если Сёкуё-сай в обители Сёгуна был отточенным спектаклем для принцессы, то городской праздник был его диким и шумным отражением в кривом зеркале.

Нижний город тоже преобразился. Узкие улицы были залиты подрагивающим светом тысяч бумажных фонариков. Они окрашивали всё вокруг в тёплые оттенки охры, абрикоса и киновари. Множество различных киосков возникло по краям улицы: одни с гречневой собой и окороками, другие с сахарными леденцами, последние с пьянящим дух дешёвым, сладким саке.

Они спустились с горы, и их сразу втянуло в поток. Рёко шла, широко открыв глаза. Она смотрела на торговцев у лавок, пытающихся справиться с потоком покупателей, на детей, что играли с воздушными змеями, на пьяного самурая, который завёл песню о любви. Это был мир без церемоний. Мир, который нужно спасать. И видя его таким шумным, неидеальным, настоящим, миссия в голове Рёко обрела конкретность.

Рэн купил две лепёшки со сладкой бобовой пастой. Они ели стоя, прислонившись к стене чьего-то дома. Лепёшка была простой, тёплой и невероятно вкусной.

– Ну как? – спросил лис, вытирая пальцы. – Стоило рискнуть?

Рёко смотрела на огни в окнах, пятна жизни в ночи. В груди, сдавленном поясом, что-то растаяло.

– Стоило, – тихо ответила она и улыбнулась.

Они вернулись в сад так же незаметно, как исчезли. Музыка ещё играла, гости праздновали, Айко сияла в павильоне. Казалось, ничего не изменилось. Но Рёко уже была другой. Пыль подземелий на подоле кимоно, сладкий привкус бобовой пасты на губах были напоминанием о том, что если танец не сработает, больше не будет ни лепёшек, ни детского смеха, ни пьяного самурая. Останется только тишина и Сигами, уничтожающее всё на своём пути.

[1] О-мамори – японский амулет или оберег для привлечения удачи и защиты.

[2] О-фуда – священный талисман-табличка, предназначенный для защиты дома или помещения.

Глава 9. Тень под алыми воротами

Багровый диск солнца ещё не успел подняться над крышами Гинрю-дзё, а главные ворота уже гудели от напряжения, воздух казался наэлектризованным.

Над всем дворцовым комплексом раскинулась магическая пелена – защитный барьер, воздвигнутый по приказу третьего сёгуна, который питал особую ненависть к обитателям Скрытых земель. Прошли века, но барьер оставался незыблемым стражем и напоминанием: «Чужим вход воспрещён».

Сёгун Кацуёси унаследовал от предка ту же параноидальную подозрительность. Он не доверял ёкаям. Ни одному из них.

Он стоял на смотровой площадке одной из башен, откуда открывался вид на главные ворота. Подле него был Хитоси, чьё лицо на первый взгляд не выражало ничего, кроме обычной старческой отрешённости.

Ну уровень ниже, у края площадки, стояла Рёко. Её пальцы до побелевших костяшек сжимали перила, а дыхание было тяжёлым и сбитым – она прибежала сюда прямо из покоев, едва слышав тревожный звон сигнального колокола, извещающего о приближении гостя. Мысли путались, сердце колотилось где-то в горле.

Сёити прибывал сегодня.

Известие доставил крупный ворон за три дня до назначенной даты, чтобы внезапное появление не было расценено как вторжение. Но только сейчас, глядя на дорогу, ведущую к воротам, Рёко в полной мере осознала весь масштаб предстоящего события. Предводитель тэнгу добровольно входил в пасть дракона ради сохранения хрупкого мира и общей миссии.

Внизу у массивных ворот уже успела собраться небольшая толпа: усиленная стража, праздные придворные, рискнувшие покинуть безопасные комнаты ради редкого зрелища.

– Он идёт один, – зрение Хитоси оставалось, на удивление, острым. – Без сопровождения.

– Или его свита просто невидима, – задумчиво протянул Сёгун, рассеянно поглаживая подбородок. – Если этот тэнгу посмел нарушить многовековые соглашения и явиться прямо к моим воротам, у него должно быть колоссальное количество силы, чтобы противостоять нашей армии и оружию. Либо он просто безумец, потерявший рассудок.

Одинокий силуэт приблизился к дворцу ровно в тот момент, когда первые лучи солнца коснулись вершешек башен. Сёити ехал шагом верхом на вороном коне без доспехов и оружия.

Добравшись до ворот, конь остановился. Тэнгу легко спешился и сделал широкий шаг вперёд. В тот же миг невидимый барьер ожил, вспыхнув лиловым светом. Стража инстинктивно вскинула копья, хотя командир не отдавал приказа – никто из них доселе не встречал ёкаев лицом к лицу, поэтому ими руководил животный страх.

– Ваши предки не зря потратили силы, раз барьер простоял столько веков. Достоинство уважения, – произнёс Сёити достаточно громко, чтобы слышали все.

– Посмотрим, как ты запоешь через минуту, крылатая тварь, – едва слышно прошипел Кацуёси на башне.

Рёко инстинктивно подалась вперёд, но на плечо легла тяжёлая ладонь.

– Не суетись. Он справится, – раздался над ухом голос Рэна. Прикосновение духа ударило током, мгновенно выбив желание вмешиваться.

Сёити тем временем не собирался ломать защиту грубой силой. Он спокойно стоял перед мерцающей стеной, задрал голову кверху, туда, где на смотровой площадке прятался правитель.

– Кацуёси-сама! – голос, усиленный ветром, разнёсся над всей площадью. – Я пришёл поговорить о деле, которое касается нас всех. Если Ваш барьер намерен держать меня снаружи,

я готов вести переговоры прямо отсюда. Либо мы можем провести цивилизованные переговоры в лучших традициях людей. Выбор за Вами.

Стража замерла, не зная, что делать. Придворные обеспокоенно переглядывались.

Наверху Хитоси склонился к сёгуну:

– Со времён прошлых чисток остались кандалы, подавляющие любую магию, – вскользь заметил советник

Кацуёси колебался. Нарушить традиции поколений, впустить ёкая в свою обитель – кошунство. Но и оставлять тэнгу за воротами было опасно: он мог направиться в столицу, вызвать беспокойство, внести раздор.

К барьеру вышел воин, которому не посчастливилось вытянуть короткую соломинку. Он держал в руках шкатулку массивными металлическими браслетами.

– Его превосходительство Сёгун готов принять Вас, если Вы наденете оковы, сдерживающие магию, в целях предосторожности.

– Я готов, – без колебаний ответил Сёити.

Воин вышел за ворота и водрузил на кисти тэнгу кандалы с искусно высеченными иероглифами. Как только они сомкнулись, надписи засветились, впитывая магию. Сёити было разрешено войти.

Двери Большого зала раздвинулись перед тэнгу. На возвышении, увенчанном балдахином, восседал Сёгун, чей оценивающий взгляд встретил гостя ещё на входе. Сёити остановился ровно на той черте, которая полагалась для приёма равного по статусу гостя, а не униженного просителя. Он лишь сдержанно склонил голову.

– Сёгун Кацуёси. Благодарю за проявленное гостеприимство, – голос тэнгу звучал ровно, начисто лишённый подобострастного трепета. – Мир людей и земли духов связаны неразрывными корнями. Искренне верю, что мой визит укрепит эту связь, а не разрушит её окончательно.

Кацуёси ответил сухим, скупым кивком, не сводя с гостя колючих глаз.

– Предводитель Сёити. Ваше появление в наших стенах – событие незаурядное. Должно быть, дорога выдалась утомительной?

– Тэнгу рождены в бурях, – парировал Сёити. – Это не стоит Вашего беспокойства.

– Вы просили встречи. Можете говорить.

Гость не стал тратить время на любезности. Его голос, ровный и глубокий, заполнил помещение.

– Мои разведчики зафиксировали продвижение Сигами к Чёрному Ключу. Болезнь проникла в ткани мира глубже, чем кажется. Мой клан сдерживает её распространение в горах уже продолжительное время. Наши силы истощены. Не только Скверной. В мире духов назревает война. Часть кланов считает, что Скверну можно использовать как оружие. Они не борются с ней, а пытаются приручить, и, если им это удастся, первыми под удар попадут земли людей. Ваши земли, Кацуёси-сама.

Сёгун не шелохнулся, но, казалось, весь отдался слуху.

– Я предлагаю пакт, – продолжил Сёити. – Равноправный военный союз. Мои воины берут на себя охрану горных перевалов и магическую зачистку. Ваши люди обеспечивают тылы, поддержку регулярной армией. Это наш единственный путь к восстановлению порядка.

– Покиньте зал, – холодно бросил Сёгун свите и страже. – Все, кроме моего архивариуса и предводителя тэнгу.

Придворные, советники и стражники безмолвно растворились в коридорах, оставив в тронном зале за плотно задвинутыми дверьми горстку ключевых фигур.

– Чтобы остановить Сигами, недостаточно рубить её порождения. Необходимо провести ритуальный танец, который исполнит наследница Вашей крови. Не сомневаюсь, что Вам это и так известно – это ведь наследие Вашей семьи, – губы Сёити тронула невольная ухмылка.

– Очистительный ритуал необходимо проводить у Первородного Кристалла, где некогда было запечатано Сигами.

Сёгун нахмурился, чувствуя подвох.

– Первородный Кристалл находится в глубине запретных земель. Ты хочешь, чтобы я отправил собственную дочь и войска в ловушку?

Прежде чем Сёгун успел отказаться, из тени колонны сделал шаг вперёд Хитоси. Его сухие пальцы перебирали чётки.

– Он говорит правду, мой Господин, – хранитель тяжело вздохнул. – История хранит память о подвиге дочери первого Сёгуна, Момото, исполнившей священный танец и тем самым изгнавшей Сигами с людских владений. Тогда придворные маги убедили её не рисковать и провести ритуал в безопасных стенах столичного храма, далеко от источника заражения. Поток света стремительно пронёсся по земле и отсек все побеги скверны. Однако корни остались нетронуты, так как источник заражения привязан к Первородному Кристаллу.

Кацуёси бросил на старика короткий, режущий взгляд. Вес авторитета Хитоси ломал остатки сомнений, что не нравилось правителю.

– Моя дочь не воин, – жёстко отрезал Кацуёси. – Я даже не могу представить, как отсылаю её в земли, начинённые не только Сигами, но и ёкаями, жаждущих человеческой крови.

– Ей и не нужно быть воином, – заверил Сёити. – Танец не требует силы меча – он требует чистоты намерений. К тому же, насколько мне известно, у Вас лишь одна наследница. Боюсь, это наш единственный шанс спастись от неминуемой гибели.

Тяжёлый взгляд сёгуна долга изучал лицо тэнгу, ища ложь, слабость, скрытую угрозу.

– Вы просите меня отдать свои войска, в конце концов дочь, которую хотите подвергнуть несомненной опасности. Что я получу взамен, кроме обещаний?

– Вы получите шанс на спасение, – бесстрастно ответил Сёити. – Если Сигами окончательно поглотит Кристалл и прорвётся через горы, никакие стены не спасут столицу, и Вы это знаете. Болезни скота, неурожай, смерти и рост числа одержимых в провинциях – это всё влияние Сигами. Сейчас оно ещё относительно далеко, но, если мы не запечатаем источник, очень скоро оно будет здесь.

– Допустим, я соглашусь, – медленно произнёс сёгун. – Я готов предоставить солдат и вооружение. Но у меня есть условия. Первое и самое важное: Вы лично отвечаете за безопасность моей дочери во время перемещения и ритуала. Второе: после зачистки наш союз может быть пересмотрен, но до тех пор вы предоставите мне залог – нечто, что гарантирует верность.

Сёити слегка склонил голову. Это был разумный торг.

– Что касается залога: я не могу предложить чего-то физического, но могу дать обет крови на тех условиях, что если я совершу предательство или нарушу выставленные условия, моя магия иссякнет, вместе с тем я потеряю право называться предводителем тэнгу. На кону безопасность и выживаемость моего народа, моей семьи.

– Хорошо, – Кацуёси кивнул. – Я принимаю этот пакт. Пусть наши союзы будут крепче камня и гибче бамбука. Но помните: если моя дочь пострадает – я уничтожу всех вас. Не магией, так сталью. Мне хватит сил и решимости, можете не сомневаться.

– Я бы и не ожидал иного от правителя.

Переговоры длились ещё долго, обсуждались детали, границы, условия.

– Мои писцы подготовят договор, – подытожил Сёгун. – Завтра скрепим печатями, и Вы дадите клятву на крови. А пока – прошу Вас быть моим гостем.

В саду тем временем полным ходом шла тренировка. Рёко не щадила ни себя, ни процессу, вымещая в упражнениях всю накопившуюся с утра тревогу. Последнее, что ей довелось увидеть – как тэнгу ведут в зал в подавляющих браслетах. Её беспокоило, как прошли переговоры за закрытыми дверями, ведь никаких известий за долгое время так и не было.

Ближе к концу изнурительных занятий, когда Айко уже валилась с ног от усталости, а Рэн вяло прислонился к опорному столбу навеса, внимание Рёко неожиданно привлекла фигура в тени галереи.

Она подняла глаза. В проёме арки стоял Сёити.

Он выглядел точно так же, как в памяти Рёко, и в то же время совершенно иначе. В диких горных убежищах он казался воплощением самой стихии, свободной и необузданной природой в человеческом обличье. Здесь же, среди строгой геометрии дворца, он смотрелся чужеродно и опасно – словно закалённая в тысяче битв катана, по ошибке засунутая в изнеженные ножны.

Когда их взгляды пересеклись, внутри Рёко что-то остро ёкнуло. Это был первый раз, когда они виделись после расставания в горах. Там, в Скрытых землях, ей казалось, что Сёити – единственный, кто её понимает. Они оба несли неподъёмный груз ответственности, понимали тяжесть долга. И сейчас, увидев его здесь – одинокого, окружённого враждебными стенами, но всё такого же несокрушимого, – Рёко почувствовала мощный прилив трепета и щемящей тоски. Он был близок по духу, являлся живым напоминанием о тех ветрах и свободе, по которым жрица подсознательно тосковала.

Сёити едва заметно кивнул ей – всего лишь движение головы, лишённое каких-либо слов, но в этом коротком жесте читалась вся глубина их негласного союза. Рёко почувствовала, как перехватило дыхание, а в груди вспыхнуло странное, тёплое чувство облегчения. Он пришёл. Он действительно здесь.

Когда Рёко закончила с Айко, она вновь вернулась взглядом к арке – Сёити там уже не было.

Когда сумерки осели на дворец, укутав павильоны и сосны в густые сизые тени, Рёко уже собиралась снять кимоно, расплести волосы и отдохнуть в своих покоях. День выдался на редкость изнурительным: напряжение от утренней аудиенции, выматывающая тренировка с Айко перед завтрашним пробным ритуалом.

Тихий, едва слышный стук в сёдзи заставил насторожиться.

– Кто там? – негромко спросила девушка, завязывая пояс кимоно.

– Это я, – раздался за дверью глуховатый голос Сёити.

Рёко подскочила и раздвинула створки. Предводитель тэнгу стоял в темноте галереи, его лицо украшала сдержанная улыбка.

– Ты прекрасно выглядишь. Вижу, дворец раскрыл в тебе новые грани.

Она хотела ответить что-то остроумное, достойное, но всё вылетело из головы от странного волнения.

– Я рада видеть тебя в добром здравии, – Рёко отдала поклон, скрывая смущение.

– Нам нужно поговорить о многом. Не желаешь пройтись? Я украду тебя совсем ненадолго.

– Ночная прогулка? – с лёгким удивлением переспросила девушка, оглядывая пустой коридор. – После всего дневного официального безумия? Если нас застанет стража...

– Стража патрулирует парадные галереи, а мы пойдём там, где они предпочитают не появляться лишний раз, – Сёити жестом руки пригласил её следовать за ним.

«Если Сёити уже слышан о местных тропах, значит, Рэна он уже повстречал,» – с лёгким раздражением подумала Рёко. Отказываться не хотелось. Она кивнула, накинула на плечи тёплую накидку и тихонько прикрыла за собой дверь.

Они шли по узким тропкам, петлявшим между замшелыми валунами и раскидистыми кронами плодоносных деревьев. В глубине аллеи лунный свет пробивался сквозь густую листву серебристыми брызгами, рисуя на земле причудливые, дрожащие узоры. Сёити шёл рядом, и Рёко наполняло необъяснимое чувство безопасности.

– Принцесса достаточно хорошо справляется, – пальцы тэнгу легко скользнули по стволу дерева, ощущая подушечками пальцев текстуру, когда он прервал тишину. – Ты вложила в неё много сил и терпения. Это заслуживает похвалы.

Рёко горько хмыкнула, скрестив руки на груди, плечи нервно дёрнулись:

– Здесь больше заслуга Рэна. Если бы не он, я бы одолжила у тебя пару воронов для растерзания Айко.

Сёити едва заметно улыбнулся, склонив голову набок, и цепко посмотрел ей в глаза.

– Рэн очень обаятельный дух и хорошо ладит с людьми. Им сложно не очароваться, не так ли?

– Разве что кому-то по нраву неуместный цинизм, насмешки, непредсказуемость, отсутствие манер и нарушение личных границ. В таком случае, да, он определённо очарователен.

Сёити сдержал тихий смешок, и напряжение между ними самую малость отпустило.

– Как прошли твои дела в Скрытых землях? – мягко поинтересовался тэнгу, переводя тему на более серьёзную. – Рэн упоминал, в каком шатком положении сейчас находится твой клан.

– Хвастаться нечем, – Сёити тяжело вздохнул. – Но мы в любом случае будем сражаться. Люди привыкли думать, что мир духов – это нечто статичное, сказочное и застывшее во времени. Но у нас всё точно так же, как у вас: амбиции, жажда власти, старые обиды. Часть ёкаев ослеплена гордыней. Они думают, что смогут заключить сделку с хаосом, использовать его силу, чтобы подмять под себя интересующих их земли. Они не понимают, что хаос не слушает никого. Он просто пожирает всё на своём пути.

Сёити резко замер, развернувшись к девушке лицом. Его ладони – тяжёлые, уверенные – легли на её плечи, пригвоздив к месту.

– Посмотри на меня, Рёко. Ты думаешь, мне легко было выйти к людям, которые веками ненавидели мой народ, возводили против нас барьеры? Но я делаю это, потому что альтернатива – всеобщее забвение.

Глаза, которые в темноте казались бездонно чёрными, беспорядочно бегали по лицу Рёко. На секунду воздух стал осязаемым: он обволакивал, заполнял собой маленькую пропасть между ними, становясь продолжением тел. Сёити замер, глядя на неё долгим, тяжёлым взглядом, затем резко отдёргнул руки и отвернулся.

– Прости, – глухо выдохнул он. – Просто это волнительная тема для меня.

Рёко потеряла дар речи от внезапной перемены. Ведомая каким-то слепым порывом, она нашла в темноте руку тэнгу и стиснула его пальцы.

– Я понимаю, – её голос звучал по-особенному мягко. – Тебе приходится тяжелее нас всех. Если нужно будет высказаться, ты можешь обратиться ко мне.

Она тепло и ободряюще улыбнулась, на мгновение задерживая пальцы на его ладони, прежде чем отпустить. Сёити благодарно прикрыл глаза.

– Ты ведь позвал меня не просто подышать воздухом?

– Верно. Мне нужно было поговорить с тобой наедине, без ушей Кацуёси и косых взглядов его придворных псов. То, что происходит здесь, становится опаснее. Кацуёси согласился на союз от безысходности, но он будет искать слабое место в нашей цепи. Для него мы – инструмент, который после очищения можно будет сломать или использовать в своих интересах. Поэтому я прошу, чтобы ты была настороже.

Рёко опустила взгляд на белую гальку под ногами. Холодный ночной ветер коснулся её распушенных прядей.

– Я знаю, – тихо ответила она. – Этот замок не прощает слабости. Но я не боюсь. Наверное, пережитое начало притуплять страх.

Сёити кончиками пальцев коснулся её плеча, поправляя сбившуюся накидку. От этого простого движения и тепла рук по телу разлилась странная, успокаивающая волна.

– Ты стала совсем другой, Рёко, – почему-то эти слова прозвучали так, чир сердце пропускать удары. – Ты устала за этот день. Я тебя провожу.

– Не стоит, – Рёко торопливо замахала руками. – Хочу ещё немного пройтись. Благодарю за прогулку.

Они обменялись короткими, сдержанными поклонами, и разошлись в разные стороны – каждый со своими мыслями, бушующими под оболочкой мнимого спокойствия.

Прожаживаясь по территории ночного Гинрю-дзё, Рёко несла в себе эхо разговора с Сёити. Согревающие слова, сдержанное восхищение и абсолютная поддержка мягко ложились целительным бальзамом на душу. Шаги казались почти невесомыми, на губах запечатлелась умиротворённая улыбка, а в груди царила долгожданная лёгкость. После всех штормов на горизонте завиднелся надёжный причал.

Эта гармония разбилась вдребезги, стоило свернуть не на ту тропу. Тишину ночи нарушали всплески небольшого искусственного водопада, за которыми прятались голоса. От знакомых интонаций у Рёко мгновенно свело скулы.

– Признайся, ты ведь ёкай. Я ещё с первых тренировок всё поняла: ты подозрительно хорошо разбираешься в магии и движении энергии для обычного человека.

Рёко мотнула головой, силясь прогнать постыдное желание подслушивать.

«Это низко. Это недостойно жрицы,» – твердила она себе, но ноги уже сами несли её к источнику звука.

За кустами жасмина, на пригорке возле искусственного водопада сидели двое. Принцесса полулежала на подушках, словно богиня, принимающая дары. Рядом сидел Рэн. Его поза, поворот головы, мягкий жест руки – всё это было пропитано игривой, почти интимной внимательностью. Айко смеялась – не своим обычным звонким, демонстративным смехом, а тихим, довольным, и ударяла его веером по плечу.

Рёко замерла, вжавшись в шершавую кору старой вишни.

Рэн долго всматривался в лицо принцессы, и его глаза чарующе загорелись золотом.

– Вы крайне проницательны, химэ-сама. Так мастерски изобличили кицунэ – позор мне.

«Да что он творит?!» – волна паники захлестнула жрицу с головой.

Рёко металась: выскочить ли из засады и прервать откровение, пока лис не сболтнул лишнего, или продолжать наблюдать? Тело цепенело от ярости и ужаса перед тем, как этот непредсказуемый дух рушит всю их хрупкую миссию.

Айко прерывисто выдохнула, глаза расширились от жгучего, почти опьяняющего восторга. Настоящий ёкай! И он сидел так близко, открывая ей свой самый большой секрет.

– Кицунэ... – прошептала принцесса, заворожённо глядя на оборотня снизу вверх. – Но почему ты здесь? Отец, стража... если они узнают, тебя казнят.

– Именно поэтому об этом никто не должен узнать, – Рэн подался вперёд, оплетая её своим шёлковым, обволакивающим голосом. – Поклянитесь, что эта тайна останется только между нами. Ни Ваш отец, ни слуги, ни даже жрица не должны ведать истину.

Айко воодушевлённо кивнула, почувствовав себя обладательницей величайшего сокровища.

– Клянусь, – выдохнула она и придвинулась ещё ближе. – Твоя тайна умрёт со мной.

Она немного отстранилась и вернулась к тому, что волновало её больше:

– Скажи, моя магическая кровь ведь столь же сильна, как у ёкаев?

– Я чувствую её потенциал. Тем более Вы стали более зрелой, что также отразилось на магических свойствах, – от этого тонкого комплимента щеки Айко покрылись румянцем. – Однако чистая кровь правителя – вещь непредсказуемая, как любая стихия, и требует балансировки, – в голосе Рэна зазвучало предостережение. – Если печать на Вашем теле перегружена или имеет скрытые трещины от частых тренировок, боюсь, Вы станете мишенью для созданий Сигами.

– Что же делать? – взволнованно произнесла Айко, прикрыв рот ладонями.

– Если бы я увидел знак, я бы мог сказать, в каком состоянии находится Ваша магия.

Игривость Айко сменилась любопытством хищницы, учуявшей добычу.

– Какого знака? – она построила полное непонимание. – У меня есть герб, есть кровь.

– Герб – на одежде. Кровь – в жилах. А печать стоит на самой душе, – Рэн бесстыдно посмотрел в глаза принцессы. – Говорят, у тех, в ком древняя кровь течёт чисто, в месте сосредоточения силы, – он сделал лёгкое, почти невесомое движение, указав пальцем в направлении её солнечного сплетения, – есть метка в виде четырёхконечной звезды.

Он играл с ней, на её глубочайшем тщеславии, жажде быть особенной не только по титулу, но и по факту существования.

Айко прикоснулась рукой к тому месту, куда указал Рэн сквозь слои шёлка. Она задумалась, взвешивая выгоду. Губы тронула улыбка.

– А если я покажу тебе этот знак? – прошептала она, и в её голосе была уже не детская игра, а холодок взрослой сделки.

– Тогда, – Рэн сократил расстояние до опасного минимума, переходя на интимный шёпот, – я смогу уберечь Вас от Сигами и стану проводником не только в танце, но и между мирами.

Айко выдержала его взгляд. Капризная девочка исчезла – перед Рэном была настоящая наследница клана. Не сводя с него глаз, она медленно развязала верхний шнур кимоно, откинула тяжёлые слои ткани и обнажила бледную кожу у основания грудины.

Рёко зажала рот рукой и затаила дыхание.

Лис склонился над Айко, после медленно, почти с благоговением, выдохнул:

– Сияющая Звезда... Она цела.

Айко торопливо запахла обратно, прильнув к его плечу, и лукаво прищурилась.

– Скажи мне... ты когда-нибудь влюблялся в смертную?

– Химэ-сама, – Рэн обратился к ней, накрывая горячей ладонью её руку. – Такие игры опасны. Это не...

– Что «не»? – Айко строго посмотрела на него. – Неправильно? Что страшного может случиться?

Девичьи пальчики скользнули к груди ёкая. Рэн перехватил запястье не грубо, но твёрдо. Глаза горели предупреждающим огнём.

– Страшного может случиться много, Госпожа. Вы – дочь Сёгуна, я – обычный слуга. Все мы работаем на общее благо, и, если я забуду, кто я и где моё место, это может всё погубить.

Айко улыбнулась медленно и торжествующе. Она услышала не отказ, а борьбу с самим собой. Она победила.

– Я не вижу в этом ничего плохо и предосудительного, – прошептала она, приближаясь к его лицу. – Я просто хочу учиться. Учиться у тебя всему, что ты можешь дать.

Айко подалась вперёд. Воздух замер, стал тягучим и сладким, как мёд. Её губы коснулись его.

В этом поцелуе не было ни капли робкой невинности – лишь обжигающий азарт хозяйки положения. Айко целовала требовательно, пыталась завладеть моментом, упиваясь тем, что древний дух в её руках такой покорный и податливый.

Рэн позволили ей эту секундную победу, но стоило принцессе углубиться, податься ближе, как в одно плавное, неотвратимое движение он перехватил инициативу: руки сжали тонкую талию и уверенно развернули принцессу. Уже через мгновение Айко оказалась прижата спиной к мягким подушкам. Ёкай накрыл её своим телом, вжимая в ложе, полностью лишая пространства для побега. Этот жест заставил принцессу прерывисто выдохнуть.

Рёко была не в силах продолжать смотреть – желудок отозвался спазмом. Внутри всё сжалось от жгучей, ослепляющей смеси отвращения, злости и резкого, отрезвляющего отчаяния. Она отшатнулась от дерева, нетвёрдой походкой поплелась прочь, а потом сорвалась на

бег. Жрица летела по холодным деревянным галереям, почти не касаясь пола, словно спалась от погони. Воздух в лёгких горел – каждый вдох отдавался в груди тупой, надрывной болью.

Добравшись до своих покоев, она резко оттолкнула дверь и тут же задвинула за собой так, что та жалобно закричала. Рёко рухнула на колени прямо у порога, не в силах дойти до футона. Она обхватила себя за плечи в попытках унять крупную дрожь, пробившую тело. Всё смешалось: грязь дворцовых интриг, волнение перед финальной тренировкой, усталость и горечь от осознания собственной уязвимости.

Лоб коснулся прохладных досок пола, и в этой звенящей тишине комнаты что-то внутри надломилось. Рёко судорожно, сипло втянула воздух ртом, когда тело пробила крупная дрожь. Перед закрытыми глазами неотвязно, с ослепительной чёткостью крутился тот самый миг, как массивное тело лиса нависло над принцессой.

Жрица дала волю слезам. Она чувствовала себя унижительно глупой. Как она могла позволить себе расслабиться? Как смела поверить в этот призрачный намёк на командное доверие, когда рядом с ней всё это время находилось существо, способное за секунду променять любые высокие цели на игру в кошки-мышки с капризной девчонкой? Он так просто открылся принцессе...

Каждая слеза, скатывавшаяся по щеке, жгла кожу накопившейся усталостью, страхом перед грядущим ритуалом и острой обидой на саму себя. Рёко выворачивало наизнанку, но долго позволять себе роскошь слабости она не собиралась. Внутри неё, под слоями боли и разочарования, зашевелилось что-то холодное и безжалостное. Злость начала вытеснять жалость к себе. Пальцы судорожно вцепились в дерево пола, ногти побелели от напряжения.

Стиснув зубы, жрица резко вскинула голову. Одним движением она грубо смахнула тыльной стороной ладони дорожки слёз с лица, отбрасывая прочь остатки минутного отчаяния. Дыхание выровнялось, превратившись в размеренный ритм. Рёко медленно поднялась на ноги, чувствуя, как её внутренний стержень каменеет, превращаясь в монолит. Если нужно стать монстром, чтобы довести начатое до конца и вытащить этот мир из пропасти – пусть будет так. Если этот лис и избалованная принцесса думают, что могут безнаказанно нарушать хрупкое спокойствие и ставить под удар всю миссию – они ошибаются.

Глава 10. Убежище под дикой сливой

Солнце ещё не успело разогнать сырость, застрявшую в изломах черепичных крыш дворца Гинрю-дзё, а тренировочная площадка уже была погружена в атмосферу напряженного ожидания. Рёко стояла в самом центре двора, расставив ноги на ширине плеч и заложив руки за спину. Белоснежная ткань её храмовых одежд резала глаз своей бескомпромиссной чистотой на фоне серого гранита. Сегодня – последний рубеж перед пробным ритуалом, поэтому жрица находилась в максимальном сосредоточении.

Рэн устроился неподалёку, вальяжно закинув ногу за ногу, – перила резной беседки прогибались под его весом. Он выглядел так, будто происходящее вокруг касалось его меньше всего на свете. Его подчёркнуто небрежная манера держаться после всего, что произошло накануне в ночном саду, действовала на Рёко раздражающе.

«Как он может вести себя так, будто мы не стоим на самом краю пропасти? Неужели Рэн не понимает, что своими действиями сбивает Айко с пути и искажает её волю? К тому же, если кто-то узнает про их интрижку, это может уничтожить авторитет дома Сёгуна, что не пройдёт без последствий для них всех,» – мысли роились в голове Рёко, но мотивы Рэна оставались так же туманны, как и он сам.

Рёко до боли сжала кулаки, ощущая, как ногти въедаются в ладони. Ей потребовалось совершить усилие, чтобы не сбить лиса с этих перил и не добиться всех ответов на вопросы. Вместо этого она намертво запечатала лицо маской равнодушия, дожидаясь появления принцессы, которая наверняка заставляла ждать даже собственную тень.

– Опоздание на две минуты, ваше высочество, – лишённым всяких эмоций голосом произнесла Рёко. – Дворцовый этикет позволяет вам опаздывать, но Сигами ждать не станет. На разминку – приступать!

Айко, привыкшая к всеобщему трепету и снисходительности, вспыхнула и попыталась изобразить привычное высокомерие.

– Я принцесса! Мой график...

– Теперь Ваш график определяю я, – перебила её Рёко с такой твёрдостью, что принцесса от неожиданности замолчала. – Встать в стойку! Руки выше! Если я ещё раз увижу эту расхлябанность, мы повторим весь комплекс ката с деревянными мечами до тех пор, пока у вас не перестанут разгибаться пальцы!

С беседки донёсся короткий смешок. Рэн подался вперёд, качнув ногой.

– Вы так усердствуете, что рискуете распугать всех павлинов в округе.

Рёко резко развернулась к нему.

– Прошу Вас, не мешайте процессу, – обратилась Рёко с притворной, почти ядовитой любезностью. – Или могу тоже напомнить, каково это – отрабатывать удары до кровавых мозолей.

Рэн сначала замер, разглядывая новое выражение лица напарницы, и криво улыбнулся:

– Кто-то сегодня встал не с той ноги. Ладно, раз уж Вы так жаждете крови, покажите нам высший класс.

Следующие часы превратились в тяжелейшее испытание. Рёко устроила такую изнурительную, беспощадную тренировку, какой замок Гинрю-дзё ещё не видел. Она гоняла принцессу до седьмого пота, заставляя падать на гальку, подниматься и снова отрабатывать каждый поворот запястья, каждый перенос веса, пока у Айко не затряслись колени.

Это была сублимация накопленного напряжения, обиды и гнева, но удивительным образом результат превзошёл все ожидания. К концу занятий Айко, тяжело дыша, поймала идеальный, звенящий баланс. Её дыхание выровнялось, движения утратили жеманную картинность. Они стали точными и безупречными, наполненными глубиной и силой. Принцесса подняла

глаза на Рёко. В них больше не было надменности – только отчаянный блеск и внезапное, глубокое уважение.

– Завтра Вы совершите ритуал на городской площади, – сказала Рёко, уже спокойнее, подбирая с камней и аккуратно укладывая в мешок ритуальные принадлежности. – Я поговорю об этом с Вашим отцом.

Айко вздрогнула. В её расширившихся зрачках на мгновение мелькнул детский, обнажённый страх и немой вопрос: «Справлюсь ли я?». Рёко ответила ей уверенным кивком.

Глядя вслед удаляющейся принцессе, Рёко наконец выдохнула, и прилив странного смягчения неожиданно вытеснил всю ярость.

Ведь если отбросить все капризы и привычку смотреть на окружающих свысока, обнаружится нечто большее. Айко была вовсе не безнадёжна. Рёко видела, через какие внутренние испытания проходила эта девушка, запертая в клетке чужих ожиданий, окружённая страхом и лестью. Да, порой она бывала невыносима, но сегодня принцесса не попросила ни пощады, ни передышки. Она стиснула зубы и работала наравне с закалёнными в боях самураями. В этой хрупкой с виду девушке таился настоящий, негибачимый стержень рода – тот самый древний металл, что когда-то заложил основы империи.

И в этот миг Рёко отчётливо поняла: несмотря на всю пропасть между ними и игры Рэна, у них действительно есть шанс. Если Айко выдержит завтрашний день, если древняя кровь откликнется на зов предков, этот мир получится вырвать из пасти Сигами. Эта мысль, тяжёлая и в то же время исполненная надежды, согрела изнутри. Жрица глубоко вздохнула, закинула мешок за плечо и решительно зашагала прочь по звонкой гальке, готовясь к решающему дню.

Бумажные фонари раскачивались на ветру и окрашивали галереи дворца в тревожный, густой янтарный оттенок. Рёко шла к своим покоям, и звук её шагов глухо отдавался от натёртых до блеска кедровых досок. Переговоры с Сёгуном прошли тяжело. Правитель дал добро на проведение ритуала, но в его глазах, тяжёлых и затуманенных усталостью, жрица прочла лишь глухое сомнение. Он не верил, что из его изнеженной дочери за столь короткий срок можно выковать то, что выстоит против Сигами.

Поворот к крылу жрицы утопал в густой полутени. Резные решётки сёдзи отбрасывали на полированный пол длинные, похожие на паутину тени. Там, прислонившись плечом к массивной несущей балке, её поджидал Рэн. В сумерках его глаза отражали свет, горели, как у дикого зверя, отслеживающего жертву в ночном лесу.

– На удивление продуктивный день, – голос кицунэ прозвучал мягко, с долей иронии. Каждое его слово вязло в тишине коридора. – Принцесса едва не потеряла сознание от усердия, но ты выбила из неё великолепный результат. Признайся, метод кнута работает безотказно?

Рёко остановилась в трёх шагах от него. Осознание того, насколько легко этот ёкай меняет маски и разыгрывает перед всеми угодливые роли, убило последнее желание вести переговоры.

– Пропусти, – ровно произнесла она, направив взгляд куда-то сквозь его плечо, и попыталась обойти его.

Она не успела. Воздух между ними будто схлопнулся. Пальцы Рэна – холодные и цепкие – молниеносно захлестнули её запястье выше ладони. Никакой жалости или мольбы в его движениях не было – это был рывок охотника, зажавшего ускользающую добычу.

Рёко не успела даже вскрикнуть, как он слитным движением крутанул её корпус и впечатал спиной в резную решётку сёдзи. Дерево протестующе хрустнуло, тонкая бумага натянулась за её затылком.

– К чему такая спешка? – его голос потерял всю показную мягкость, опустившись до низкого шёпота над самым её ухом. – Ты весь день избегаешь меня, а теперь отмахиваешься.

Рёко с силой рванула руку на себя, пытаясь вывернуть сустав, но хватка ёкая сжалась крепче, угрожая оставить на коже тёмные синяки. Вторая её рука инстинктивно упёрлась в грудь Рэна, ощущая через ткань отчётливое, слишком быстрое биение его сердца.

– Пусти, – процедила она. Её дыхание обожгло его подбородок, но взгляд остался ледяным, целившимся прямо в его сузившиеся, вертикальные зрачки. – Мне не о чем с тобой разговаривать. Твои дешевые игры меня не интересуют.

– Разве? – уголок губ дрогнул в опасной усмешке. – По-моему, ты слишком много надумываешь. Слишком много гнева для человека, который должен думать исключительно о ритуале. И о победе.

– Я думала о нашем общем деле, пока ты развлекался, – Рёко вложила в рывок всю силу, выкручивая запястье из оков пальцев.

Рэн слегка подался корпусом вперёд, удерживая жрицу на месте, но встретившись со взглядом, полным презрения, чуть отступил. Этого мгновения хватило. Рёко резко выдернула руку, отшатнувшись в сторону. Ни секунды не медля, она отдёрнула раздвижную дверь своих покоев и захлопнула её перед самым носом лиса.

Замок защёлкнулся. Рёко прислонила голову к замкнутой двери, слыша, как за тонкой перегородкой, уходит тот, кто остался снаружи. Его шаги затихли, но комната не принесла долгожданного покоя. В них стоял давящий полумрак. Стены будто сжимались, не давая сделать полноценный вдох. Прикосновение Рэна отпечаталось пульсирующей болью в запястье. Постепенно начали проявляться следы длинных пальцев. Жрице казалось, что если она останется в этих четырёх стенах, то просто задохнётся. Выскользнув из покоев через заднюю незапертую дверь, выходившую к внутреннему саду, она скрылась в наступающей ночи.

Когда дворец Гинрю-дзё погрузился в тяжёлый, давящий мрак, Рёко нашла прибежище на низких ступенях дальнего павильона. Этот угол сада давно забросили: старый деревянный настил прогнил, а ветви дикой сливы так разрослись, что почти закрывали собой звёзды.

Девушка сидела, обхватив колени руками и прижимав их до боли к груди. Взгляд был устремлён на чёрную, неподвижную гладь пруда, в которой мутным белым пятном отражалась луна. В голове стоял гул, а мысли, словно осколки разбитого зеркала, резали изнутри.

– Я знал, что найду тебя здесь.

Рёко вздрогнула и инстинктивно вскинула руку перед собой.

Из густой, непроглядной тени раскидистой сливы выступил Сёити. В руках Хранитель гор держал небольшой глиняный чайник с узким носиком и две пиалы. Его тёмная одежда сливалась с ночью, но от всей фигуры веяло спокойствием. Сёити опустился рядом с ней на холодные, пропитавшиеся росой деревянные ступени, совершенно не заботясь ни о придворном этикете, ни о том, как их уединение выглядит со стороны.

Он аккуратно поставил чайник на шершавые доски между ними, взял одну из пиал и медленно, с размеренным спокойствием наполнил её дымящимся, терпким настоем.

– Выпей, – тихо сказал он, протягивая чашу девушке. – Это отвар из корня горечавки и мелиссы. Тебе нужно успокоить нервы после всего, что произошло сегодня на плацу.

Рёко на мгновение замерла, глядя на тёмную, подрагивающую жидкость, в которой отражался пар, а затем виновато опустила взгляд, принимая пиалу. Когда её пальцы случайно скользнули по его ладони, она ощутила ровное тепло – живое, надёжное и такое чистое, не имеющее ничего общего с обжигающим холодом или будоражащим, опасным жаром Рэна. Это было тепло нагретого солнцем векового камня.

– Значит, ты уже наслышан о моем утреннем срыве, – выдохнула она, баюкая чашу в дрожащих ладонях. – Наверное, стража и слуги уже всюю перебивают мне кости.

– Об этом шепчется весь дворец, – не стал лукавить Сёити. Он налил чай во вторую пиалу, сделал небольшой глоток и отставил чашу в сторону. – Но мне интереснее не то, что

судачат слуги, а то, что чувствуешь ты. Ты весь день ходила словно натянутая тетива. Ты... не хочешь рассказать, что случилось? Эта ноша явно давит на тебя слишком сильно.

Рёко сжалась, чувствуя, как к горлу подступает колючий ком. Ей безумно хотелось промолчать, спрятать свой позор глубоко внутри, но рядом с Сёити не получалось. Она отвернулась к темной воде пруда, голос прозвучал надломлено, едва различимым за шелестом листьев:

– После того, как мы расстались в саду, я видела кое-что, – она прерывисто вздохнула, зажмурившись от накатившей боли. – Рэн признался принцессе, что он ёкай. Он играл с ней, втирался в доверие, пускал в ход свои чары. Они... целовались. Рэн ведёт свою игру за нашими спинами, рискуя всем ради собственного тщеславия и развлечения. Я не уследила. Я допустила это.

Она замолчала, пытаясь восстановить ритм дыхания. Пальцы сжали горячую пиалу.

– Я боюсь, что всё рухнет. Что Кацуёси прознает или Сигами почувствует эту связь с Айко... и весь наш план полетит к чертям, погребая под собой и Скрытые земли, и проклятый замок, и мой храм. Я не могу вынести мысли, что из-за его глупости и моей слепоты сгорит всё, что нам дорого. И я боюсь... что с ним что-то случится.

Сёити внимательно слушал, не перебивая. Его тёмные глаза смотрели на неё с неизбывной смесью глубокого сочувствия. Когда Рёко умолкла, он медленно протянул руку. Его пальцы — тёплые, чуть шершавые — мягко, но властно касались её плеча. Сёити плавно развернул её к себе, вынуждая встретиться взглядами.

– Послушай меня внимательно. Перестань брать на себя ответственность за чужие безумства. Рэн – древний и изворотливый дух, он прекрасно знает правила этой игры и умеет выживать там, где другие сгорают. Если он решил ступить на тонкий лёд с принцессой, это его осознанный риск. Но ты не должна позволять его играм разрушать твой внутренний мир. Со всем этим разберусь я. Я поговорю с Рэном, найду способ пресечь его вольности и прослежу, чтобы безопасность миссии не пострадала. Тебе не стоит больше переживать об этом. Слышишь?

Рёко прерывисто выдохнула. Напряжение, державшее её на пределе с той ночи, выплеснулось вместе с тихим всхлипом, оставляя лишь звенящую усталость. Больше не в силах сопротивляться желанию просто быть защищённой, она качнулась вперёд. Пиала чуть не соскользнула, но Рёко отставила её и прислонилась лбом к его широкому, крепкому плечу, впитывая надёжное тепло его тела. От него пахло хвоей, чистым горным воздухом.

Рука Сёити опустилась ей на спину, пальцы мягко и успокаивающе скользнули вдоль позвоночника, прижимая девушку ближе к себе. Он не произносил лишних слов, просто позволял ей быть рядом, охраняя уязвимый покой.

Где-то в тени противоположного крыла дворца, за резной колонной замерла высокая фигура с растрёпанными белыми волосами. Рэн стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и молча, сквозь полумрак сада, наблюдал за этой сценой: за тем, как жрица доверчиво прижимается к Хранителю, и за тем, как тот бережно укрывает её в своих объятиях. Он усмехнулся себе под нос, затем плавно качнулся назад и бесшумно растворился в темноте, оставляя их наедине под убаюкивающий шелест листьев.

Глава 11. Свет, разогнавший тьму

Следующий день выдался пронзительно-ясным. Холодный горный ветер разогнал ночные тучи, и над столицей раскинулось высокое, бездонно-голубое небо. Городская площадь гудела, словно разворошённый улей. Со всех концов столицы – из узких торговых переулков, из ремесленных кварталов и с высоких дворцовых галерей – сюда стекалась людская река. Испуганные крестьяне жались к лавочникам, молчаливые самураи замерли у павильонов, а придворные чиновники нервно перебирали пальцами шёлковые накидки. Столица утопала в страхе. Слухи о приближении Сигами ползли по улицам. Теперь тысячи глаз застыли в едином ожидании, вглядываясь в возвышение главного алтаря. Народу нужен был не манифест и не речи сёгуна. Народ жаждал знака.

На площадке алтаря, усыпанной хрустящей белой галькой и обрамлённой свежесрезанными ветвями священной сакаки, стояла Рёко. На ней были привычные храмовые одежды: струящееся белоснежное хаори и алые хакама, символизирующее очищающий огонь. На фоне праздничной парчи знати её наряд казался почти аскетичным. Но в этой простоте кроем была видна вся суть Рёко – девушки, выросшей в горах среди молитв и священных текстов. Прямая спина, обнажённые по локоть тонкие руки, покрытые едва заметными шрамами, и взгляд, в котором не осталось и тени вчерашних обид. Вся её противоречивая натура слилась в единую, и абсолютную собранность.

Тяжёлые деревянные створки главного павильона с глухим, раскатистым стоном подались назад. На возвышение вышла Айко.

Толпа ахнула и тут же замерла, боясь разрушить момент. Принцесса выглядела так, будто сошла со старинных свитков: безупречная, величественная, с высоко поднятой головой. На ней было тяжело расписанное золотом кимоно цвета ночного неба, а длинные шлейфы ниспадали по ступеням, словно волны. Под слоями тканей угадывалась стальная выправка, выбитая беспощадными тренировками. Её движения обрели вес, а в распахнутых темно-карих глазах горело осознание ценности и важности своего происхождения. В пальцах поблёскивали серебряные кагура-судзу. Драгоценные колокольчики, украшенные длинными шёлковыми лентами, отзывались на каждый шаг благородным перезвоном. Это было оружие ритуала, отлитое лучшими мастерами для услаждения слуха богов.

Эти массивные колокольчики разительно отличались от судзу Рёко, потускневших от времени и странствий. По сравнению с ними скромные колокольчики Рёко звучали глуше, суровее и тяжелее, словно хранили в себе отзвуки древних пожаров, пролитой крови и выстрадавших молитв.

Слов не потребовалось. Рёко встретила взгляд принцессы и едва заметно, одним движением век и наклоном головы дала сигнал. Глухой, раскатистый удар ритуального барабана тадзуми разорвал тишину.

Рёко сделала шаг первой. Её движение было плавным: рукав взмыл вверх, рассекая воздух, и медная чаша с зажжённым фимиамом описала дугу, оставляя за собой тонкий шлейф сизого, ароматного дыма. Айко подхватила движение.

Рёко резко повела плечом, делая выпад влево. Айко откликнулась мгновенно: она взмахнула рукавом в противоположную сторону, становясь отражением. Они сходились и расходились, не роняя контакта глаз. Взгляд Рёко – строгий, контролирующий, направляющий. Взгляд Айко – упрямый, напряжённый, но глубоко доверительный.

Это был танец-поединок и танец-слияние. Текучие движения жрицы, управляющей потоками энергии, переплетались с властной поступью принцессы. Каждый взмах их рукавов поднимал в воздух искры духовной силы. Жрица сделала шагающий разворот, проходя буквально в сантиметре от принцессы. На краткое мгновение они оказались спиной к спине. Рёко ощу-

тила отчётливый жар, исходящий от тела Айко, и услышала её выверенный выдох, попытку держать дыхание под контролем.

Древняя кровь первого правителя, дремавшая и ослабленная изоляцией от Скрытых земель, вдруг откликнулась на зов. В месте сосредоточения силы под тканью одежд мягко, едва уловимо запульсировал свет – метка Сияющей Звезды.

Рёко резко развернулась к принцессе лицом, вскидывая обе руки над головой и пальцами очерчивая в воздухе защитный круг. Айко уловила посыл без слов: она, подхватив движение жрицы, подалась вперёд и с повелительной силой встряхнула колокольчиками. Звон слился в единый аккорд. Энергия, накопленная в танце, уплотнилась. Воздух вокруг девушек задрожал, преломляя солнечный свет. Галка под их ногами начала мягко подрагивать и подпрыгивать.

Рёко видела, как на лбу принцессы выступили капли пота, как задрожали её пальцы от нечеловеческого напряжения, выходящего за пределы смертных сил. Жрица шагнула ближе и накрыла своими ладонями дрожащие запястья Айко. Их пальцы сплелись на рукоятках ритуальных колокольчиков. Они заглянули друг другу в самую глубину душ. В этом молчаливом взгляде было всё: прощение, благодарность и верность общей цели.

Айко кивнула. Рёко отпустила её руки и отстранилась назад в глубоком поклоне. Принцесса осталась одна в центре алтаря. Она вскинула руки к небу, выгибаясь в спине, и выдохнула всю накопившуюся силу.

Из её груди с вырвался ослепительный свет. Могучая волна магии хлестнула по площади, заставив тысячи людей упасть на колени. Свет пролился над брусчаткой, с лёгкостью перешагнул через зубчатые стены Гинрю-дзё и широким, сияющим кольцом распространился дальше – над крышами столицы, над полями и холмами, выжигая страх, запечатывая приближающуюся тьму.

Там, куда дотягивались лучи этой волны, мгла рассеивалась в мгновение ока. Порождения Сигами, все теневые твари, затаившиеся в оврагах и деревенских захолустьях, не выдерживали света. Заживо сжигаемые силой древней крови, они рассыпались пеплом, который тут же подхватывал и рассеивал ветер.

Когда свет наконец угас, оставив в воздухе лишь парящие золотые искры, Айко стояла в центре алтаря, прерывисто дыша. Её плечи опустились, на лице отразилась простая, человеческая усталость. Рёко подошла к ней ближе, протягивая руку для поддержки. Принцесса опиралась на жрицу, и в этот момент на губах обеих девушек мелькнула выстрадавшая, победная улыбка.

Ритуал удался.

Столица взорвалась всеобщим, оглушительным ликованием. Кто ещё стоял на ногах, падал прямо в пыль, плакал от облегчения. Все смеялись, обнимали незнакомцев и воздевали руки к небу. Площадь хмелела от чувства долгожданной победы. Военачальники и придворные чиновники, ещё вчера хмуро качавшие головами, теперь наперебой расточали похвалы, уверяя, что самая страшная угроза миновала.

– Раз очищающий всплеск Сияющей Звезды пронёсся над землями, чего нам теперь бояться? – развязно бросил один из сановников, широко улыбаясь. – Мы можем хоть сегодня выдвигаться к Первородному кристаллу!

Вечером Большой зал дворца Гинрю-дзё утопал в золотистом, жарком сиянии сотен бумажных фонарей и масляных светильников. Воздух пропитался ароматами жареной оленины, пряных соусов, сладковатого подогретого саке и благовоний. Разливался звон фарфоровых чаш, хохот и бравурные речи – замок праздновал триумф.

За длинными низкими столами сидели самураи, придворные и знать. Царило безудержное веселье – Сёгун не присутствовал на воздаянии почестей принцессе, поэтому все вели себя развязно. Саке лилось рекой, а военачальники соревновались в изяществе лестных тостов.

Над всеми ними возвышался главный стол. Айко сидела на почётном месте, облачённая в роскошное вечернее кимоно глубокого сапфирового оттенка. На её щеках горел лёгкий, соблазнительный румянец от выпитого саке и непрерывного потока внимания. В глазах полыхало возбуждение.

«Я сделала это! Я – истинная наследница, а не просто избалованная девчонка,» – кружилось в её голове с каждым новым исполненным бокалом.

Сбитые до кровавых мозолей пальцы скрывали длинные рукава, а ноющие от вчерашних ката мышцы казались лишь сладостным доказательством собственного могущества. Придворные окружили её плотным кругом, наперебой расписывая детали грядущего похода к Первородному кристаллу. Айко благосклонно улыбалась, принимая оды, но где-то на самом дне её сознания, под слоем гордости и хмеля, тонкой иглой колол страх: «А если бы Рёко не заставила меня упасть тысячу раз? Если бы её ладони не удержали мои руки в кульминационный момент?..» Но Айко быстро заглушила этот шепоток очередным глотком саке. Сегодня она была звездой.

Рёко сидела чуть в стороне за скромным столиком и чувствовала себя чужой на шумном празднике. Она пила воду и изредка притрагивалась палочками к рису. Что-то не позволяло поддаться общей эйфории. Жрицу не покидало въедливое чувство тревоги. Рёко не знала, что на самом деле произошло за пределами дворцовых стен, рассеялись ли тёмные силы или просто затаились – вестники ещё не успели вернуться из дальних провинций, но внутреннее чутьё, натянутое как струна сямисэна, протестовало против всеобщего ликования. В груди нарастало предчувствие чего-то неизбежного и очень плохого.

Беспокойно поглядывая на румяную, опьянённую всеобщим поклонением Айко, Рёко чувствовала, как по спине пробегает холодок. Принцесса сейчас казалась слишком уязвимой, слишком беспечной в своей слепой гордыне. Жрица не сводила с неё глаз до конца вечера.

Сёити сидел неподалёку от неё, как обычно сдержанный и молчаливый. Пальцы под широким рукавом то и дело нервно теребили тяжёлые, вбирающие магию оковы, въевшиеся в запястья. Каждое прикосновение к металлу отзывалось внутри давящей тоской. Без привычного потока горной магии он чувствовал себя наполовину слепым и беспомощным. Сёити мечтал лишь об одном – разомкнуть проклятые браслеты и снова выпустить силу на волю. Его мысли постоянно уносились прочь из праздничного зала – к далёким горным кручам, своему клану. Как они там без него? Выстояли ли священные рощи перед Сигами? Оковы на запястьях не давали направить дух домой и узнать правду. Переведя взгляд на Рёко, он уловил её внутреннюю дрожь и коротко, сочувственно кивнул.

В самом дальнем, погружённом в полутьму углу зала, стоял Рэн. Он игнорировал накрытые столы, предложенные подушки и пьяные выкрики пирующих. Его силуэт почти сливался с узорами на ширмах. В руке лис лениво поплёскивал саке в пиале, но за весь вечер так и не сделал ни единого глотка.

Печать на шее не давала покоя: она досаждала своей тяжёлой, монотонной пульсацией – Сигами в крови отзывалось на всплеск энергии от ритуала. Когда Сёити запечатал магию, Рэн не представлял, что его ждёт. Это была вынужденная, но жестокая мера. Каждая секунда без лисьего огня казалась медленным удушьем. Одно служило утешением – то, что сейчас Сёити находился с ним в одной лодке, лишённый магии, возможности расправить крылья, взмыть ввысь.

И всё же... сегодня в янтарных глазах, скрытых полумраком, проглядывало мрачное удовлетворение. План сработал. Принцесса провела ритуал, Рёко направила поток силы, а сам Рэн безукоризненно исполнил свою роль легкомысленного искусителя. Они победили на первой линии, а значит, шаг за шагом приближался тот день, когда они дойдут до Скрытых земель. До Первородного кристалла. Туда, где всё началось. Там Сигами сторит в истинном свете, запечатывающие узы Сёити падут, и Рэн обретёт долгожданную, безграничную свободу духа.

Взгляд медленно скользил по залу. Он на секунду поймал отблеск золота на сапфировом кимоно принцессы, брезгливо обогнул красные, пьяные лица хохочущих сановников и наконец остановился правее – на фигуре Рёко. На ней было тёмно-синее кимоно без вышивки драгоценных нитей. Чёрные волосы гладко зачёсаны назад, убраны в практичный пучок без единой блестящей заколки. Она была слишком худой, лишком прямой, вся какая-то угловатая, напряжённая, будто ждала удара. На лице выделялись тени под глазами от недосыпа или тревоги. Она не улыбалась. Даже когда кто-то из придворных обращался к ней, она отвечала коротко и тут же отводила взгляд куда-то вперёд. В толпе сияющей знати она была блёклой, почти незаметной, и при этом единственной, кого он видел.

Предвкушение триумфа дало трещину. Из глубины памяти, пробивая броню циничной невозмутимости, поднялся въедливый запах гари. Пальцы сжали пиалу сильнее. Он стремился к свободе, но что, если эта миссия – повторение старой ошибки?

Затушевав встревоженный блеск глаз в полутени колонны, Рэн вышел на балкон. Никто в оживлённом зале не знал, что сейчас древний ёкай разрывается на части между жаждой исцеления, искупления ошибок и парализующим страхом, что его присутствие снова станет для кого-то смертельным приговором.

Шум празднования, доносившийся из Большого зала – звяканье фарфора, раскатистый хохот самураев и пьяные тосты, – на дальнем балконе превратился неясный фоновый шум. Ночной воздух был свежим и прохладным. Рэн стоял, опершись локтями на перила из тёмного дерева, и смотрел на расстилающуюся внизу столицу. Город отсюда казался лишь россыпью маленьких огоньков.

За его спиной раздался размеренный шаг. Кедровые доски балкона слегка скрипнули.

– Я думал, ты любитель шумных застолий, – раздался голос Сёити.

Рэн даже не обернулся. Он лишь чуть качнул головой и едва слышно хмыкнул.

Сёити подошёл к перилам и встал рядом, глядя перед собой в темноту. Он положил широкие ладони на дерево, и под тканью его рукавов тихо звякнули тяжёлые браслеты.

– Люди быстро забывают страх, когда им дают хотя бы иллюзию надежды, – подал голос Рэн. – Это их слабость. И их защита.

Несколько минут они стояли в полном молчании. Для двоих древних существ, связывавших свои судьбы с этим миром веками, такая тишина не была неловкой. Они знали друг друга слишком долго – пережили не одну войну, стояли плечом к плечу и не раз сходились в жестоких спорах, став кем-то между заклятыми врагами и единственными, кто способен понять истинную цену времени.

– Ты превзошёл сам себя, – тихо, почти невесомо произнёс лис. – Поручить мне отвлечь принцессу, придумать целый спектакль с чарами, поцелуями и романтическими бреднями. И надо признать, я прекрасно сыграл свою роль. Принцесса уверена, что я без ума от Её Величества.

Сёити уголок губ тронула скупой высеченной из камня улыбкой:

– Ты всегда был талантливым актёром.

– Да, вот только декорации меняются, а суть остаётся, – лис сделал шаг ближе, оперся бедром о перила и скрестил руки на груди. – Скажи мне, Сёити, ты ведь знаешь, кем на самом деле является Рёко?

Вопрос повис в воздухе.

Сёити не дрогнул. Он не повернул головы, его взгляд остался прикованным к тёмной линии горизонта, где горы сходились с небом, но пальцы на деревянных перилах сжались чуть сильнее.

– Знаю, – ровно и честно ответил Хранитель гор. – С самого первого дня, как увидел её.

– Душа не меняет свой узор, верно? – Рэн провёл рукой по волосам, подставляя лицо ветру. – Как бы долго она ни блуждала в Круге Перерождений, сколько бы столетий ни про-

шло... Этот взгляд, за которым скрывается готовность сжечь себя дотла ради других, абсолютная глухота к собственной боли узнаётся из сотен тысяч. Мы ведь уже проходили всё это.

– Не надо, Рэн, – резко, но без ярости перебил его Сёити. Голос Хранителя звучал как предупреждающий раскат грома перед бурей. – Не бреди старые раны.

Кицунэ мгновенно вскинул голову.

– Почему? Потому что тебе больно это вспоминать?

Сёити всё же повернулся к лису. Вид у него был суровым, а тёмные глаза смотрели прямо вглубь ёкая.

– Потому что если ты заставишь её вспомнить, я не знаю, как она это перенесёт, – честно ответил Сёити. – И эта интрижка с принцессой, которую я просил тебя разыграть... была лишь способом удержать тебя подальше от Рёко.

Рэн прищурился, в голосе прорезался ядовитый сарказм:

– Но при этом ты сам связал нас одной дорогой от самых гор до этого чёртового дворца. А если бы я обмолвился ещё тогда?

– Но ты этого не сделал, – отрезал Сёити, даже не моргнув. – Если тебе нужно пояснение, почему я рискнул, оставив вас наедине, я тебе его дам. Лишённый магии, ты беспрепятственно проходишь в земли людей. Ты резонируешь с Сигами, чувствуешь их присутствие и своевременно устраняешь. Без тебя Рёко не дошла бы до столицы живой.

Рэн даже не вздрогнул, лишь уголок губ едва заметно дёрнулся.

– Я сделаю всё, чтобы уберечь её, – Сёити сделал шаг к Рэну, перекрывая ему пространство. – Вспомни ту катастрофу. Она уже умерла из-за тебя один раз. Ты правда хочешь, чтобы история повторилась?

Рэн молчал. Он стоял всё так же неподвижно, скрестив руки на груди. Внутри кипел протест, но ёкай умел держать волю в узде. В глубине души он знал – Сёити прав во всём.

– Рёко – больше не та, кем была тогда, – продолжал Сёити, его голос стал мягче. – В этой жизни у неё иная судьба и иная миссия. Если ты снова подойдёшь слишком близко, если растревожишь её душу общим прошлым, ты просто сломаешь её до того, как мы дойдём до Первородного кристалла.

– Ты думаешь, я забыл? – с трудом проговорил лис.

– Если помнишь – держись от неё подальше, – резюмировал Сёити. Он положил ладонь, закованную в тяжёлый металлический браслет, на плечо Рэна. Это не был жест угрозы – это была поддержка старого друга, разделяющего с ним тяжесть вековой печали. – Играй свою роль. Будь несерьёзным, скользким. Пусть Рёко презирает тебя, пусть злится. Её гнев – это её защита. Пока она считает тебя опасным, её разум остаётся чист.

Рэн недолгое время смотрел на руку Сёити на своём плече, затем медленно стряхнул её и отвернулся к ночному городу.

– Вы чертовски жестоки для святого защитника, Хранитель гор, – ехидно отозвался Рэн, смотря, как внизу гаснет очередной огонёк. – Ладно. Я сыграю эту партию до конца.

Сёити молча кивнул, качнулся назад и оставил лиса наедине с призраками прошлого.

Глава 12. Ущелье плачущих сосен

Звон железа, скрип подтянутых кожаных ремней и фыркание коней заполняли внутренний двор замка задолго до того, как рассвет успел позолотить резные коньки крыш. Во влажном воздухе пахло отборным овсом, сосновой смолой и дёгтем, которым конюхи на рассвете пропитали копыта лошадей и швы перемётных сум для защиты от горной сырости.

– Затяни узел на два оборота, – отрывисто бросил Такеши своему товарищу.

Воин упёрся кованым сапогом в бок гнедого коня и с силой потянул за подпругу. Животное недовольно переступило копытами и выбило искру из каменной плиты. – В горах ослабленное седло – это сломанные рёбра.

Самурай Кэнджи молча кивнул. Он ловко обвязал верёвки вокруг тяжёлых व्यюков с сушёным мясом и рисом. Воины действовали с той введшейся сноровкой, которая вытаскивалась годами дальних переходов.

Сборы шли в глубоком молчании. Рёко стояла чуть в стороне и поправляла дорожную суму через плечо. На жрице было строгое походное одетие, перехваченное широким поясом. Она старалась сохранять внешнее спокойствие, но глаза непрерывно скользили по двору и улавливали малейшие изменения в потоках энергии.

Айко заканчивала затягивать наручи. Принцессе пришлось сменить тяжёлое кимоно на практичный наряд: поверх льняного косодэ [1] сидел кожаный панцирь, стянутый на боках прочной шнуровкой, талию плотно поддерживал походный пояс оби. Наручи и поножи должны были защитить руки и голени от ударов о ветви и стремяна. Принцесса чувствовала себя непривычно и неловко в дорожном обмундировании.

На верхнюю галерею вышел Сёгун. Ниже него на ступенях мгновенно склонились свита, жрецы и мастера-кузнецы. Правитель указал в сторону тэнгу.

Главный кузнец с ритуальным долотом и тяжёлым молотом приблизился к Сёити, который уже ждал за внешними воротами, там, где барьер замка уже не имел силы. Хранитель гор положил руку на каменный высупи. Мастер приложил стальное долото к ключевой руне на массивном браслете.

– Прошу прощения за причинённое беспокойство, – произнёс кузнец и нанёс точный удар молотом.

По браслету пробежала светящаяся трещина, со вторым ударом он раскололся и с тяжёлым стуком упал прямо на камни. Точно так же мастер разбивающим ударом освободил и вторую руку.

Сёити медленно потёр затёкшие запястья, на которых остались глубокие следы от оков. Освобождённая магия вырвалась наружу мощной волной. Воздух вокруг воина задрожал, а кони склонились от прихода силы древнего духа. Сёити расправил широкие плечи, сжал и разжал спасённые ладони, ответил Сёгуну глубоким, уважительным поклоном.

Принцесса Айко сделала шаг к отцу. Она опустила на колени и коснулась лбом ладоней, сложенных на брусчатке.

– Я исполню свой долг перед народом, отец.

Сёгун посмотрел на дочь строго, едва заметным кивком головы он выразил одобрение.

– Держи имя нашего клана в чистоте.

Сёити шагнул навстречу отряду.

– Все готово. Перевалы не ждут, – Хранитель гор обернулся к лошадям и обвёл отряд взором, который не допускал возражений. – Дорога до Скрытых земель будет долгой. Расходовать силы животных попусту мы не будем, поэтому поедем попарно.

Он указал на массивного вороного коня, которого держал за недоуздок молоденький конюх.

– Рёко, ты едешь со мной во главе отряда.

Жрица лишь молча кивнула и сделала шаг к коню. Сёити оказался, руки уверенно легли ей на талию, и Рёко ощутила тепло его ладоней сквозь ткань одежды. Одним единым, мощным движением он подбросил её в седло. В следующее мгновение конь слегка прогнулся под новым весом: тэнгу взметнулся следом, устроившись за спиной девушки, и тут же перехватил поводья из её пальцев, заключив Рёко в кольцо своих рук.

– Принцесса, Вы поедете вместе с Рэн строго за нами.

Рэн отвесил Айко изящный полупоклон, посмотрел своим самым чарующим взглядом и подал обтянутую тонкой замшей ладонь. Принцесса чуть замешкалась, но всё же оперлась на его руку. Лис плавно и без видимых усилий помог подняться в седло. Следом он лёгким движением взлетел на гнедого коня сзади, подхватил поводья, охватывая Айко руками для уверенного контроля над конём.

– И замыкают колонну Такеши и Кэнджи, – закончил распределение Сёити. – Вы прикрываете тыл и следите за грузом.

Самураи синхронно поклонились. Они быстро влезли на своих тяжелогружённых коней и выстроились замыкающей парой.

– Вы отправляетесь в Скрытые земли к Первородному кристаллу, – разнёсся над двором глубокий, ровный голос Сёгуна. – Судьба Империи вверена вашей дисциплине и вашей силе. Не подведите.

Сёити слегка тронул поводья и пустил своего коня вперёд. За ним размеренно тронулись Рэн и Айко, а следом поехали самураи. Отряд покидал привычный мир и отправлялся навстречу неизвестности к тёмным, молчаливым горам.

Утренний тракт, змеившийся вдоль подножия гор, был чист и спокоен. Ритуал сработал – человеческие земли вздохнули с облегчением, освобождённые от всякой черни. Впервые за долгое время дорога не омрачалась чем-то незримым присутствием.

Айко отчаянно пыталась держать спину твёрдой, как на дворцовых приёмах. Но горная тропа постоянно осыпалась, и принцессе неизбежно приходилось откидываться назад, касаясь груди किцунэ.

Лис наклонился к самому уху принцессы так, что его белые пряди коснулись её щеки.

– Вы не на дворцовом приеме, расслабьтесь. Я не дам вам упасть, не беспокойтесь.

Айко вспыхивала до самых кончиков ушей, но, помня о статусе и не желая показывать слабость, лишь сурово отчеканивала через плечо:

– Моя осанка – это не твоя забота.

– Всё, что касается Вашего комфорта в этом пути – исключительно моя забота, – Рэн бархатисто засмеялся, чуть сильнее стягивая поводья, отчего конь вскинул голову, вынуждая Айко снова невольно прижаться к лису.

– Надо признать, что у тебя весьма сносная хватка. Для ёкая.

– Я полон сюрпризов. Но мне казалось, дворцовое воспитание запрещает Вам так близко общаться с лисами.

– Мы далеко от дворца, – отозвалась Айко, чуть расслабляя плечи и позволяя себе наконец опереться на тело позади. – И раз уж мой комфорт в твоих руках, постарайся не уронить моё достоинство в ближайший овраг.

– Ваше достоинство в полной безопасности, – мягко шепнул Рэн.

Рёко сидела впереди Сёити. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы знать, что происходит сзади. Каждый тихий смешок, каждое случайное касание и смена тональности в голосе Рэна и Айко долетали до неё с предельной чёткостью. Незванная ревность ковыряла сердце: почему её так задевает то, как он шепчет что-то другой? Возможно, потому что весь путь до замка Рэн держался от неё самой с подчёркнутой осторожностью...

Прямо за спиной возвышался Сёити. После освобождения от оков магия с каждым шагом на север, по мере приближения к Скрытым землям, становилась гуще, крепче и осязаемее. Это была древняя стихия: тёплая, точно разогретый солнцем гранит, и одновременно удушающе-хмельная, как воздух перед грозой. Тело отзывалось на эту силу сладостным, будоражащим волнением.

– Каково это? – тихо спросила Рёко, чуть наклонив голову назад, чтобы голос не унёс горный ветер. – Снова чувствовать... всё?

Сёити ответил не сразу. Хранитель подался вперёд, так что его подбородок оказался почти у самого плеча жрицы, а голос прозвучал прямо над ухом:

– Словно я долго лежал под толщей воды и наконец сделал первый вдох, – спокойно проговаривал Сёити. Едва уловимое дыхание коснулось шеи Рёко, выбивая дрожь. – Скрытые земли зовут мою кровь. Я чувствую каждый излом и структуру скал, движение воды в подземных источниках на три ри [2] вокруг.

Он замолчал на миг, и Рёко ощутила, как волна его силы буквально окутала с ног до головы.

– И я чувствую, как беспокойно бьётся твоё сердце, Рёко.

– Моё сердце спокойно, – возразила девушка и постаралась изобразить убеждающий взгляд, но от близости и плотности ауры тэнгу у неё слегка закружилась голова.

– Не сопротивляйся, – тихо и мягко произнёс Сёити. Он едва заметно прижал её к себе чуть ближе, накрывая спину жрицы широкими плечами. – Моя магия не причинит вреда.

Этот разговор и жест не укрылись от едущего сзади кицунэ.

Рэн в этот момент как раз нагибался к уху Айко с очередной поэтичной фразой, но на полуслове его голос чуть осёкся. Зрачки на мгновение сузились. На лице пролегла тень – полуулыбка на губах померкла, а хватка на кожаных ремнях гнедого стала ощутимо жёстче. Рэн заставил коня сократить дистанцию и подойти почти вплотную к вороному, не намереваясь оставлять пару без присмотра.

Рёко не видела этого взгляда Рэна, но слышала, как резко и сжато вскинул голову его конь. Она прикусила губу, чувствуя, как внутри смешиваются облегчение от надёжной силы Сёити и одновременно накрывает волна острой, опасной игры, которая закручивалась между ними всеми на этом узком горном пути.

Солнце клонилось к западу, скрываясь за зубчатыми хребтами. Подъём становился всё круче: ровный тракт окончательно уступил место узкой тропе, усыпанной мелким сланцем и хвоей. К вечеру они достигли Ущелья Плачущих Сосен.

Заходящее солнце зацепилось за очертания горных пиков, и Ущелье наполнилось светом. Очертания сосен с чешуйчатой корой вспыхивали в прощальных лучах. Солнечный свет пробивался сквозь кроны длинными косыми полосами, разрезал воздух и подсвечивал подлесок. Внизу у корней пышно расправляли темно-зелёные веера папоротники, а вдоль тропы рос горный вереск. От разогретых за день стволов исходил аромат хвои. Капли свежей янтарной смолы ловили последние лучи заката и горели маленькими огоньками.

Своё название ущелье оправдывало без мрачной угрозы. Ветер вершин пролетал сквозь кроны и выбивал из деревьев протяжный, мелодичный гул. Этот звук эхом отдавался от отвесных стен.

– Прибыли, – коротко произнёс Сёити. – Дальше путь в темноте опасен. Разобьём лагерь здесь.

Ущелье встретило уютным золотистым покоем. Это было лучшее место, чтобы успеть до темноты разбить палатки, развести костёр и дать уставшим лошадям и людям передохнуть перед дальнейшей дорогой.

Рэн плавно оставил поводья и, соскочив на землю с присущей ему ловкостью, протянул руку Айко, чтобы помочь спуститься. Принцесса, едва касаясь его ладони, сошла на камни, но норовящие подогнуться от усталости ноги едва выдержали первый шаг.

Рёко, которую Сёити спустил на землю следующей, на мгновение встретилась взглядом с Рэном. Лис одарил её быстрой усмешкой и тут же отвернулся к самураям, отдавая указания.

Такеши и Кэнджи проверили периметр и принялись за обустройство лагеря. Они сбросили тяжёлые сумы, раскололи сухие сосновые колья и вбили их в землю массивными обухами топоров. Натянули плотные, непромокаемые холсты палаток, закрепили растяжки и обложили края крупным булыжником, чтобы ночной ветер не сорвал укрытие. После этого воины занялись лошадьми – расседлали, осмотрели копыта и пустили пастись на поляну у ручья.

Рэн взял на себя огонь. Лис опустил на корточки у сложенного из камней кострища. Собирать хворост он не стал – лишь повёл ладонью, и сухие сосновые ветви, аккуратно сложенные Кэнджи, охватило слабое пламя, которое смог из себя выжать лис. Вскоре оно разгорелось, весело затрещало и выбросило вверх сноп искр. Рэн сидел корточках рядом и наблюдал, как пляшут языки огня.

Сёити же обошёл лагерь по кругу. Он создавал невидимый нерушимый контур вокруг лагеря, который должен был предупредить о любом чужаке и укрыть свет их костра от дурных глаз.

Рёко расстелила на плоском валуне чистый холст и принялась разминать в каменной ступке сушёные травы и чабрец, который набрала у тропы. Айко опустилась рядом. Дворцовое воспитание здесь было бесполезно, поэтому принцесса упрямо училась быту: она сняла тяжёлые защитные щитки и отчаянно пыталась научиться правильно нарезать мясо для общего котла. Кусочки получались неровными, а пальцы немели от жёсткого походного ножа.

– Держи клинок чуть под углом, – подсказывала Рёко.

Жрица ловко перехватила тонкую ладонь принцессы, направляя движение. Айко попробовала снова – дело пошло лучше. Вдвоём они промыли посуду, заправили котелок кореньями и мясом, а затем вместе отправились к палаткам. Пока Рёко расстилала внутри укрытий маты и походные одеяла, Айко раскладывала под изголовьями защитные мешочки с лавандой и полынью.

Вскоре над лагерем поплыл аппетитный аромат закипающего травяного чая и ужина, а в центре выросшего из трёх палаток лагеря уютно заплясало высокое пламя.

После трапезы, пока мужчины были заняты своими делами, девушки направились к ручью. Чуть шурша, по гладким камням бежала вода с тающих ледников. Айко с тихим вздохом опустилась на плоский валун. Весь день в седле в непривычной походной броне отозвался ломотой в пояснице и затёкших плечах. Жрица опустилась на колени позади и помогла снять панцирь. Айко расправила плечи и впервые за день глубоко, с облегчением вздохнула.

– Отец всегда говорил, что дисциплина побеждает любую усталость, – заговорила Айко, смывая водой въедливую пыль с предплечий. В её голосе больше не было дворцовой надменности – лишь усталость и редкая откровенность. – Но одно дело слушать наставления в роскошном зале, и совсем другое – чувствовать, как под копытами коня осыпается сланец над пропастью. Я ведь видела, как ты смотрела на меня утром. Думала, я сломаюсь на первом же перевале?

Рёко слегка оттянула назад широкий воротник косодэ Айко, открыв изящную шею и напряженные плечи. Согрев масло в ладонях, жрица сначала нанесла его на заднюю часть шеи, а затем, продвигаясь ниже, стала точечными движениями разминать тугие узлы мышц, втирая целебное тепло глубоко к мышцам.

– Я знала, что ты упряма, – ответила Рёко. – В нашей крови этого с избытком.

– Это уж точно, – Айко с тихим смешком качнула головой, подставляя плечи к сильным пальцам жрицы. – Так странно обрести сестру. Ты всё это время знала о моём существовании?

– Знала, – Рёко продвигалась пальцами к лопаткам. – Для меня ты долго оставалась просто именем из чужих разговоров. Долгожданная гордость Сёгуна.

Айко притихла, опустив ладони в ледяную воду.

– Прости меня, – тихо произнесла Айко, и в этом полушёпоте слышалось что-то надорванное. – За то, как я держалась в первые дни. Во дворце, если ты не выстроишь вокруг себя стену из надменности и высокомерия, тебя просто растопчут. Слуги и советники постоянно наблюдают, считают, что ты не имеешь права на ошибку или слабость, и пытаются доложить о каждой оплошности отцу. Я просто привыкла защищаться.

Рёко на мгновение задержала ладони на плечах сестры, ощущая, как спадает остаточное напряжение в её мышцах.

– Не стоит извиняться, – ответила жрица. – Мы росли в абсолютно разных мирах, но я тебя понимаю.

Айко медленно повернула голову, с грустной улыбкой посмотрела на Рёко.

– Только здесь, на этом сквозняке среди сосен, я впервые чувствую, что могу просто дышать. Без страха разочаровать Его Превосходительство.

Рёко всматривалась в утончённый профиль Айко. Наблюдая за тем, как упрямо сестра пытается сжать волю в кулак, Рёко чувствовала не обиду за разность их судеб, а сестринскую потребность защитить её – не только как принцессу, но и как родную кровь.

Айко задумчиво проследила взглядом за тёмной струей воды, а затем слегка поджала губы.

– Раз уж мы заговорили про защиту... – Айко неловко запнулась, поправляя влажный воротник косодэ и поворачиваясь к Рёко. – Похоже, против некоторых людей – или ёкаев – не укрыться за титулами и правилами. С ними выученные маски просто не работают.

– Ты про Рэна?

– Да. Он видит меня насквозь. Вот что выбивает меня из колеи больше всего, – в голосе принцессы смешались досада и восхищение. – Во дворце все учили меня держать лицо. Я годами выстраивала фасад. А Рэн... ему было достаточно одного взгляда, весь мой образ рассыпался. Он смотрит так, будто ему известна каждая моя мысль.

Айко присела ближе, понизив голос.

– Сегодня, когда конь поскользнулся на осыпи, я даже вскрикнуть себе не позволила. Сжала зубы и решила, что никто не заметит моего страха. А он просто накрыл мою ладонь своей, наклонился и тихо так проговорил: «Не бойтесь. Пока Вы со мной – Вы в безопасности». От этой его пронизательности у меня земля из-под ног уходит.

Рёко не требовалось напрягать воображение: её собственная память хранила ту же растерянность. Она помнила, каково это: с трудом удерживать равновесие рядом с Рэном. Осознание того, что теперь он защищает другую и находится рядом с ней, отозвалось затаённой обидой, в которой было слишком стыдно признаться даже себе. Но перед Рёко сидела Айко – искренняя, смущённая, с горящими щеками и доверием в глазах. Опустив взгляд, девушка спрятала собственные чувства.

– Рэн прожил не одну сотню лет. Дворцовые маски для него – слишком простая загадка.

– Да, но почему от этого так... жарко? – Айко неловко спрятала лицо в ладонях, и её голос прозвучал глухо. – Мне хочется показать, что я не беспомощная. Но каждый раз, когда я собираюсь выдать ему пару колкостей, он смотрит на меня с этой своей улыбкой – будто уже знает, что я скажу. И вся моя спесь просто испаряется. С ним невозможно играть в правителя и подданного. Рядом с ним я остаюсь просто... собой. И мне это нравится. Вот что пугает меня больше всего.

– Ты привыкла, что в тебе видят принцессу, дочь Сёгуна. А Рэн видит живого человека. И, кажется, этот живой человек ему интересен.

– Думаешь? – Айко выпрямилась, в глазах заплескалась искренняя радость. Жрица встретила её взгляд и утвердительно кивнула.

Рёко отправила Айко в лагерь отдыхать, а сама осталась у ручья. Она опустила ладони в ледяной поток и вытерла лицо, пытаясь смыть пыль и затаённую боль. Вдруг её настигло знакомое чувство тревоги.

– Быстро ты её отпустила. Я-то думал, сестринские откровения затянутся до самого рассвета, – сказал Рэн с уловимой иронией.

Рёко встала, вытерла влажные руки о полотенце и обернулась. Рэн стоял совсем близко – ближе, чем следовало. Ожидаемой насмешливой вальяжности не было, выражение лица совершенно не соответствовало расслабленному тону: лисьи черты заострились, взгляд был удивительно серьёзным.

– Айко устала после дороги, – ответила жрица и поднялась. – Ей нужен отдых.

– Вот как? – Рэн чуть наклонил голову набок, глаза блеснули в сумерках. – А мне показалось, дело не только в усталости. О чём вы говорили за моей спиной?

– Ты преувеличиваешь свою значимость, – Рёко попыталась пройти мимо, но Рэн в один шаг перекрыл ей тропу.

– Ты сейчас смотришь на меня так же, как в день, когда мы впервые встретились – с явным недоверием, и держишь дистанцию. Может, скажешь, в чём дело?

Тонкая нить выдержки жрицы окончательно оборвалась от невыносимой отстранённости Рэна.

– В чём дело? – прошипела Рёко, шагнув к нему вплотную. – Ты вечно ведёшь какие-то свои скрытые игры, о которых никому не говоришь!

Рэн впервые нахмурился под напором гнева. Рёко смотрела в глаза ёкая с огромными зрачками, за которыми проглядывалась бездна.

– Скажи мне честно, Рэн... – голос жрицы дрогнул от обжигающего спазма в груди. – Ты правда что-то чувствуешь к Айко?

Лис молчал. Он не отстранялся, всматриваясь в раскрасневшееся лицо напротив, в дрожащие губы, в гневный огонёк в глазах, в которых читалось слишком много утаённых чувств.

– И не делай вид, будто не понимаешь, о чём я, – выговорила Рёко, ощущая, как от собственной откровенности перехватывает дыхание. – Я видела вас. У водопада в саду Гинрю-дзё. Я видела, как вы целовались.

Рэн стоял всё так же неподвижно, лишь его грудная клетка вздымалась чуть глубже обычного. Вокруг них потонула в абсолютной тишине вся горная чаща.

– Видела, значит, – задумчиво, почти неразборчиво произнёс он.

Рэн действовал быстро. Рука перехватила запястье Рёко, и в следующее мгновение он повалил девушку на влажную траву, нависнув сверху и прижав её плечи к земле. Всё произошло за долю секунды – так же, как тогда, у водопада в дворцовом саду.

Дыхание перехватило. От тела Рэна исходил отчётливый жар.

– Что ты... – выдохнула жрица, пытавшись вырвать руку, но хватка кицунэ была крепкой.

– Слушай внимательно, жрица, – Рэн наклонился ещё ниже, и горячее дыхание коснулось её губ. – Ты видела то, что хотела увидеть. Ты видела принцессу, которая решила поиграть во властную хозяйку, и ёкая, который ей поддался. Хочешь знать, как это было для меня?

Лис захватил и второе запястье, фиксируя оба у головы Рёко, всматриваясь в её расширившиеся глаза.

– Айко заигралась. Она решила, что может повелевать древним духом. Я говорил ей, что эти игры опасны. Я напоминал, кто она и кто я, но принцесса слышала в этом не слова разума, а вызов. И когда она поцеловала меня, у меня не было выбора, кроме как сломать её иллюзию.

– Сломать?.. Ты прижал её к подушкам! Ты ответил ей!

– Это называется перехватить инициативу, – перебил Рэн. – Я прижал её к земле не для того, чтобы овладеть, а чтобы показать грань. Чтобы она на собственной шкуре ощутила, что значит переступить черту с тем, кто сильнее её. Я дал ей понять, кого она пытается приручить. И это сработало – она отступила.

Рэн ослабил хватку. Его пальцы скользнули по запястьям Рёко, осторожно переплетаясь с её пальцами. Голос лиса опустился до едва слышного шёпота:

– Это был план Сёити – привязать Айко ко мне, дать ей почувствовать себя в безопасности. Но Сёити не учитывал, что принцесса решит попробовать меня на прочность. А я не мог оттолкнуть её как девчонку – я должен был укротить порыв, не унизив её достоинства.

– И ты молчал... – прошептала жрица, чувствуя, как от его близости теряет рассудок.

– Я не должен был тебе этого говорить, – ответил Рэн, на секунду ткнувшись лбом в её лоб. – Но я не могу смотреть, как ты ломаешь себя и ненавидишь меня за то, чего не было.

Он задержался над ней ещё одну бесконечно долгую секунду, всматриваясь в дрожащие губы, а затем отпустил руки. Рэн поднялся на ноги, стряхивая с одежды травинки. Пространство между ними снова заполнилось холодным воздухом. Лис сверху вниз посмотрел на жрицу, всё ещё лежащую в полном смятении.

– Теперь возвращайся к костру.

Он развернулся и растаял в ночной тени так же бесшумно, как появился, оставляя Рёко наедине с ручьём и бешено стучащим сердцем.

[1] Косодэ – походная рубаха-кимоно с короткими свободными рукавами.

[2] Ри – японская единица длин, 1 ри равен примерно 3,927 километра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.